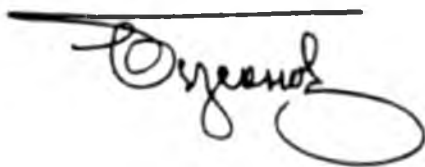

ПОѢЗДКА ПО ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

— КЪ —

НЕФТЯНЫМЪ ЕЯ БОГАТСТВАМЪ
НА РѢКУ УХТУ.

A handwritten signature in cursive script, likely reading "О. С. Серебряниковъ", positioned below a horizontal line.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Т-во Р Голикъ и А. Вильборгъ. Звенигородская, 11

1908.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Глава		Стр
I.	Сухона, Двина, Тотьма, Устюгъ	1
II.	Вычегда, Сольвычегодскъ, Яренскъ, Устьсысольскъ	19
III.	Вычегда, Усть-Куломъ, Ульяновскій монастырь, Устьсысольские лѣса и лѣсничества	33
IV.	Вишера. возможность колонизации ея бассейна, ея притоки, Синдорское озеро, путь съ Вишеры до устья Выма	43
V.	Село Усть-Вымъ, Сереговскій солеваренный заводъ и Кылтовскій женскій монастырь	58
VI.	Рѣка Вымъ, его пороги и притоки	68
VII.	Рѣка Шомъ-Вуква, переволокъ, рѣка Ухта, выходы нефти на ней, Сидоровскій заводъ и окружающая его мѣстность.	79
VIII.	Выдача заявочныхъ свидѣтельствъ, геологическое строение района, промыселъ Гансберга, анализы нефти и условия ея вывоза	100
IX.	Обратный путь по Ухтѣ, Вуквѣ, Выму; Зыряне	112
X.	Вычегда, Коряжемскій монастырь, обѣдъ въ Устюгѣ, рѣчь Губернатора, газетныя извѣстия объ экспедици Воронова, возвращение. . .	131

Глава I.

Сухона. — Двина. — Тотьма. — Устюгъ.

3-го мая, въ 4 часа дня, наша экспедиція въ составѣ губернатора А. Н. Хвостова, непремѣннаго члена П. В. Ведрова—знатока съвера, прожившаго на немъ долгое время, и меня, записавшаго настоящія впечатлѣнія, вынесенныя экспедиціей изъ поѣздки, какъ инициатора, поднявшаго вопросъ о необходимости общественнымъ силамъ губернии придти на помощь нарождающимся нефтянымъ промысламъ, отправилась на казенномъ пароходѣ „Вологда“ въ далекій, мало извѣстный, очень интересный и казавшійся намъ такимъ таинственнымъ край, которому вѣроятно предстоитъ сыграть не маловажную роль въ жизни не только нашей губернии, но и всей Россіи.

Пожеланія, прощанія, напутствія, какъ обыкновенно водится—затѣмъ третій свистокъ, глухо слышныя командныя слова капитана въ трубу изъ рубки, застучала машина и мы, плавно описывая дугу, стали сперва медленно отдѣляться отъ пристани, завернулись, почаще застучали машины, и пристань и провожающіе стали быстро уходить назадъ и дѣлаться все меньше и меньше.

Пароходъ побѣжалъ по рѣкѣ Вологдѣ. Версты двѣ она идетъ по городу, минуетъ его окраины, большое село Турундаево и нѣсколько лежащихъ вблизи деревень и затѣмъ на долгое время течетъ по совершенно безлюднымъ мѣстамъ, въ которыхъ кромѣ покосовъ, озеръ, болотъ и тощихъ лѣсочковъ ничего нѣтъ; берега унылые, низкіе, ровные. Воды много и они во многихъ мѣстахъ совершенно теряются, кое-гдѣ тянется только узенькая полоска земли, по мѣстному выраженію „тетива“, а дальше все залито и водная гладь раскинулась, какъ море, вплоть до синѣющихъ на горизонтѣ лѣсовъ.

Вологда и далѣе Сухона въ этой части своего течения, протекая совершенно ровными лугами, идутъ почему-то страшно извилисто; бѣлые и красные столбы, разставленные по берегамъ для обозначенія фарватера, бываютъ видны съ парохода въ совершенно невѣроятныхъ

направленияхъ и, глядя на нихъ, положительно не можешь себя увѣрить, что тамъ течетъ рѣка и что тамъ придется и самому ѣхать; въ солнечную погоду, проходя по здѣшнимъ мѣстамъ, пароходъ такъ изворачивается, что солнце свѣтитъ то справа, то слѣва, то въ лобъ, то въ затылокъ.

Разливъ при впаденіи Вологды въ Сухону

Погода нельзя сказать, чтобы благопріятствовала началу нашей поѣздки: холодно, вѣтрено и сѣтеть мелкій дождикъ, иногда переходящій въ снѣгъ и крупу. Небо все закутано облаками, но ко времени заката какъ будто начинаетъ проясняться, облака кое-гдѣ разорвались и сквозь нихъ проглянуло голубое небо; стало холоднѣе — термометръ показываетъ всего 1^й выше нуля.

Какъ разъ на закатѣ мы проходимъ громадныя разливы, въ которыхъ слились и Вологда и Рабангская Сухона; безъ конца, насколько глазъ хватаетъ, зыблется и рябитъ водное пространство съ торчащими изъ него залитыми кустами и деревьями и въ этой переливающейся всѣми колерами заката зыби длиннымъ столбомъ искрится и сверкаетъ проглянувшее сквозь разорванныя тучи солнце.

Слияніе Вологды и Сухоны интересно расположеніемъ тутъ рѣкъ: Сухона въ этомъ мѣстѣ дѣлаетъ по какимъ-то причинамъ очень большую луку и въ эту-то луку и впадаетъ Вологда. Начало и конецъ этой луки отстоятъ другъ отъ друга сажень на 100, а самая лука длиною въ нѣсколько десятковъ верстъ. Когда-то, идя по Сухонѣ, надо было всю луку эту проѣзжать, теперь же промежутокъ между началомъ и концомъ луки перекопанъ и благодаря этому путь значительно сократился.

Въ народѣ очень распространено преданіе, будто бы однажды Петръ Великій, проѣзжая здѣсь на лодкахъ, утромъ останавливался у начала луки. Вечеромъ того же дня, выйдя для отдыха на берегъ, онъ замѣтилъ невдалекѣ дымящійся еще, не совсѣмъ угасшій костеръ; по тогдашнимъ временамъ костеръ въ такой пустынной мѣстности обратилъ на себя его внимание, и онъ былъ ужасно удивленъ, когда

ему доложили, что это тотъ самый костеръ, который они же раскладывали утромъ; тутъ же, будто бы, Петръ Великій и велѣлъ перекопать этотъ першеекъ. Но, кажется, преданіе это не вѣрно: першеекъ перекопанъ еще Іоанномъ Грознымъ въ то время, когда онъ старался осуществить свою идею о перенесеніи столицы въ Насонъ-городъ, т. е. въ теперешнюю Вологду. У этой перекопи расположено нѣсколько постоянныхъ дворовъ, построенныхъ особеннымъ образомъ—съ высоко расположеннымъ жильемъ и помѣщеніемъ для скотины, такъ какъ весной они снизу заливаются водой и какъ островки торчатъ изъ нея. Существованіе ихъ здѣсь въ совершенно безлюдной мѣстности объясняется тѣмъ, что зимой тутъ проходитъ трактъ, а во время покоса, когда всѣ эти заливные луга и озера кишать косцами, какъ муравьями муравейникъ, эти постоянные дворы къ вечеру бывають прямо набиты народомъ и торгуютъ очень бойко.

Съ рѣки сталъ подниматься туманъ и мы безъ всякой надежды на хорошую погоду отправились въ каюты; но когда встали на другой день утромъ, яркое солнце съ безоблачнаго неба заливало своимъ свѣтомъ и рѣку, и берега, и голые еще то лиловые, то красные лѣса и только остатки ночного тумана прядями уходятъ назадъ; мы ѣдемъ прямо на солнце и вода передъ нами серебрится и сверкаетъ.

Какъ оказалось, мы ночью часа 4 простояли изъ-за тумана, да еще утромъ брали дрова, такъ что идемъ медленно, чѣмъ рассчитывали, но все-таки мы успѣли за ночь уйти изъ мѣстности населенной и безлюдной и теперь ѣдемъ среди береговъ, покрытыхъ деревьями и селами. Вездѣ видны лѣса, во многихъ мѣстахъ сложены заготовленные дрова. Обиліе лѣса замѣтно и въ постройкахъ—крыши почти всѣ тесовыя. Мѣстность оживленная—много селъ, деревень, на рѣкѣ тоже замѣтна жизнь: оригиналь-

Сліаніе Вологды и Сухоны.

ной формы долбленныя лодочки нерѣдко попадаются навстрѣчу, поровняются съ пароходомъ и потомъ долго покачиваются назадъ на поднятыхъ имъ волнахъ; на лодкахъ видны сѣти, разная рыболовная снасть:

теперь самое горячее время для рыболововъ, рыба лучше всего идетъ сейчасъ же послѣ того, какъ пройдетъ первая весенняя мутность воды. Отъ парохода срываются впереди массы утокъ и стаями перелеты-ваютъ все дальше и дальше. Кое-гдѣ видны на берегахъ строящаяся баржи; лѣсъ подходитъ къ самому берегу, большою частью соснякъ.

Не доѣзжая до Тотьмы верстъ 7, красиво вытянулся на Сухонѣ большой длинный „Дѣдовъ островъ“ съ церковью и находящейся на немъ низшею лѣсною школой вѣдомства государственныхъ имуществъ.

Р. Сухона въ 50 в. передъ Тотьмой.

Въ 2 часа подходимъ къ Тотьмѣ; она расположена на лѣвомъ берегу Сухоны и мы еще издали любовались картиной красиво раскинушагося города съ его бѣлѣющими на солнцѣ семью церквями, восьмая видна на другомъ берегу. На краю города видно большое здание ремесленного училища. При ближайшемъ знакомствѣ Тотьма оказы-

вается очень красивою, полною зелени, садовъ и палисадниковъ; раскинулась она вдоль рѣки на довольно высококомъ берегу, перерѣзанномъ нѣсколькими оврагами и это-то расположение, а также обиліе зелени и придаетъ ей красоту. По самому краю берега разбитъ бульварчикъ, съ котораго открывается широкій видъ на уходящую вдаль среди лѣсовъ Сухону и на противоположный берегъ. И на бульварчикѣ и у подножія его около при-

Дѣдовъ островъ.

стани собралось много народа, въ ожидании прибытя губернатора, и оживленныя кучки его, и освѣщенный яркимъ весеннимъ солнцемъ видъ производятъ веселое впечатлѣнне, несмотря даже на то, что, благодаря поздней веснѣ, деревья еще совершенно голы. Немало приятно-му впечатлѣнню способствуетъ песчаный грунтъ города, вслѣдствіе чего послѣ вчерашняго дождливаго дня въ Тотъмѣ сухо, какъ среди лѣта.

Тотьма

Посѣтили соборъ, монастырь, расположенный въ 1,5 верстѣ отъ города, и ремесленное училище. Тотемскій соборъ возвышается на

самомъ берегу Сухоны на томъ мѣстѣ, гдѣ въ древности былъ „Острогъ“ или укрѣпленіе. Въ настоящемъ своемъ видѣ соборъ построенъ весьма недавно—въ 1822 году, а въ 1860-тыхъ годахъ къ тому же совершенно перестроенъ такъ, что о древности его нѣтъ и помину. Спасо-Суморинъ монастырь основанъ преподобнымъ Феодосіемъ въ 1554 году. Въ немъ и покоятся мощи преподобнаго Феодосія. Сна-

ружи монастырь представляетъ очень красивый видъ своими оригинальными постройками, красиво поднимающимися изъ-за толстыхъ каменныхъ стѣнъ.

О ремесленномъ училищѣ стоитъ сказать нѣсколько словъ: училище это устроено, оборудовано и поддерживается на средства уроженца Тотьмы г. Токарева; цѣль его съ одной стороны дать возможность крестьянскимъ мальчикамъ и дѣвочкамъ изучить какое-нибудь ремесло и

Тотьма въ 12 ч. ночи.

заработывать имъ кусокъ хлѣба, а съ другой—снабдить умѣющими ремесленниками крайне бѣдный въ этомъ отношеніи край. Направленіе обученія ремесламъ таково, что въ училищѣ можно видѣть и выдѣлку колесъ для телѣгъ, и тонкую рѣзбу вещей изъ дерева, и окраску таранасовъ, и живопись масляными красками, и рисованіе акварелью; никакой работой тутъ не гнушаются и къ какой кто изъ учениковъ оказывается склоннымъ и способнымъ, въ той и можетъ упражняться и совершенствоваться. Для всѣхъ учениковъ обязательно рисованіе, чтобы будущи ремесленникъ не былъ только рутиннымъ работникомъ по лекалу, но могъ бы работать и по данному рисунку и по своей композиціи и постановка этого предмета въ училищѣ не можетъ не обратить на себя вниманія посѣтителя: приходится удивляться работамъ учениковъ, попавшихъ въ рисовальный классъ прямо изъ деревни и черезъ годъ уже ловко владѣющихъ кистью и очень удачно справляющихся съ красками. Весьма интересны тѣ композиціи, которыя дѣлаютъ на заданную тему ученики старшихъ классовъ; въ нихъ проглядываетъ самобытность и индивидуальность каждаго работающаго, видно, что обученіе не сводится здѣсь къ точному рисованію съ оригинальчиковъ да вырисовыванію въ тетрадкахъ кружковъ и линеечекъ, а напротивъ, тутъ съумѣли рисованіемъ заинтересовать учащихся и каждому даютъ свободу идти своей дорогой, лишь наблюдая за направлениемъ, намѣчая его и не давая сбиваться въ сторону. При школѣ имѣется музей изъ произведеній учениковъ по разнымъ отраслямъ: тутъ и жестяныя издѣлія, и очень изящныя рѣзныя вещи, и такъ модныя теперь рѣзныя съ раскраской, и живописныя, и мебель, и пр., а кромѣ этого въ музеѣ, какъ образчики для выработки пониманія стіля, собрано довольно много русскихъ старинныхъ вещей и матерій, среди которыхъ обращаетъ на себя невольное вниманіе чрезвычайно искусно вышитый кокошникъ съ двуглавымъ орломъ наверху. Вѣроятно, вещь имѣющая историческое значеніе. Въ общемъ школа производитъ отрадное впечатлѣніе: видно, что лица ея завѣдывающія вкладываютъ въ свой трудъ много любви къ дѣлу, не ограничиваясь только отбываніемъ своихъ обязанностей, стараются заинтересовать учениковъ работою и этого достигаютъ. Пріятности впечатлѣнія способствуетъ не мало и мѣсто, занимаемое школой—на высокомъ берегу съ широкимъ видомъ на Сухону и безконечную даль противоположнаго берега, а также и самое зданіе, которое сдѣлало бы честь и не такому городу, какъ Тотма.

Тотма изъ уѣздныхъ городовъ Вологодской губерніи занимаетъ не послѣднее мѣсто и по положенію своему всего въ 160 верстахъ отъ губернскаго города и по количеству жителей, которыхъ въ ней 5.000. Ея уѣздъ заключаетъ въ себѣ 20.488 кв. вер. съ 150 т. жителей и почти правильно дѣлится пополамъ перерѣзывающей его Сухоной; въ общемъ вся площадь уѣзда представляетъ собою равнину съ большимъ

количеством лѣсовъ и болотъ на глинистой почвѣ, переходящей въ восточной части уѣзда въ песчаную. Условия климатическія и почвенныя дѣлають этотъ уѣздъ земледѣльческимъ и тотемски ленъ имѣеть прочно установившуюся репутацію, но въ сѣверной части жители съ земледѣлія центръ тяжести своей работы переносятъ уже на лѣсные промыслы, рыболовство и т. п.

Недалеко отъ Тотьмы, верстахъ въ 40, въ селѣ Леденгскомъ по р. Леденгъ находятся солеваренные заводы, вырабатывающе соль, въ большей части для мѣстнаго употребленія, но постановка дѣла на этихъ заводахъ такова, что весь этотъ промыселъ неуклонно идетъ къ полнѣйшему упадку: крестьяне, предоставленные сами себѣ, вести дѣло безусловно не могутъ, взятыя же за это дѣло со стороны положительно некому. Чувствуя свое безсиліе, они обращались въ старыя еще времена къ губернатору съ просьбою назначить имъ чиновника, который вель бы все заводское хозяйство, но просьба ихъ осталась втунѣ; одно время взялся было за него мѣстный земскій начальникъ и дѣла завода пошли къ улучшенію, но это продолжалось недолго, и теперь Леденгскіе крестьяне, у которыхъ и всѣ средства къ существованію заключаются въ заводѣ, находятся въ критическомъ положеніи.

Ознакомившись достаточно съ Тотьмой, вечеромъ мы отправляемся далѣе внизъ по Сухонѣ, направляясь къ слѣдующей нашей остановкѣ—Устюгу. Весенней прибылой воды много и уровень ея дѣлаеть рѣку очень полноводной и широкой, такъ что, глядя сейчасъ на нее широкую и глубокую, совершенно не вѣрится, что лѣтомъ тутъ и маленькіе пароходы проходятъ съ большимъ трудомъ, а большіе прямо перестаютъ ходить выше Устюга. Вечеръ тихій, рѣка, несмотря на быстрое течение, гладка какъ зеркало и придвинувшіяся къ самой водѣ еловые лѣса зубчатой стѣной отражаются въ потемнѣвшей ея поверхности.

„Опоки“ на Сухонѣ.

Всякому ѣдущему внизъ по Сухонѣ уже извѣстно объ „опокахъ“; такъ называется мѣстность, гдѣ она между Тотьмой и Устюгомъ те-

четь, прорѣзывая довольно высокий горный кряжъ. Мѣстность эта славится живописностью своихъ видовъ, но мы проходимъ ихъ въ пасмурное дождливое утро, съ низкими быстро несущимися тяжелыми облаками, изъ которыхъ сѣется мелкий надолѣдливый дождь и благодаря этому впечатлѣние отъ опокъ получается не такое сильное, какъ ожидалось.

Почти отвѣсныя стѣны береговъ съ разноцвѣтными на нихъ слоями глины и известняковъ прерываются кое-гдѣ долинами и оврагами; кое-гдѣ горы отходятъ отъ берега и тогда до нихъ раскидывается покрытая то лѣсомъ, то полями площадь съ ютящимися на ней деревушками и селами, то на самомъ гребнѣ горы протянется деревенька, а тамъ опять горы подступятъ къ самой рѣкѣ и оборвутся

На Сухои.

въ нее почти отвѣсными пестрыми стѣнами. Кое-гдѣ на отвѣсныхъ берегахъ видны пятна алебастра, и ярко бѣлѣютъ они на общемъ темномъ фонѣ дождливаго весенняго дня. Между горами глубокия узкия долины, заросши сплошнымъ лѣсомъ, взползающимъ по скатамъ до самыхъ вершинъ. Большое сходство съ берегами Волги, но въ гораздо меньшемъ масштабѣ. Еще голый, темный, почти черный, благодаря дождю, лѣсъ, избы съ насквозь пропитанными сыростью кры-

Р. Сухои.

шами, все мокро, слезится и впечатлѣные красоты береговъ сильно понижается.

Сухона въ этомъ мѣстѣ имѣеть много подводныхъ камней и вообще довольно мелка, такъ что это-то мѣсто во время спада воды и составляетъ главное препятствіе для пароходнаго по ней сообщения. Въ такихъ высокихъ берегахъ и бѣжитъ Сухона до самаго Устья и характеръ горъ остается на всемъ этомъ пространствѣ тотъ же самый.

Кое-гдѣ по берегамъ то въ глубокихъ оврагахъ, а то просто подъ берегомъ видны съ парохода остатки залежавшагося грязнаго снѣга, изъ-подъ котораго протянулись до самой рѣки темныя полосы сбѣгающей воды.

Начинаетъ понемногу разъяснивать и тучи уже не ползутъ сплошною массой, а разорвались и между ними видно голубое небо, наконецъ выглянуло солнце и далеко впереди сталъ вырисовываться Устюгъ; масса бѣлыхъ церквей съ сияющими куполами и крестами производитъ впечатлѣніе похожее на то, какое испытываешь всегда, когда, подѣзжая, завидишь старинный русский городъ, — да Устюгъ и есть таковой; и въ немъ и въ его

Г Устюгъ.

уѣздѣ очень много памятниковъ старины, такъ много, что даже образовался здѣсь цѣлый промыселъ скупки старинныхъ вещей и отправки ихъ въ столицы и даже за границу. Основанъ онъ очень давно и годъ его основанія теряется во мракѣ вѣковъ, но въ 1192 году онъ уже существовалъ и въ лѣтописи есть указаніе, что въ этотъ несчастный для Устья годъ „татары казанскіе пришли на градъ Устюгъ и градъ лѣстью взяли и разорили“. Городъ растянулся по берегу Сухоны очень длинно, но не широкъ; вдоль всего берега во избѣжаніе подмыва весенней водой, которая здѣсь съ страшною стремительностью бьетъ въ заворачивающіся дугою берегъ, устроена оригинальная набережная изъ двухъ слоевъ бревенъ сперва горизонтальнаго и наружу вертикальнаго, изцпаннаго и избитаго льдомъ. Параллельно набережной идутъ вдоль города двѣ хорошія улицы; между ними нѣсколько по-

перечныхъ, упирающихся въ какой-то оврагъ съ текущей по немъ рѣчкой, а за нимъ остальная часть города съ женскимъ Іоанно-Предтеченскимъ монастыремъ.

На самомъ берегу возвышается соборъ, въ которомъ покоятся мощи Св. Прокопія и Іоанна, построенный 600 лѣтъ назадъ. На дворѣ собора лежитъ на особой колонкѣ съ надписями камень, перенесенный съ того мѣста въ 16 верстахъ отъ города,

Главная улица въ г. Устюгѣ.

гдѣ, по преданію, выпалъ каменный дождь, долженствовавшій разрушить городъ, но предотвращенный молитвами Св. Прокопія, а въ соборѣ у раки Св. Прокопія стоитъ чаша съ водой, сдѣланная, какъ

гласитъ надпись на ней, изъ такого же камня, упавшаго съ неба. Хотя паденіе громаднаго количества аэролитовъ около Устюга фактъ и не подлежащій сомнѣнію, но также не подлежитъ сомнѣнію и то, что и камень на дворѣ собора, и матеріалъ, изъ котораго сдѣлана чаша въ соборѣ, отнюдь не метеорнаго происхожденія, а простой гранитъ, и очень жаль, что онъ попалъ сюда подъ видомъ метеорнаго камня, такъ какъ, вѣроятно, на мѣстѣ можно бы было найти и дѣйствительно метеориты.

Въ соборѣ интересенъ, какъ памятникъ старины,

пожертвованный еще Строгановыми образъ преподобнаго Прокопія, вышитый на платѣ удивительно тонко и искусно шелками, канителью и жемчугомъ. Въ общемъ соборъ не даетъ впечатлѣнія особой старины, есть нѣсколько старинныхъ иконъ, но того чувства, какое испытываетъ человѣкъ, зашедшій въ московскіе кремлевскіе соборы или въ Сольвычегодскій, гдѣ все имѣетъ свою исторію и на всемъ лежитъ

Соборъ въ Устюгѣ.

отпечатокъ историческаго значенія, Устюгскій соборъ не производитъ, чему много способствуетъ и то, что онъ въ недавнее время разстроенъ, и эта прибавка уже не носитъ на себѣ ни малѣйшаго намека на старину. Да и весь соборъ кажется поновленъ не особенно давно.

Въ Устюгѣ есть два монастыря: мужской Михаило-Архангельскій и женскій Іоанно-Предтеченскій. Первый основанъ въ 1212 году монахомъ лежащаго на самой стрѣлкѣ слиянія Сухоны и Юга Троицко-Гледенскаго монастыря Киприаномъ еще въ то время, когда и самъ-то городъ Устюгъ находился на этой стрѣлкѣ. И Сухона, и Югъ въ полоую воду сильно подмывали берега такъ, что Устюжане находились постоянно въ страхѣ, что и весь городъ ихъ будетъ смывать, почему и рѣшили перенести его на настоящее мѣсто. Троицко-Гледенскій монастырь существовалъ до 1842 года, когда вслѣдствіе того же опасенія подмыва былъ упраздненъ и приписанъ къ Михаило-Архангельскому, но опасенія оказались совершенно напрасными: Югъ измѣнилъ нѣсколько свое теченіе и теперь между опустѣвшимъ монастыремъ и берегомъ Юга раскинулись широкіе луга, кое-гдѣ покрытые кустарниками, сверкающіе на солнцѣ озерками и болотцами, представляюще изъ себя великолѣпные покосы.

Монастырь стоитъ пустой, живетъ тамъ только сторожъ, и служба въ храмѣ бываетъ только по праздникамъ, для чего и пріѣзжаетъ сюда изъ Устюга монахъ. Женскій монастырь основанъ тѣномъ татаринѣмъ Бугой, принявшимъ православіе по сонному видѣшю, въ XIII вѣкѣ. Въ мужскомъ монастырѣ отъ постройки вѣтъ стариною, въ особенности интересно крыльцо, ведущее въ помѣщеніе архіерея, женскій же монастырь по наружному своему виду не представляетъ собою ничего особеннаго. Церквей въ Устюгѣ очень много и ихъ бѣлыя колокольни и главы, сверкающія на солнцѣ то серебромъ, то золотомъ, придають городу много красоты.

Имѣется въ городѣ и недурной общественный садъ, непремѣнная принадлежность всякаго города, въ иныхъ составляющіи гордость горожанъ, въ иныхъ въ видѣ загаженнаго скотскаго выгона. Въ Устюгѣ садъ тѣнистый и густой, но, кажется, не въ достаточной мѣрѣ заботливо содержимый. Набережная, какъ я уже говорилъ, вся покрыта двойнымъ слоємъ бревень, въ защиту отъ весенняго льда и подмыва. Несмотря на то, что сегодня 6-ое мая, массы льда, нагроможденныя

Крыльцо въ мужскомъ монастырѣ въ Устюгѣ.

разливомъ къ этимъ бревнамъ, сѣрыя и грязныя, до сихъ поръ лежать горами и медленно таютъ на солнцѣ; вода капаетъ съ верхнихъ льдинъ и искорками сверкаетъ въ солнечныхъ лучахъ.

Устюгъ безспорно лучший изъ всѣхъ уѣздныхъ городовъ Вологодской губернии, онъ занимаетъ самый центръ ея и по праву ему бы и слѣдовало быть губернскимъ городомъ, а не Вологдѣ, расположенной на самомъ краю колоссальнаго района, центромъ котораго ей поневолѣ приходится быть.

Нынѣшній день 6-го мая этотъ старинный городъ какъ бы и становится центромъ губернии. Торжественно празднуется въ немъ царскій день. Его длинныя, красивыя, хорошо вымощенныя улицы всѣ разукрашены флагами; колокольный звонъ несется съ его многочисленныхъ колоколенъ, густо гудитъ огромный соборный колоколъ и аккордъ этого звона стелется надъ широко разлившейся искрящейся на солнцѣ рѣкой.

Вездѣ толпы народа, спѣшащаго въ соборъ на архіерейское служение мѣстнаго викарія въ присутствіи губернатора,—случай, въ жизни города встрѣчающійся въ первый разъ. Противъ собора выстроено войско въ парадной формѣ. Къ собору то и дѣло подъѣзжаютъ экипажи и высаживаютъ парадно одѣтыхъ чиновниковъ, представителей мѣстнаго купечества и другихъ горожанъ. Все это обито яркимъ весеннимъ свѣтомъ солнца, все блеститъ въ его лучахъ и сверкаетъ и надъ всѣмъ этимъ раскинулось голубое бездонное прозрачное небо. Общая картина производитъ впечатлѣніе оживленности, торжественности и какой-то особой праздничности. Невольно къ этому чистому,

красивому, старинному русскому городу возникаетъ въ сердцѣ какая-то безотчетная симпатія и навязчиво стучится въ сознание сравненіе его съ губернскимъ городомъ — не въ пользу послѣдняго.

Въ Устюгѣ 11.000 жителей, а въ его уѣздѣ 136.000 на 14.912 кв. верстахъ общей площади уѣзда, но население осѣло преимущественно въ его южной

Женскій монастырь въ Устюгѣ.

части по Сухонѣ, ея большому притоку Югу и Лузѣ; послѣдняя рѣка, очень длинная, почти всѣмъ своимъ теченіемъ находится въ Устюгскомъ уѣздѣ и на ней стоить заштатный городъ Лальскъ съ 1.100 жи-

телей, бывши когда-то въ концѣ 18 и началѣ 19 столѣтія и самъ уѣзднымъ городомъ.

Устюгъ имѣетъ за собою вполне справедливую славу центра кустарной промышленности губернии и, дѣйствительно, въ этомъ уѣздѣ существуетъ масса кустарей по самымъ разнообразнымъ работамъ, а изъ промысловъ, присущихъ исключительно Устюгскому уѣзду, въ особенности интересно производство рѣзной бересты, удивительно тонко и изящно выдѣлываемой. Къ несчастію, это изящество обыкновенно наложено на ящички, коробочки и т. п. самой скверной столярной работы, въ скоромъ времени высыхающіеся и трескающіеся. Въ самомъ Устюгѣ существуетъ очень интересное производство, составляющее секретъ одной семьи, — это наложение на серебро черни, совершенно непохожей на обыкновенную, какую мы встрѣчаемъ на кавказскихъ вещахъ; эта чернь представляетъ собою сдѣланный на серебряѣ тончайшій рисунокъ сѣровато-чернымъ тономъ со штрихами толщиной въ тонкіи волосъ и прочность ея такова, что вещи, будучи постоянно въ употребленіи въ продолженіе десятковъ лѣтъ, нисколько не мѣняются своего вида, но надо сказать, что монополисты, ее производящіе, и деруть за свою работу баснословныя цѣны.

Сухона и противъ Устюга уже очень широка, при сліяніи же ея съ Югомъ, немного ниже города, раскидывается громадная водная гладь.

Недалеко отъ Устюга находится знаменитая Грибановская полотняная фабрика въ мѣстности, называемой „Красавино“. Мы посѣтили эту фабрику и осмотрѣли, проѣхавъ на парходѣ версть 30 внизъ по Двинѣ до фабричной пристани, а отъ нея до фабрики всего версты 2 на лошадахъ по сравнительно хорошей дорогѣ. „Красавино“ было когда-то усадьбой и расположено на очень возвышенномъ мѣстѣ, съ котораго открывается великолѣпный видъ на уходящую къ самому горизонту долину Двины; видно, что когда-то усадьба эта процвѣтала, жизнь, вѣроятно, кипѣла въ ней, но сейчасъ никто изъ владѣльцевъ тутъ не живетъ, и, хотя и поддерживается весь бывший видъ, но сразу же замѣтно, что усадьба-то теперь здѣсь на послѣднемъ планѣ; въ паркѣ, напр., на берегу пруда, какъ разъ подъ барскимъ домомъ, сложены дрова и это сразу портитъ впечатлѣніе и отнимаетъ красоту и отъ дома и отъ прудовъ, а они-то и представляютъ здѣсь главную красоту: темные, въ высокихъ покрытыхъ лѣсомъ берегахъ, спокойные, гдѣ весело раскинулись они по лужайкамъ съ сбѣгающими внизъ къ нимъ тропинками, гдѣ глубоко ушли въ таинственную глубину густого темнаго лѣса.

Фабрика занимаетъ очень большую площадь, раскинулась по горкамъ, прорѣзаннымъ оврагами, вездѣ много зелени, много отдѣльных большихъ корпусовъ. Приводится въ дѣйствіе 4 паровыми машинами, изъ которыхъ большая компаундъ въ 1.000 индикаторныхъ силъ. Масса

Троицко-Гледенскій монастырь, близъ Устюга.

простого полотна, и даже грубыхъ тканей; всѣ эти произведения продаются въ Устюгѣ въ фабричномъ магазинѣ, но ихъ столько идетъ въ столицы, что тутъ часто выборъ далеко не представляетъ собою образчиковъ всего того, что выдѣлывается на фабрикѣ.

Посѣтили мы и Троицко-Гледенскій монастырь, печально возвышающийся на стрѣлкѣ между Сухоной и Югомъ, брошенный и пустой. Показать намъ монастырь поѣхалъ съ нами монахъ изъ Михаило-Архангельскаго монастыря. Было ясно и страшно вѣтрено; темная вода Сухоны вся кипѣла волнами съ бѣлой пѣной, а когда мы выѣхали на мѣсто слияня ея съ Югомъ, то пароходъ даже стало сильно покачивать; волны сердито набѣгали на него, разбивались о его острый носъ, обдавая брызгами и бока и даже палубу; вѣтеръ дулъ прямо съ Двины, раскинувшейся передъ нами, и гналъ съ нея на насъ все новые и новые валы; изъ безконечной дали зарождались они и большіе и малые, съ ревомъ и шуршашемъ, вырастая, бѣжали намъ навстрѣчу и съ плескомъ разбивались о нашъ пароходъ; вода кипѣла и вся бѣлѣла пѣной. Добрались до берега и то, что изъ Устюга намъ казалось узенькой и низенькой косою съ одиноко возвышающимся на ней монастыремъ, въ дѣйствительности оказалось очень высокимъ берегомъ, на который мы даже должны были взби-

Часть иконостаса и царскихъ вратъ въ Гледенскомъ монастырѣ.

Икона въ Троицк-Гледенскомъ монастырѣ, близъ Устюга.

ратся обходами, а не прямо, такъ онъ крутъ и обрывистъ. На верху ровный гладкий лугъ, посреди котораго и стоитъ монастырь. Печальное впечатлѣние производитъ онъ своею опустѣlostiю, словно за-колоченный барскій домъ въ заброшенной усадьбѣ; невольно представляется та жизнь, которая когда-то текла здѣсь, мирно ли, какъ въ монастырѣ, бурно ли и весело, какъ въ заколоченномъ господскомъ домѣ, и жаль ее становится и кажется она чѣмъ-то далекимъ и хорошимъ.

Монастырь самаго обыкновеннаго типа и снаружи ничѣмъ особаго вниманія на себя обратить не можетъ; въ оградѣ все заросло травой, высятся кедръ—остатокъ старины, сваленъ кое-какой хламъ. Жилого вида совершенно нѣтъ. Храмъ внутри довольно интересенъ, особенно своимъ стариннымъ иконостасомъ и нѣкоторыми иконами итальянскаго письма. Когда мы стали внимательнѣе разсматривать входныя двери, оказалось, что онѣ всѣ закрыты толстымъ слоемъ известки, а изъ-подъ нея кое-гдѣ проглядываютъ маюликовые изразцы. Выйдя наружу, мы замѣтили, что и карнизы и наличники оконъ всѣ маюликовые, но также, какъ и двери, всѣ тщательно замазаны известкой и выкрашены подъ одинъ грязновато-желтый колеръ; конечно, стали говорить о томъ, какъ иногда побѣлочка и подкрасочка съ самымъ добрымъ желаниемъ украсить и подчистить, безъ разумѣнія, ведутъ къ результатамъ совершенно противоположнымъ и вещь становится никуда негодной, а монахъ, насъ сопровождавшій, услыжавъ нашъ разговоръ и упоминаніе о побѣлочкахъ и подкрасочкахъ, безъ всякой ироніи, видимо отъ чистаго сердца, съ серьезнѣйшимъ видомъ сказалъ: „да, отецъ Иннокентіи много потрудился къ украшенію обители, да вотъ уже кое-гдѣ и пообвалилась штукатурочка, а прежде весьма красиво было“. Дѣйствительно, имя отца

Часть иконостаса въ Гledenскомъ монастырѣ,
близъ Устюга

Иннокентія увѣковѣчено его трудами по украшенію известкой старинныхъ изразцовъ.

Когда мы изъ монастыря отправились обратно на пароходъ и подошли къ самому краю горы, передъ нами открылся дивный видъ шуршащей Двины. Вѣтеръ на этомъ высококомъ мысу такъ силенъ, что положительно трудно идти противъ него. Съ этого мѣста, т. е. отъ впаденія въ Сухону Юга, рѣка называется малою Двиною до впаденія Вычегды у Котласа, а далѣе уже до Бѣлаго моря—большою Двиною. Какъ на ладони раскинулась передъ нами вся панорама Сухоны, Юга и Двины съ бѣлѣющимъ влѣво по Сухонѣ своими церквами и мо-

настырями Устюгомъ, съ синѣющими далеко на горизонтѣлѣсами и безъконца уходящею вдаль и пропадающею у самага горизонта могучею Двиной.

Отъ этого мѣста до Котласа 60 верстъ, которыя Двина течетъ между довольно высокихъ береговъ, покрытыхъ лѣсомъ, съ деревушками и селами. Ближе къ Котласу правый берегъ становится все выше и выше и приобрѣтаетъ характеръ почти отвѣсной и ровной стѣны съ идущими по ней горизонтально разноцвѣтными слоями глинъ, песковъ и известняковъ. Вотъ тутъ - то въ

Двина.

этой стѣнѣ вблизи деревни Соколковъ и производилъ свои раскопки профессоръ Амалицкій и выкопалъ прославившій его дивный скелетъ парейозавра. Съ парохода можно замѣтить ту выемку, которая имъ сдѣлана, съ приткнутыми къ отвѣсной стѣнѣ берега какими-то избушками; вся выемка кажется очень небольшою на этой стѣнѣ, но когда сообразишь высоту ея, посмотришь на идущихъ подъ нею людей, кажущихся какими-то букашками, начинаешь понимать, что работа была произведена огромная. Отъ самой выемки вплоть до воды протянулась темная полоса выбранной и сваленной въ рѣку земли.

Задолго еще не доѣзжая до Котласа, правый берегъ уже застроенъ складами для хлѣба, котораго здѣсь проходитъ изъ Сибири на сѣверъ огромное количество; склады, склады и элеваторы безъ конца тянутся вплоть до самага села Котласъ. Нынѣшний годъ они

Впадение Юга въ Малую Двину.

пустую: хлѣба прошло черезъ Котласъ гораздо менѣе обыкновеннаго, неурожай сказался и особаго оживленія не замѣтно, а въ другіе годы, говорятъ, здѣсь такъ же оживленно при открытіи навигаціи, какъ въ Нижнемѣ во время ярмарки. Самое село Котласъ невелико и главное основаніе его составляютъ постройки очень разросшейся за послѣдніе годы желѣзнодорожной станціи. Свистки паровозовъ, грохотъ передвигаемыхъ вагоновъ, рожки стрѣлочниковъ переносятъ насъ

опять въ жизнь большихъ городовъ на желѣзныхъ дорогахъ, отъ которой мы уже начали отвыкать, проѣхавъ столько времени на парохдѣ по спокойной, отошедшей отъ всякихъ рельсовыхъ путей рѣкѣ. Невольно приходитъ въ голову мысль о причинахъ проведенія желѣзной дороги сюда на Котласъ, а не на находящійся всего въ 60 верстахъ отсюда большой оживленный, центральный городъ, и положительно не можешь объяснить себѣ, почему это такъ вышло. Вѣроятно, соображенія, по которымъ понадобилось возвысить небольшое село и обойти крупный торговый центръ, принадлежатъ къ разряду недоступныхъ обыкновеннымъ смертнымъ; они не поймутъ ихъ, какъ не могутъ понять, почему желѣзная дорога отъ Вологды на Архангельскъ проведена сплошной пустыней, почему Вятская дорога, идя нѣсколько верстъ отъ Вологды по тож-

Лаина у с. Аристова.

Лаина между Устиновомъ и Котласомъ.

дественному направленію съ Ярославской, выстроена рядомъ съ ней, а не идетъ по тому же полотну, почему на Архангельской дорогѣ существуютъ мосты необыкновенной системы—желѣзные на деревянныхъ быкахъ и т. п. Много рассказываютъ о причинахъ проведения дороги на Котласъ, напр. о томъ, какъ, желая доказать несудоходность Двины между Устюгомъ и Котласомъ, изслѣдовавшие рѣку инженеры умышленно сажали для вящшаго доказательства пароходъ съ мели на мель, о разныхъ ссорахъ проводившихъ дорогу инженеровъ съ городскимъ управленіемъ Устюга, но, вѣроятно, рассказы эти просто плодъ фантази тѣхъ, которые старались разгадать непонятныя имъ соображенія проводившихъ дорогу.

На берегу у пристани осталась еще отъ времени проѣзда здѣсь Великаго Князя Сергія Александровича красивой архитектуры затѣйливая бесѣдка съ балконами и лѣсенками, въ мавританскомъ, почему-то въ Вологодской-то губернии, стилѣ, а отъ нея вплоть до самаго угла горы по гребню ея тянется дорожка съ стоящими кое-гдѣ скамейками,—вѣроятно, мѣсто прогулокъ котласскихъ жителей въ хорошую погоду. Видъ, открывшійся намъ съ этой дорожки, дѣйствительно, восхитителенъ: розовый закатъ окрашиваетъ всѣми своими тонами безконечную водную гладь сливающихся Двины и Вычегды, которая тремя рукавами подъ прямымъ угломъ вливаетъ здѣсь въ Двину свои могучія воды; острова между этими тремя рукавами всѣ покрыты кустарникомъ, торчащимъ изъ затопившей ихъ воды.

Къ вечеру стало тихо и перламутровая вода переливается крупною зыбью; направо въ темноту уходитъ Вычегда, а прямо на рдѣющій впереди закатъ ушла до самыхъ лиловыхъ облачковъ, залегающихъ на горизонтѣ, широкая спокойная Двина, обогнула какую-то вдавшуюся въ нее съ лѣвой стороны гору съ едва различимыми на ней деревушками и плавно и величаво ушла къ самому ниточкой протянувшемуся горизонту; чувствуется, что эта величественная рѣка поить и кормить весь край, ей живутъ здѣсь и она какъ артерія проводитъ жизненную энергію на суровый и бѣдный пока, по недоразумѣнію, съ сокрытыми въ его неизвѣданныхъ пустыняхъ неисчислимыми богатствами Сѣверъ.

Р Сухона

Глава II.

Вычегда. — Сольвычегодскъ. — Яренскъ. — Усть-Сысольскъ.

Г. Сольвычегодскъ.

Отъ Котласа путешествие наше уже начиналось по Вычегдѣ, рѣкѣ интересной, намъ совершенно неизвѣстной, попасть на которую и плыть по ней такъ далеко представлялось намъ чѣмъ-то неизвѣданнымъ, похожимъ на путешествіе по дикимъ неизслѣдованнымъ странамъ.

До Сольвычегодска отъ Котласа всего 18 верстъ, большую часть которыхъ приходится плыть все разливами Вычегды; долина сливающихся рѣкъ страшно широка и только на горизонтѣ видишь замыкающія ее возвышенности съ синѣющими по нимъ темными лѣсами.

Сольвычегодскъ стоитъ на правомъ берегу Вычегды, маленькии городокъ, въ безпорядкѣ какъ-то разбросанный по песчаному берегу. У самой воды высится окруженный деревьями соборъ, нѣсколько церквей поднимаются надъ небольшими невзрачными домиками города, бульварчикъ протянулся по берегу, а къ самому городу съ трехъ сторонъ подступилъ тощій сосновый лѣсокъ. Въ на-

Набережная въ Сольвычегодскѣ

стоящее время Сольвычегодскъ является городомъ съ 1.710 жителями, центромъ уѣзда въ 37.276 кв. верствъ, 83⁰/₁₀₀ которыхъ покрыты лѣсами и болотами и представляютъ собою почти всюду лѣсную пустыню, такъ какъ населеше, котораго въ уѣздѣ съ такой огромной территорией всего 118.000, расположилось въ громадномъ большинствѣ по теченію прорѣзывающихъ уѣздъ рѣкъ—Двинѣ, Вычегдѣ, Виляди, Пинегѣ и массѣ мелкихъ рѣчекъ, средняя же и восточная части уѣзда совершенно не населены.

Сольвычегодскій соборъ.

Сольвычегодскъ городъ древній, игравшій когда-то не малую роль въ истории нашего сѣвера. Онъ первоначально находился не на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь, а выше по Вычегдѣ на той же сторонѣ въ 3-хъ верстахъ отъ настоящаго мѣста при устьѣ рѣчки „Черной“ и назывался Черниговомъ, но его тамъ сильно подмывала рѣка, а въ 1546 году онъ сгорѣлъ и жители его рѣшили переселиться на новое мѣсто и основались въ 1¹/₂ верстахъ ниже и назвали новый городъ Выборомъ,

но и изъ него, боясь подмыва рѣкою, черезъ 9 лѣтъ переселились на настоящее мѣсто и тутъ основали городъ „Соль-Вычегодскую“. Отъ прежнихъ мѣстъ остались слѣды только отъ Чернигова, мѣсто же, на которомъ стоялъ Выборъ, теперь находится уже подъ Вычегдою. Бывшій Черниговъ почему-то называется теперь „Куричьимъ боромъ“. Въ давнія времена здѣсь лежалъ и водяной и сухопутный путь на Сибирь и городъ тогда процвѣталъ, велъ большую торговлю, купцы его держали въ своихъ рукахъ почти все мѣховое дѣло съ Сибирью, даже имѣлась ярмарка по названію „Соболиная“. Строгановы, поселившіеся здѣсь, сдумѣли устроить такъ, что на эту ярмарку съѣзжались купцы изъ Москвы и „прочихъ россійскихъ городовъ“, да къ тому же процвѣтавшій здѣсь соляной промыселъ и богато развитыя ремесла дѣлали Соль-Вычегодскую городомъ, имѣющимъ большое торговое значеніе. Изъ ремеслъ тамъ были замѣчательны серебряно-сканное и финифтяное, остатки которыхъ и до настоящаго времени есть еще въ Сольвычегодскѣ. Теперь, конечно, о быломъ значеніи го-

Царския врата въ Сольвычедскомъ соборѣ.

Уголь Сольвычегодского собора.

рода не осталось и помину, но памятниковъ бывою блестящей старины въ немъ много: Введенскій монастырь и въ особенности Благовѣщенскій соборъ служатъ до сихъ поръ свидѣтелями былыхъ славныхъ дней города и представляютъ собою сокровищницу русской старины. Благовѣщенскій соборъ освященъ, какъ значитъ въ лѣтописи, въ 1584 году. Когда входишь въ этотъ мрачный, сложный, похожій на московскіе соборы, храмъ, отъ всякой вещи въ немъ, отъ самыхъ стѣнъ, тяжелыхъ желѣзныхъ дверей, запирающихся какими-то особыми хитрыми замками, отъ иконъ, ходовъ и переходовъ вѣтъ на васъ сѣдою стариною, остатки которой собраны здѣсь какъ въ музеѣ; куда ни взглянете—отовсюду глядѣть на васъ то древнее русское искусство, даже крохи котораго съ такимъ усердіемъ утилизируются теперь на всякіе манеры нашими художниками; на западной стѣнѣ во всю высоту до самаго купола раскинулась картина: Страшный судъ. По компановкѣ и по содержанию видишь прямо передъ собой Страшный судъ Васнецова, только болѣе наивный, болѣе младенческий и болѣе непосредственный; тутъ художникъ и апокалипсическихъ звѣрей пытался изобразить, и ангела съ вѣсами, и душу человѣческую трепещущую, и грѣхи всѣ людскіе и святаго какого-то, ведущаго упирающагося „жѣда“ за бороду прямо въ адъ, а за ними слѣдуютъ и ляхи, и татары, и нѣмцы, и другіе народы, и всѣ въ костюмахъ тогдашняго времени. Верхъ картины теряется въ высотѣ купола, а подъ нею кругомъ всего собора нарисована та драпировка въ видѣ развѣшаннаго полотенца, которую теперь такъ любятъ употреблять при стильномъ расписываніи церквей. Иконостасъ деревянный, золоченый съ удивительно красивыми царскими вратами, обложенными оловянными просѣчными пластинками на слюдѣ, а передъ ними стариннѣйшее очень изящное, напоминающее нынѣшни *style moderne*, небольшое паникадило. У иконостаса висятъ чрезвычайно сложнаго узора чеканные подсвѣчники; противъ амвона у столба архіерейское мѣсто съ куполомъ и главою; въ киотахъ нѣсколько десятковъ пеленъ, на которыхъ вышиты шелками и канителью иконы, инья и низанныя жемчугомъ. Почти всѣ эти пелены вышиты были дѣвицами Строгановыми и содержание многихъ изъ нихъ относится къ жизни Царевича Дмитрія. Возможно, что изученіе этихъ изображеній, очень сложныхъ и даже на первый взглядъ нѣкоторыхъ изъ нихъ мало и понятныхъ, дало бы возможность пролить болѣе свѣта на эту все-таки таинственную часть русской исторіи. Въ ризницѣ много интересныхъ вещей, очень изящныхъ, какъ, напр., финифтяный потиръ, ризы съ вышитыми и низанными жемчугомъ оплечьями и т. п. Подъ соборомъ опять ходы и переходы, съ таинственными подземельями, неизвѣстными проходами, темницами, куда, какъ рассказываютъ, Строгановы сажали или на время, или бросали въ глубокіе колодцы въ каменныхъ стѣнахъ на голодную смерть и даже замуравливали ходы туда. Показываютъ 2 такихъ колодца, муж-

ской и женский; на днѣ ихъ еще и сейчасъ, покопавъ песокъ, можно найти кости погибшихъ узниковъ. Все это въ такихъ толстыхъ стѣнахъ, послѣ столькихъ запутанныхъ проходовъ, что никакой звукъ ни оттуда, ни туда проникнуть не можетъ, и жутко тамъ и сейчасъ бродить со свѣчей, каково же было тѣмъ, которыхъ опускали въ эти колодцы въ абсолютный мракъ, тишину и безъ всякой надежды выйти оттуда! Тяжелое впечатлѣние производятъ эти подземелья, когда въ ихъ сырость и мракъ съ зажженною свѣчею уходишь съ яркаго солнечнаго свѣта. Сейчасъ тамъ лежитъ всякій хламъ и нельзя сказать, чтобы и тамъ не было цѣнной старины, по крайней мѣрѣ мы кое-что замѣтили и интереснаго. Вѣроятно,

Храмъ Введенскаго монастыря
въ Сольвычегодскѣ.

раньше собраніе старины въ Благовѣщенскомъ соборѣ было еще богаче, такъ какъ несомнѣнно многие замѣчательные памятники оттуда утрачены; рассказываютъ, что покойный Императоръ Александръ III выкупилъ изъ Англии за 25.000 р. шитую плащаницу Сольвычегодскаго собора, проданную кому-то оттуда за 400 р. Казалось бы, что въ такомъ соборѣ, какъ Сольвычегодскій, конечно, должна быть опись всему, что въ немъ находится; въ вагонахъ, станционныхъ комнатахъ и то опись инвентаря всегда есть, а въ Благовѣщенскомъ соборѣ такой описи нѣтъ, и значить и впредь отъ утраты можетъ - быть драгоценнѣйшихъ памятниковъ старины соборъ не гарантированъ.

Кромѣ Благовѣщенскаго собора въ Сольвычегодскѣ интересенъ Введенскій монастырь, построенный въ 1570-хъ годахъ и освященный въ 1596 году. Въ народѣ ходитъ легенда о постройкѣ его и собора: будто бы строили ихъ два брата Строгановы, одинъ — соборъ, а другой — монастырь, и старались превзойти одинъ другого; надо сказать, что архитектурой побѣдилъ въ этомъ соревнованіи братъ, строившій монастырь, по внутреннему же содержанию побѣда осталась за строившимъ соборъ. Легенда эта не вѣрна, такъ какъ по историческимъ даннымъ соборъ выстроенъ Іоанникомъ Строгановымъ и освященъ въ 1584 году, а монастырскій храмъ въ настоящемъ его видѣ начатъ постройкою на мѣстѣ сгорѣвшаго первоначальнаго — Григоріемъ Строгановымъ въ 1680 году и освященъ въ 1712 году, такъ что въ дѣйствительности развѣ только потомокъ желалъ превзойти постройкою пред-

Благовѣщенскій соборъ въ Сольвычегодскѣ.

Задняя стѣна Сольвычегодскаго собора.

Шитый платъ изъ Солнечегодскаго собора.

ковъ своихъ. Въ церкви обращаетъ на себя внимание очень старинная икона Введения Пресвятой Богородицы и нѣсколько иконъ въ иконостасѣ, но зато снаружи этотъ храмъ дѣйствительно производитъ впечатлѣніе великолѣпнаго образчика стариннаго русскаго церковнаго стиля. Вѣроятно, мотивы его украшеній не разъ вдохновляли со-

Крыльцо пр. Иверскаго монастыря въ Сольвычегодскѣ

временныхъ архитекторовъ—и, дѣйствительно, разнообразіе этихъ мотивовъ можетъ дать богатый матеріалъ для построекъ въ русскомъ стилѣ; въ особенности интересно сочетание кирпича съ тесанымъ и рѣзнымъ камнемъ; замѣчательно и крыльцо со сводами въ верхніи храмъ, и изразцы, вдѣланные медальонами между тесанаго камня и кирпича. Въ общемъ отъ этого храма остается впечатлѣніе какъ отъ чего-то очень талантливаго, самобытнаго и цѣлаго.

Кромѣ этихъ двухъ храмовъ въ Сольвычегодскѣ обращаетъ на себя внимание очень старинный, какъ говорятъ, домъ, занимаемый нынѣ присутственными мѣстами; по архитектурѣ онъ, конечно, далеко

Присутственныя мѣста въ Сольвычегодскѣ

не современникъ собору и монастырю и, вѣроятно, постройка его относится къ концу XVIII или началу XIX столѣтія. Въ общемъ городокъ этотъ со своими, незатѣливой архитектуры, домиками, большими пустырями, безконечными песками, соленымъ озеромъ посреди города, остаткомъ процвѣтавшаго нѣкогда здѣсь солевареннаго

промысла, произвелъ на всѣхъ насъ самое благопріятное впечатлѣніе, такимъ онъ мирнымъ, такимъ патріархальнымъ кажется съ виду.

Вычегда отъ Сольвычегодска до Яренска верстъ на 100 имѣетъ довольно однообразный характеръ: все время идетъ правый высокій

берегъ, лѣвый низкій. Высокій покрытъ безконечными лѣсами, въ которыхъ оазисами попадаются гдѣ одна деревенька, гдѣ нѣсколько вмѣстѣ и начинается казаться какъ будто тутъ и населено, но на самомъ

Вычегда.

дѣлѣ берегъ если и раздѣланъ, то только на версту вглубь, много на $1\frac{1}{2}$, а дальше безконечный пустынный лѣсъ съ мохомъ, болотами, ломомъ—обычная картина сѣверныхъ лѣсовъ. Лѣсъ то подступаетъ къ самому берегу, то отойдетъ подалеже, но въ общемъ онъ совершенно задавилъ рискнувшихъ здѣсь поселиться и приперъ ихъ вплотную къ рѣкѣ. Самый берегъ глинистый, оплывающій, подмытый, съ сваливающимися постепенно въ рѣку деревьями, изрѣзанный по-

перечными оврагами; кое-гдѣ въ оврагахъ еще лежитъ снѣгъ, а сегодня 9-ое Мая. Лѣвый же берегъ на безконечное пространство совершенно пустыненъ. Верстъ за 40 до Яренска откуда-то подходятъ горы и къ лѣвому берегу и Вычегда течетъ красивой долиной, уходящей безъ конца передъ нами вдаль; покрытыя хвойнымъ лѣсомъ горы съ праваго берега отступаютъ и синѣютъ поодаль, а дальше долина все дѣлается шире и шире и при впадении въ Вычегду рѣки Лены долина Вычегды и долина Лены сливаются вмѣстѣ; насколько глазъ хватаетъ, во всѣ стороны раскинулась эта громадная площадь съ синѣющими далеко-далеко отступившими отъ рѣкъ горами, а впередъ и назадъ по Вычегдѣ только на самомъ горизонтѣ чуть замѣтна голубая полоска береговъ. Верстъ за 30 до Яренска берега мѣняются и правый становится низкимъ, а лѣвый все вырастаетъ и вырастаетъ; рѣка становится покрытой островами; ель, береза и сосна подошли теперь съ лѣваго берега и шапками покрыли подмытые и обрывистые берега.

На пространствѣ отъ Сольвычегодска до Яренска по тракту нѣсколько большихъ селъ, верстахъ въ 16 отъ Яренска село Ирта, красиво расположенное на полугорѣ.

Пасмурный день прояснился къ вечеру, тучи разорвались и ихъ тяжелые темные остатки убѣгаютъ отъ брызнувшихъ солнечныхъ лучей и весь пейзажъ заигралъ въ нихъ, блеснула зыбь на рѣкѣ, черные

лѣса подернулись дымкой и посинѣли, бѣлая церковь села яркимъ столбомъ заиграла въ чуть зыблющейся рѣкѣ. Близкіе лиственные, еще голые лѣса стали лиловыми и ярко зазеленѣли на ихъ фонѣ ели и сосны.

Къ самому вечеру уже причалилъ нашъ пароходъ къ Яренской пристани. Осматривать городъ пришлось уже на закатѣ и въ сумеркахъ, сѣверныхъ, свѣтлыхъ съ удивительно прозрачнымъ воздухомъ и неугасающей зарей.

Яренскъ имѣетъ всего 991 жит., а уѣздъ 47 т. жителей, разселенныхъ на территории въ 51.004,6 кв. верстахъ, то-есть на 1 кв. вер. приходится одинъ житель съ очень малой дробью. Объясняется это, конечно, тѣмъ, что, какъ и вообще на сѣверѣ, живутъ только по рѣкамъ и рѣчкамъ; лѣсъ неохотно уступаетъ свою территорию человѣку и всякая побѣда человѣка надъ лѣсомъ стоитъ ему огромныхъ трудовъ, предпринимать которые при настоящемъ положеніи, когда крестьяне сѣверо-восточныхъ уѣздовъ еще и не устроены землей, мало кому изъ нихъ придетъ охота. Вездѣ и видишь такую картину, что, ѣдешь по рѣкѣ, какъ-будто и есть население, а стоитъ отъ рѣки перейти узенькую полоску земли, похожей на воздѣланную или хоть имѣющей такой видъ, что къ ней были приложены человѣческія руки, и попадешь въ самую настоящую лѣсную, болотную и мховую пустыню и можешь быть увѣренъ, что и день пройдеши по ней, и два, и недѣлю, и ни одного человѣка, ни одного слѣда жилья людского не встрѣтишь. Только и можно увидѣть либо старую порубку, либо какія-нибудь ловушки и капканы, оставшіеся съ зимы, да старыя гари тоже слѣды человѣка.

Самъ гор. Яренскъ ничего изъ себя интереснаго не представляетъ; улицы не мощенныя, да и не много ихъ очень — главная „Покровская“, а рядомъ почему-то „Бархатная“, между улицами нѣсколько переулочковъ, очень ограниченное количество церквей и въ

концѣ города на довольно высокомъ мѣстѣ скверъ. За протекающей около города рѣчкой Кижмолою на горкѣ „городокъ“ — часовенка, остатки бывшаго прежде на этомъ мѣстѣ стараго Яренска. Со

Пристань на Ичегай у г. Яренска

всѣхъ сторонъ къ городу подступилъ невысокій сосновый лѣсъ и закрылъ все кругомъ.

Стоить Яренскъ верстахъ въ двухъ отъ берега, и насколько мало интересенъ самъ городъ, настолько интересно — какимъ образомъ обыватели Яренска попадаютъ весной и, вѣроятно, осенью къ пристанямъ? Вся эта дорога идетъ низиной, покрытой весной озерками, протоками и лужами. Дорогу видимо дѣлали, по сторонамъ вырыты канавы и самое полотно вродѣ какъ бы было не то сдѣлано, не то исправлено, по бокамъ поставлены тумбочки. Чѣмъ ближе къ городу, тѣмъ

Г Яренскъ

становится жиже и жиже, колеи глубже и глубже, уже и по ступицу колеса идутъ въ колеѣ, но все еще пѣшеходъ сторонкой, гдѣ перепрыгнувъ съ кочки на кочку, гдѣ прошлепавъ по неособенно глубокой лужѣ, съ грѣхомъ пополамъ, глядишь, и проберется, но наконецъ вода саженъ на 10 совершенно залила и дорогу, и сторонки, и достаточно

глубоко, примѣрно лошади по колѣно; и вправо и влѣво проливъ этотъ только расширяется и нигдѣ не видно спасительнаго обхода. Конечно, на лошади попасть на другую сторону не хитро и на лодкѣ можно, но интересно было бы знать, какъ поступаютъ пѣшеходы. Пристань соединена съ городомъ телефономъ.

Себентьевское озеро около г. Яренска

Около Яренска къ Вычегдѣ находится очень большое, глубокое, соединенное съ Вычегдой протокомъ, Себентьевское озеро, о которомъ Яренское земство возбуждаетъ сейчасъ вопросъ какъ объ очень удобной гавани для зимней стоянки судовъ; промѣры этого озера и прохода въ него изъ

На р. Вычегдѣ.

Вычегды, всё проекты приведения его въ удобную гавань уже сдѣланы и теперь дѣло только зависитъ отъ рѣшенія земскихъ собранія, а значеніе его при возможномъ развитіи Ухтинскаго нефтянаго дѣла дѣйствительно очень большое, такъ какъ на Вычегдѣ другихъ удобныхъ мѣстъ подъ стоянку судовъ не имѣется, по крайней мѣрѣ на томъ протяженіи ея, гдѣ они были бы на удобныхъ разстояніяхъ отъ мѣста будущаго притока на нее нефти. При рѣшеніи общаго вопроса

объ Ухтинской нефти это обстоятельство должно будетъ имѣть большое значеніе, такъ какъ ни при какихъ условіяхъ, никакая желѣзная дорога не уничтожитъ провоза нефти по водѣ и нефтяные караваны, конечно, должны будутъ имѣть удобныя зимовки.

Около Яренска берега Вычегды песчаные и низкіе; по нимъ идутъ все время луга съ наполненными водой низинками и кустарниками; пасутся выпущенныя уже на подножный кормъ лошади, хотя взять въ лугахъ совершенно нечего—они еще совершенно желтые безъ всякаго намека на зелень, только въ низинахъ изъ стоящей воды показываются широкіе ярко-зеленые листья калужницы болотной; лошади маленькія, приземистыя, но очень плотныя и, какъ

Берегъ Вычегды въ 30 в. отъ Яренска.

говорять, страшно выносливыя. По рѣкѣ между острововъ видны кое-гдѣ рыболовы въ оригинальныхъ долбленкахъ, напоминающихъ байдарки, и также какъ и онѣ управляемыхъ однимъ двухлопастнымъ весломъ.

Далѣе острова мало по малу исчезаютъ и опять съ обѣихъ сторонъ надвинулся лѣсъ и буквально оборвался въ воду; берега подмытые, почти отвѣсныя песчаняя стѣны, обваливающіяся сверху, съ массой висящихъ изъ удерживающагося еще навѣсомъ верхняго земляного слоя корней уже обреченныхъ на гибель, но еще зеленѣющихъ елей и сосенъ, а внизу уже обвалившіяся деревья, нѣкоторыя только верхушками торчатъ изъ воды, другія повалились другъ на друга, а иныя сползли внизъ и еще весело зеленѣютъ, опустивъ свои корни въ струящуюся между ними воду.

Верстахъ въ 30-ти за Яренскомъ начинается уже настоящій Зырянскій край; среди лѣсовъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они, какъ бы разступившись, даютъ пріютъ у себя человѣку, попадаются большія деревни, совершенно отличнаго вида отъ русскихъ; съ перваго же взгляда бросается въ глаза особый типъ постройки: основаніемъ зырянскаго дома является изба на одинъ скатъ съ очень плоской крышей,

Вычегда за Яренскомъ у с Жешартъ

конечно, тесовой; два такихъ дома, составленные вмѣстѣ высокими сторонами, составятъ большой домъ и это общій типъ зырянскихъ построекъ, который мы встрѣчали потомъ во всемъ Зырянскомъ краѣ, сдѣлавши по нему не одну тысячу верстъ. Первое время плоскія крыши насъ поражали, а потомъ мы привыкли къ ихъ виду, и уже при возвращеніи нашемъ обратно намъ такъ же было странно видѣть высокія крыши русскихъ избъ. Кромѣ этого, отличительною особенностью зырянскихъ домовъ являются италіанскія окна; и въ маленькой хибаркѣ, и въ большомъ домѣ непременно уже окажется хоть одно италіанское окно.

Недалеко за Яренскъ, верстахъ въ 40, на правомъ берегу чрезвычайно въ этомъ мѣстѣ широкой Вычегды раскинулось громадное зы-

рянское село „Жешартъ“, длинно растянувшееся по довольно отдаленной отъ берега горѣ. Въ этомъ мѣстѣ долина рѣки очень расширяется, горы, ее окаймляющія, разступаются, а на правомъ берегу даже и совсѣмъ уходятъ и теряются въ дали. Противъ этого села Жешартъ пароходъ остановился брать дрова, и мы, выйдя на берегъ, встрѣтили первыхъ въ нашемъ пути зырянъ; вступили съ ними въ разговоры и стали спрашивать о всѣхъ интересующихъ насъ предметахъ, начиная съ языка и кончая ихъ экономическимъ положеніемъ. Оказалось, что мужчины, хотя и не всѣ, большею частью среднихъ лѣтъ и молодые, еще говорятъ по-русски, а женщины, почти ни одна и не понимаетъ, и не говоритъ; одна изъ присутствующихъ, молоденькая дѣвушка, вступила съ нами въ разговоръ и говорила совершенно правильно и хорошо, но она оказалась хотя и жительницей села Жешартъ, но яренской прогимназисткой. Въ разговорѣ съ этими первыми встрѣтившимися намъ зырянами мы и получили первый свой запасъ, надо сказать, очень небольшой, знанія зырянскаго языка; о немъ я скажу потомъ нѣсколько словъ, когда, послѣ большаго знакомства съ этимъ интереснымъ народомъ, буду излагать то впечатлѣніе, какое они произвели на участниковъ нашей экспедиціи.

Здѣсь, на берегу Вычегды между Жешартомъ и близко отъ него лежащимъ селомъ „Гамомъ“, была найдена желѣзная руда, была изслѣдована и оказалась поверхностной, такъ что завода ставить не стоило—руды хватило бы для выработки не надолго. Такъ это дѣло и осталось, но до сихъ поръ еще стоятъ здѣсь заявочные столбы, какъ памятники несостоявшагося промысла.

Впаденіе рѣки Выма съ лежащими около него громаднымъ селомъ „Усть-Вымъ“ и деревней „Вогваздино“ мы проѣхали ночью, а утромъ уже были только въ 30 верстахъ отъ Усть-Сысольска. Съ селомъ Усть-Вымомъ, съ Вогваздинымъ и со всей окружающею мѣстностью намъ пришлось очень хорошо познакомиться впоследствии, когда мы ждали здѣсь нашихъ компаніоновъ по поѣздкѣ на Ухту.

Вычегда къ Усть-Сысольску все такъ же широка и на глазъ совершенно не замѣтно, чтобы она становилась уже; все такъ же идетъ правый низкій берегъ, заросши, насколько глазъ хватаетъ, небольшимъ лѣсомъ, пустынный и безлюдный, лѣвый нагорный, все еще довольно населенный съ пестрѣющими среди общихъ желтыхъ и лиловыхъ тоновъ весны зелеными у раскинувшихся на полугорѣ деревень и селъ, прорѣзанный оврагами съ бѣлѣющими въ нихъ остатками снѣга. Отъ самой воды полоса песку и у самой у нея кое-гдѣ высятся плотныя, густыя еловыя рощицы. Вычегда красиво заворачивается и за каждымъ поворотомъ видно какъ нагорный берегъ какъ бы обхватываетъ низкій и далеко закрываетъ собою поворачивающую рѣку. Иногда горы перебросятся и на правый берегъ, отрогъ ихъ протянется отъ рѣки куда-то вдалѣ и пропадетъ на горизонтѣ, сливаясь съ общей полосой безко-

нечнаго лѣса; на горахъ, видно въ бинокль, растеть сосновый боръ съ бѣлымъ мхомъ. Чѣмъ ближе къ городу, тѣмъ селенія все чаще; иногда линия ихъ прерывается и лѣсъ подходитъ къ самой рѣкѣ и опять по берегу потянется ломъ и оборвавшіяся въ воду деревья, а тамъ опять, глядишь, зазеленѣютъ озимыя поля и запестрѣютъ деревушки. На рѣкѣ много песчаныхъ острововъ, иногда заросшихъ кустами ивы, какъ щетиной, иногда совершенно голыхъ. На низкомъ

Старая Вычегда и коровьи дачи.

берегу противъ селеній обращаютъ на себя наше вниманіе какія-то маленькія постройки, не то сараи для сѣна, не то бани, никакъ не опредѣлишь; по распросамъ оказывается, что это по здѣшнему выраженію „коровьи дачи“; около селеній выгоновъ здѣсь нѣтъ, такъ какъ лѣсъ, почти сейчасъ же начинающійся за тянущимися въ одну линию деревнями и селами, сплошь заросшій мхомъ

или стоящій на болотѣ, никакого корма скоту дать не можетъ и поэтому весь скотъ съ весны на все лѣто перегоняютъ вплавъ на низкій берегъ, гдѣ онъ и питается на подножномъ корму. Въ жаркое время нарождается и плодится такая масса всякаго гнуса, что скоту приходится куда-нибудь спастись, вотъ его тогда и загоняютъ въ эти самыя дачи. Доить коровъ изъ деревень и сельъ вѣзять черезъ рѣку два раза въ день на лодкахъ и привозятъ молоко домой.

Версть за 12 до Усть-Сысольска горы отступаютъ отъ рѣки и до нихъ широкой полосой простирается покрытая лѣсомъ низина; деревни и села, маленькія, маленькія видны вдаль за этой низиной по гребню отошедшихъ горъ; Вычегда круто заворачиваетъ направо, образуя посрединѣ большой песчаный островъ, заросшій густымъ лѣсомъ, а сама рѣка идетъ въ этомъ мѣстѣ двумя рукавами, подмывая правый берегъ, въ который съ разбѣга упирается на заворотѣ. Тутъ берега совершенно пустынные; горы, отойдя отъ рѣки, увели съ собой и человѣка, а на мѣсто полей, лужковъ и человѣческаго жилья сомкнулся опять безконечный лѣсъ. Горы уже поворотили и пошли по лѣвому же берегу рѣки Сысолы, впадающей здѣсь въ Вычегду, а по ихъ гребню такъ и идутъ одна за другой деревушки, и какъ бы продолженіемъ ихъ является и самый городъ Усть-Сысольскъ. Хотя онъ и называется Усть-Сысольскъ, но стоитъ онъ не при устьѣ Сысолы, а верстахъ въ трехъ

отъ него на лѣвомъ берегу ея, растянувшись по пологимъ скатамъ на 4 версты, вглубь же отъ рѣки идетъ очень нешироко; къ городу при-

Усть-Сысольскъ.

писано нѣсколько деревень съ концовъ его, почему онъ и вышелъ такимъ длиннымъ. Общи видъ его съ рѣки ничего изъ себя не представляетъ; тѣ постройки, которыя даютъ впечатлѣние города, издали не видны, а узнаешь, что тутъ городъ, только по скопленю церквей; когда же подъѣдешь поближе, становятся видны и взбѣжавшая отъ рѣки въ гору широкая, чистая и сухая улица и воз-

вышающее на площади очень крупное и недурной архитектуры доминирующее надъ всѣми постройками города духовное училище, и каменная каланча, и соборы, словомъ, впечатлѣние получается какъ отъ города, и впечатлѣние не плохое, а при ближайшемъ знакомствѣ съ городомъ оно дѣлается, пожалуй, и еще лучше. Во всякомъ городѣ есть чѣмъ коренной обитатель его гордится и что непременно желаетъ показать всякому прїѣзжему; часто, и даже въ большинствѣ случаевъ, это бываютъ какія-либо дорогія сердцу обывателя по тѣмъ или другимъ причинамъ зданія, въ большихъ городахъ нѣсколько, въ малыхъ и одного достаточно; прїѣдете въ Москву, непременно москвичъ спроситъ васъ: „видѣли ли Храмъ Спаса или верхніе ряды, были ли въ Сандуновскихъ баняхъ?“ Въ Петербургѣ придется отвѣчать: видѣли ли Исаакія, дворцы? Вологжане гор-

Усть-Сысольскъ.

дятся громаднымъ своимъ зданіемъ гостинницы „Золотой Якорь“. Тотъмякъ поинтересуется знать, замѣтили ли вы ремесленное училище, житель Сольвычегодска распросить о впечатлѣннѣхъ, произведенныхъ на васъ соборомъ, монастыремъ, зданіемъ присутственныхъ мѣстъ, а усть-сысолцу непременно вы дадите отчетъ, не проглядѣли ли вы зданія духовнаго училища. Оно и составляетъ центръ города—высокое, каменное, 3-хъ этажное съ колоннами, съ садомъ около него и съ обширной площадью передъ нимъ. Отъ пристаней мимо него идетъ широкая поперечная улица до Стефановскаго собора очень недлинная, а за соборомъ уже пойдутъ кусты и лѣсъ такъ, что шириною городъ очень узокъ, но длиненъ ужасно. Достопримѣчательностей никакихъ, чего-нибудь такого, что составляло бы особенное производство Усть-Сысольска, не имѣется. Въ уѣздѣ же имѣются расположенные по рѣкѣ Сысолѣ желѣзодѣлательные заводы Нювчимскій, Кайгородскій и Кажемскій, чугунное литье съ которыхъ, очень недурное и весьма доступное по цѣнѣ, можно достать въ Усть-Сысольскѣ. Усть-Сысольскъ—столица всего Зырянскаго края, и какъ столица, онъ, конечно, послѣ Устюга лучшій изъ уѣздныхъ городовъ губернии; жителей въ немъ 4.400, а уѣздъ его прямо колоссаленъ—148.775 кв. верстъ и граничитъ съ Вятской, Пермской, Архангельской губерніями и Сибирью, доходя до самаго Урала, но на всю эту громадную площадь приходится только 90 т. жителей, вкрапленныхъ по рѣкамъ въ эту обширнѣйшую лѣсную пустыню—общая картина нашего сѣвера,—страны богатѣйшей, но всѣ богатства которой лежать до сихъ поръ безъ всякаго движенія, какъ будто они никому и не нужны. Усть-Сысольскъ городъ молодой, учрежденъ при открытіи Вологодскаго намѣстничества въ 1780 году изъ бывшей на его мѣстѣ Усть-Сысольской слободы. Расположился онъ на лукѣ, которую дѣлаетъ тутъ Сысола, и изъ города открывается превосходный видъ на безконечные лѣса съ извивающеюся по нимъ Вычегдой, которая то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ проблескиваетъ среди нихъ серебромъ, а подъ горой крутой изгибъ Сысолы, съ островомъ по срединѣ ея, заросшимъ лѣсомъ и кустами, и подковой обогнуль луку эту городъ. Ширина вида ужасная, впечатлѣніе, производимое имъ, уныло, такъ все пустынно, безлюдно, заброшено.

Видъ на Сысолу изъ Усть-Сысольска.

Глава III.

Вычегда. — Усть-Куломъ. — Ульяновскій монастырь. — Усть-сысольскіе лѣса и лѣсничества.

Изъ Усть-Сысольска составъ нашей экспедици увеличился, и мы отправились далѣе, вмѣстѣ съ присоединившимися къ намъ лѣснымъ ревизоромъ Ф. А. Лабурцевымъ и лѣсничимъ Небдинскаго лѣсничества В. И. Леванда, въ районъ лѣсничества котораго и находится рѣка Вишера. Онъ потомъ и во всемъ путешествіи по этой рѣкѣ былъ нашимъ спутникомъ.

За Усть-Сысольскомъ Вычегда уже значительно менѣе населена и чѣмъ дальше, тѣмъ дѣлается пустынный и пустынный. Берега становятся довольно низкими, сплошь заросшими лѣсомъ; здѣсь версть на 20 отъ берега лѣсъ плохой. Для насъ, жителей мѣстъ гораздо менѣе лѣсистыхъ, и этотъ лѣсъ казался бы, конечно, очень хорошимъ, но здѣсь лѣса расцѣниваются не такъ, — имѣютъ цѣнность только годные въ распиловку, т. е. для отправки за границу, остальное же все не имѣетъ почти никакой цѣны. Вотъ такихъ-то пиловочныхъ лѣсовъ версть на 20 отъ береговъ уже нѣтъ. Общи характеръ лѣса таковъ, что отъ берега идетъ сухая полоса отъ 2 и до 20 верствъ шириною, а дальше болота, болота и болота; выдастся гдѣ мѣсто повыше и посуше и тутъ растетъ хороший лѣсъ, а потомъ опять пошло болото, и такъ безъ конца по всей этой огромной лѣсной территории; поэтому и получается, что при такомъ колоссальномъ запасѣ лѣса, какъ въ Усть-Сысольскомъ уѣздѣ, все-таки можно считать, что лѣса немного, т. е. именно пиловочнаго, имѣющаго извѣстную цѣнность, все же остальное при настоящемъ положеніи вещей, при отсутствіи путей сообщенія и пр., не имѣетъ никакой цѣны, потому что сейчасъ дѣвать его некуда.

Громадныя лѣсныя площади раздѣлены и на громадныя лѣсничества; напр. Небдинское лѣсничество въ Усть-Сысольскомъ уѣздѣ заключаетъ въ себѣ ни много, ни мало 1.105.000 десятинъ, а Печерское — около 5 милліоновъ десятинъ. Положеніе такихъ огромныхъ лѣсничествъ является поневолѣ таковымъ: лѣсничій, долженъ, конечно, знать

свое лѣсничество, знать гдѣ какой лѣсъ есть, гдѣ можно лѣсъ отпустить на сплавъ, какимъ образомъ отвести дѣлянки, однимъ словомъ, вести лѣсное хозяйство въ своемъ лѣсничествѣ. Онъ долженъ самъ отвести дѣлянку, онъ долженъ наблюдать за правильностью рубки проданнаго лѣса, долженъ убѣдиться лично, что всѣ условія рубки покупщикомъ выполнены, лично пересчитать на вырубкѣ всѣ пни, лично освидѣтельствовать лѣсъ на катищѣ; долженъ слѣдить за сохраненіемъ лѣса, вести сложную канцелярію, и еще много другихъ обязанностей лежитъ на немъ. Все это было бы хорошо, если бы лѣсничество можно было измѣрять хотя бы десятками тысячъ десятинъ, но не милліонами же.

Въ разговорахъ съ Владиміромъ Ивановичемъ Леванда мы очень часто упоминали о томъ, что въ его лѣсничествѣ милліонъ десятинъ, но онъ каждый разъ поправлялъ насъ: „позвольте, не милліонъ, а милліонъ 105 тысячъ. Такую прибавку откидывать нельзя, ея одной хватитъ на большое лѣсничество“. И дѣйствительно, видя одно лѣсничество въ 1.105 т., другое въ 5 милліоновъ, масштабъ такъ расширяется, что прибавка въ сотню тысячъ десятинъ начинаетъ казаться пустячною. Если, я говорю, лѣсничество не измѣрится милліонами десятинъ, подъ рукою у васъ достаточное количество стражи, если лѣсничество изрѣзано дорогами, да еще можно пролетѣть его изъ конца въ конецъ въ вагонѣ желѣзной дороги,—конечно, всѣ обязанности, возложенныя на лѣсничаго, могутъ быть выполнены. Ну, а какъ онѣ выполняются при здѣшнихъ условіяхъ—трудно себѣ представить; въ Небдинскомъ лѣсничествѣ на площадь 1.105.213 десятинъ 10 лѣсниковъ, на cadaго, слѣдовательно, приходится примѣрно 110 т. десятинъ и это называется „обходомъ“. Не скоро и не часто такой обходъ обойдешь. Путей сообщенія—только вода, на лодочкѣ, гдѣ на веслахъ, гдѣ шестомъ попихаться, а гдѣ за веревку съ берега протащить, частенько же приходится пошлепать, натянувъ бахилы, и по образу пѣшаго хожденія по болотамъ какими-нибудь тропами, перескакивая съ кочки на кочку или проваливаясь между ними по колѣно въ жидкую грязь. Разстоянія же весьма солидныя; лѣсничество къ сѣверу по прямой линіи тянется на 150 верстъ, а по рѣкамъ и рѣчкамъ, да тропами куда больше наберется. Сколько же времени надо потратить на такое путешествіе для отвода дѣлянки, а потомъ придется еще такое же сдѣлать пенья считать, а на слѣдующей дѣлянкѣ опять надо то же продѣлать и канцелярію вести надо въ то же время, да и лѣсъ свой изучать. Недаромъ казенные лѣса въ нашей губерніи приносятся съ десятины около 5 коп. дохода. Слѣдствиемъ такой постановки дѣла и является, что лѣсовъ-то этихъ и всѣхъ тѣхъ неизмѣримыхъ богатствъ, которыя эти мохнатые, мрачные, древніе лѣса скрываютъ, никто и не знаетъ и не изучаетъ.

Извѣстно, что въ Усть-Сысольскомъ уѣздѣ и золото есть, и колчеданы, и мѣдь, и каменный уголь, но гдѣ все это, въ какомъ количествѣ, стоитъ ли разработки—это извѣстно одному Богу; только рѣдко

какъ-нибудь случайно узнается что-нибудь, да и то только для того, чтобы и остаться этому свѣдѣнію достояніемъ нѣсколькихъ лицъ.

Вычегда по мѣрѣ удаленія отъ Усть-Сысольска становится поуже, но все еще очень широка, съ низкими песчаными берегами. Вишера впадаетъ съ праваго берега и у устья ея мы останавливаемся у деревни Вомынь и осматриваемъ приготовленные для предстоящаго по ней путешествія лодки; онѣ оказываются крытыя и, какъ кажется, будутъ весьма удобны. Мы пробуемъ каковы онѣ на водѣ, не валки ли, глубоко ли сидятъ, намѣчаемъ какую кому взять. П. В. Ведровъ, какъ страстный охотникъ, въ крытой лодкѣ не собирается ѣхать, а хочетъ купить себѣ челнокъ и въ немъ ѣхать впереди каравана, чтобы стрѣлять утокъ, громадныя стада которыхъ все время поднимаются впереди нашего парохода. Конечно, вокругъ насъ собирается толпа народа — и мужчины, и бабы, съ любопытствомъ насъ разглядывающая. Бабы ни одна и не понимаетъ, и не говоритъ по-русски, изъ мужчинъ нѣкоторые говорятъ, хотя въ большинствѣ случаевъ весьма плохо, такъ что не все и поймешь.

Оригинальная особенность въ поляхъ насъ поразила: вдоль каждой полосы разставлены еловые колья съ необрубленными сучьями, такъ, что въ полѣ образуются изъ нихъ цѣлые ряды; долго мы не могли добиться, что это значитъ, но наконецъ изъ очень непонятныхъ объясненій зырянъ поняли, что хлѣбъ здѣсь вызрѣваетъ поздно, когда хорошая погода уже кончается и начинаются дожди. Тогда на эти еловые остовы и вѣшаютъ снопы для просушки.

За Вомыномъ ѣдемъ среди невысокихъ песчаныхъ береговъ, кое-гдѣ подмытыхъ и съ залегающимъ во многихъ мѣстахъ подъ пескомъ торфомъ, обнажающимся на этихъ подмытыхъ обрывахъ. Лѣвый берегъ даетъ песчанья отмели и рѣка становится значительно мельче, иногда уже приходится и промѣрять. У села Подъельскаго, до котораго отъ Усть-Сысольска 109 верстъ, рѣка дѣлаетъ страшную дугу такъ, что начало и конецъ ея почти сходятся и на самой серединѣ этой луки крутится очень извѣстный мѣстнымъ жителямъ водоворотъ, котораго они, какъ кажется, весьма побаиваются; здѣсь Вычегда измѣнила свое течение и идетъ по новому руслу, а старое подъ названіемъ „Старая Вычегда“ образуетъ какъ бы рукавъ весною, лѣтомъ же глухой заливъ, а между нею и ходовой Вычегдой образуется островъ, а лѣтомъ полуостровъ, длиною 8 верстъ, представляющій изъ себя прекрасныя сѣнокосы; вообще по Вычегдѣ въ этой части ея теченія сѣнокосныхъ земель очень много, хотя, конечно, для того, чтобы обратить ихъ въ сѣнокосы требуется немало раздѣлки, но надо сказать, что тамъ, гдѣ зыряне хотя немного прикладываютъ труда къ окружающимъ ихъ лѣсамъ, вездѣ они устраиваются очень хорошо.

Картофель здѣсь родится прекрасно благодаря песчаному грунту, рожь даетъ очень хорошіе урожаи, также и ячмень, овесъ родится

самъ 7—8, но сѣется въ очень малыхъ количествахъ. Климатъ тутъ довольно хороший, ровный, совсѣмъ не то, что на Печорѣ, гдѣ зимою въ нѣсколько дней успѣють быть по нѣскольку разъ и оттепели, и морозы до 40°, а ровность-то климата именно и дѣлаетъ то, что произрастаніе хлѣбовъ здѣсь вообще хорошо. Унаваживаютъ землю очень обильно, состоятельные зыряне, держаще довольно скота, вывозятъ по расчету до 5 т. пудовъ навоза на десятину, зато и бываютъ на такихъ поляхъ урожаи ржи самъ 20, а иногда, при особенно благоприятныхъ условіяхъ, и самъ 30.

Не такъ давно еще практиковалось здѣсь въ широкихъ размѣрахъ подсѣчное хозяйство и на подсѣки выдавалось въ лѣсничествѣ очень много билетовъ, но теперь выдача этихъ билетовъ мало по малу сокращается и, какъ кажется, будетъ совершенно прекращена, въ виду того, что подсѣчное хозяйство, весьма выгодное для крестьянъ, дѣлающихъ подсѣки въ казенныхъ лѣсахъ, очень невыгодно для собственника лѣсовъ—казны, такъ какъ лѣсъ подсѣками страшно портится и на много лѣтъ на ихъ мѣстѣ образуются пустыри, по которымъ и узнаются мѣста старыхъ подсѣкъ. Конечно, это въ томъ случаѣ, если подсѣка забрасывается; но она можетъ быть обращена и въ сѣнокосъ, но въ смыслѣ лѣсного хозяйства она и въ томъ, и въ другомъ случаѣ лѣсъ портитъ. Объ урожаяхъ на подсѣкахъ мы много спрашивали, такъ мало вѣрилось намъ въ то, что мы о нихъ слышали, но всѣ свѣдѣнія наши сходятся на томъ, что въ первый годъ подсѣка даетъ урожай въ самъ 60—80, на второй самъ 10—12, на третій уже забрасывается. Урожай перваго года, конечно, поражаетъ своею цифрой и кажется мало вѣроятнымъ, но оказывается, что и у Рума *), въ его изслѣдованіяхъ юго-восточной части Усть-Сысольского уѣзда, свѣдѣнія о такихъ урожаяхъ на подсѣкахъ тоже встрѣчались и даже до самъ 100; онъ также отнесся къ этимъ цифрамъ скептически и старался установить цифру урожайности подсѣкъ на первомъ году путемъ опросовъ, результатомъ чего явилась у него цифра самъ 45, но онъ все-таки говоритъ, что нѣтъ основанія отрицать возможность урожая въ самъ 100, каковая цифра была указана ему для Керчемской волости ея жителями и уѣзднымъ агрономомъ. Наши же свѣдѣнія всѣ безъ исключенія говорили объ урожаяхъ въ самъ 60—80, а собраны они въ разныхъ мѣстахъ и отъ самыхъ разнообразныхъ лицъ.

Безъ подсѣкъ, пожалуй, зырянамъ придется и плоховато; своего хлѣба, вѣроятно, имъ не хватитъ, по крайней мѣрѣ жалобы на то, что пахотной земли у крестьянъ мало, намъ пришлось слышать буквально вездѣ и ото всѣхъ, кого бы мы ни стали спрашивать. Казна облегла крестьянъ со всѣхъ сторонъ и они здѣсь нигдѣ еще не надѣлены землей, а только пользуются ею на казенно-крестьянскихъ дачахъ;

*) Л. Рума. Къ вопросу о колониз. пригодн. Лѣтскаго и Ношульскаго лѣсничествъ.

спора нѣтъ, что эти дачи даютъ крестьянамъ возможность существовать на очень удобныхъ условіяхъ, давая имъ землю для пашни, отпуская очень выгодно лѣсные матеріалы, выдавая за ничтожную плату разрѣшенія на разработку земель изъ-подъ лѣса, но главное зло этого неустройства заключается въ томъ, что у крестьянина нѣтъ ничего своего и онъ никогда не имѣетъ увѣренности, что у него не отнимутъ съ великими трудами сдѣланнаго руками его или его предковъ. Изъ этихъ дачъ отпускаются крестьянамъ лѣсъ и дрова, напр. на такихъ условіяхъ: бревно 10 ар.

5 вер. отпускается за 20 коп., а по прошенію по какому-нибудь особому случаю и за 5 коп.; выстроить домъ надо 400 такихъ бревенъ, такъ что эти 400 бревенъ обойдутся всего въ 80 руб. За всѣ сѣнокосы по рѣкѣ они платятъ въ казну аренду, надо сказать, очень умѣренную. Но во всякомъ случаѣ повсемѣстная жалобы на недостатокъ собственной земли, наблюдающееся всюду нежеланіе раздѣлывать лѣса подъ культурную землю, неуверен-

Лѣсникъ Кузблѣ на р. Вычегдѣ.

ность во владѣннн результатами своихъ трудовъ заставляютъ подумать о необходимости скорѣйшаго устройства здѣшнихъ крестьянъ.

Чѣмъ дальше ѣдемъ вверхъ по Вычегдѣ, тѣмъ меньше и меньше попадаетъ человѣческаго жилья; дичь страшная, лѣсъ глухой, ломный, непроходимый, подступивъ съ обоихъ береговъ, сдавилъ рѣку и она, раньше величавая и красиво изгибающаяся, съ длинными плесами, сѣзнула и стала извиваться по нему, какъ бы выискивая мѣсто гдѣ бы ей пробить его неприступную, таинственную глубину. Иногда попадетъ боръ, а тамъ опять лѣсъ ломный, гдѣ частый, гдѣ порѣже; по берегу все песокъ да изрѣдка пойдетъ полоса торфа, котораго здѣсь, вѣроятно, неисчерпаемая богатства.

Наконецъ, проѣхавъ нѣсколько селъ, очень рѣдко расположенныхъ, подъѣзжаемъ къ Усть-Кулому, конечному пункту нашего путешествія по Вычегдѣ, 1.218 верстъ отъ Вологды. Усть-Куломъ въ переводѣ съ зырянскаго языка значитъ: начало, преддверіе смерти. Дѣй-

ствительно, прежде это было послѣднее человѣческое жильё; за нимъ до самаго Урала шла совершеннѣйшая пустыня, и рискнувшій идти

С. Усть-Куломъ.

дальше за Усть-Куломъ совершенно не былъ уже гарантированъ отъ смерти въ этой пустынѣ — неожиданной и случайной; теперь и за Усть-Куломомъ есть хотя рѣдкія, но большія села и по Печорѣ народъ живетъ, даже кое-гдѣ и дороги есть.

Самый Усть-Куломъ есть громадное, съ двумя церквями, изъ которыхъ одна очень большая, село, тянущееся по берегу почти на 4 версты. Населеніе, конечно, исключительно зырянское, кромѣ нѣкоторыхъ служащихъ лицъ, имѣющихъ здѣсь свои квартиры — земскаго врача, при выстроенной здѣсь земской больницѣ, послѣдняго врача по направлению къ Уралу, — а весь огромный Печорскій край уже обходится безъ врачебной помощи, кромѣ тѣхъ по необходимости рѣдкихъ случаевъ, когда на Печору проѣзжаетъ усть-куломскій врачъ, — земскаго начальника и другихъ.

С. Усть-Куломъ.

Зырянки, какъ и раньше, ни одна почти не говоритъ по-русски; тѣ же типичныя постройки, которыя такъ непривычны были намъ сначала и теперь нисколько насъ не удивляютъ, та же широта между постройками, которую такъ любятъ зыряне. Непривычнымъ и новымъ для насъ были своеобразныя зырянскія колодцы, увидѣнные нами въ Усть-Куломѣ въ первый

разъ: изъ земли довольно высоко торчитъ просверленное дерево, какъ столбъ, а изъ него достаютъ воду длиннымъ шестомъ, на концѣ котораго прикрѣпленъ небольшой буракъ изъ бересты, по-здѣшнему „туись“, странный способъ—до послѣдней степени примитивный; туись очень невеликъ, и чтобы наполнить ведро приходится вытаскивать его не одинъ разъ, но способъ этотъ оправдывается тѣмъ, что въ этихъ узкихъ трубахъ вода не мерзнетъ и при здѣшнихъ морозахъ.

Здѣсь мы встрѣтили мѣстнаго земскаго начальника г. Красногорскаго, человѣка очень интересующагося возможностью рациональнаго сельскаго хозяйства въ данной мѣстности; оказалось, что онъ дѣлалъ опыты посѣва клевера около Усть-Кулома; первые изъ нихъ не были удачны, но потомъ, когда имъ были выбраны для посѣвовъ подходящія мѣста—результаты получились очень хорошіе; онъ засѣвалъ небольшую площадь и получалъ съ нея такой сборъ, что по расчету съ десятины получалось бы 350 пудовъ; во всякомъ случаѣ по этимъ свѣдѣніямъ можно установить, что культура клевера тутъ возможна. Онъ же сообщилъ намъ, что въ селѣ Вомынь на Вычегдѣ крестьяне уже не одинъ годъ сѣютъ клеверъ и результаты получаютъ хорошіе; возможность культуры клевера мы предполагали и раньше, находя дикій клеверъ при остановкахъ на пригрѣтыхъ солнышкомъ и чуть зазеленѣвшихъ мѣстахъ по берегамъ Вычегды.

Изъ Усть-Кулома мы отправились обратно къ устью рѣки Вишеры. Погода, начавшая хмуриться еще при отправленіи, совершенно испортилась, и къ Ульяновскому монастырю, куда мы должны были заѣхать, мы подѣхали подъ проливнымъ дождемъ. Самый монастырь расположенъ около версты отъ берега на пригорочкѣ, за нимъ безконечный лѣсъ, а отъ рѣки до него очень хорошіе, обширные луга, со стоящими на нихъ длинными рядами остожьевъ, судя по количеству которыхъ можно предположить, что сѣна тутъ обитель собираетъ не мало. Отъ самой рѣки къ монастырю раскинулось довольно длинное озеро.

Ульяновскій монастырь.

Закутавшись въ плащи, мы на поданныхъ къ пристани сытыхъ, приземистыхъ монастырскихъ лошадакъ лихо покатали черезъ эти луга къ высѣющимся впереди на горкѣ, закрытымъ сѣткой дождя, бѣлымъ зданіямъ монастыря, а на перерѣзъ намъ черезъ ложбинки и

лужи, показывая различную рѣзвость, во всѣ лопатки задувала монастырская молодежь, изъ любопытства, пренебрегши дождемъ, пришедшая на пристань. Такъ везомые въ экипажахъ и сопровождаемые бѣгущими по сторонамъ длинными черными фигурами и вкатили мы въ монастырскія ворота. Монастырь этотъ очень богатый и очень многолюдный, благодаря этому мечтающій, пока все, быть ставропигиальнымъ; брати въ немъ настоящей до 80, а всѣхъ съ послушниками, годовиками и т. п. до 200. Зданія всѣ каменныя, крѣпкія, храмы бо-

Братія Ульяновскаго монастыря.

гатые, но древняго въ немъ ничего нѣтъ, все самое обыденное, самое современное: и образа, писанные видимо недавно, и колокола, и самыя постройки.

Ульяновскій монастырь есть отдѣленіе и дѣтище Соловецкаго монастыря, живетъ его жизнью, по его уставу и какъ дѣтище его внесъ въ Вычегодскія пустыни ту же энергію, ту же настойчивость въ трудѣ

и то же культурное значеніе, какія съ давнихъ поръ вносятся Соловецкимъ монастыремъ въ пустыни нашего крайняго Сѣвера.

Монастырь, благодаря годовикамъ или трудникамъ, т. е. людямъ, идущимъ въ монастырь по обѣту на извѣстное время, имѣетъ возможность вести довольно обширное хозяйство; онъ держитъ 40 головъ скота холмогорской, но уже выродившейся, породы, что позволяетъ ему обильно уваживать свои 40 десятинъ пашни, дающей ему очень хорошіе урожаи. По свѣдѣніямъ, даннымъ намъ о. Мельхиседекомъ, однимъ изъ незначительнаго числа 9-ти или 10-ти русскихъ въ числѣ всей зырянской брати монастыря, урожаи бываютъ ржи до самъ 20, овса до самъ 8. Кромѣ 40 десятинъ пашни, у монастыря 10 десятинъ подъ усадьбой, 60 подъ покосами и 700 лѣсу, а всего у него 815 десятинъ.

Настоятель монастыря во время нашего пріѣзда уѣхалъ зачѣмъ-то въ Петербургъ, и мы встрѣчены и ознакомлены съ монастыремъ были отцомъ казначеемъ, который, по его рассказамъ, въ дни своей молодости, происходя изъ Ижемскихъ зырянъ, бывалъ на нефтяныхъ мѣстахъ и еще когда Сидоровъ дѣлалъ тамъ свои изысканія, служилъ въ зимнее время караульщикомъ на его промыслѣ и жилъ въ такъ называемой „Сидоровской избѣ“. Характеренъ рассказъ его о томъ,

какъ онъ, будучи промышленникомъ охотникомъ и привыкши бродить въ одиночку по лѣсу всю зиму, нанявшись караульщикомъ, боялся ночью не родного ему мрачнаго, непроходимаго, глухого лѣса, а именно жилья, и такъ жутко становилось ему по ночамъ въ этой избѣ, что онъ не выдерживалъ, выходилъ изъ нея и, разложивши нодью *), ночевалъ гдѣ-нибудь подъ елкой со спокойною душой, такъ боязливо относившейся къ одиночеству въ пустомъ домѣ. Особыхъ свѣдѣній о Сидоровѣ и его промыслѣ, чего бы мы не знали уже, мы отъ о. казначея не получили, да и было это уже давненько; видимо ему, занятому теперь сложными своими обязанностями, уже и память не многое сохранила изъ того далекаго времени, когда ему приходилось бродить по нескончаемымъ Ижемскимъ лѣсамъ за бѣлкой или караулить зимою пустую избу, вдали отъ людей, въ полной пустынѣ.

Забрались мы и на колокольню поглядѣть на общій видъ мѣстности; дождь мелкій и упорный закуталъ все своей прозрачной дымкой; безъ конца раскинулся передъ нами темный, мокрый, напитанный влагою лѣсъ и нигдѣ, ничего, кромѣ лѣса до самаго горизонта, а по нему извивается неширокая уже здѣсь, бѣлая какъ молоко, безъ блеска, безъ отраженій Вычегда; мрачно, уныло и поневолѣ закрадывается въ душу стремление вырваться отсюда скорѣй, нестись на всѣхъ парахъ по этой Вычегдѣ къ свѣту, теплу, вынырнуть изъ-подъ этого сѣраго, ровнаго, давящаго и сѣющаго дождемъ безпросвѣтнаго облачнаго неба.

Преслѣдуемые опять бѣгущими послушниками, поѣхали мы на пристань, и напутствуемые благословеніями, отправились внизъ по Вычегдѣ, рассчитывая къ вечеру дойти до с. Вомынъ, въ 3-хъ верстахъ отъ устья Вишеры и, переночевавъ тамъ, утромъ 14-мая начать свою поѣздку по этой рѣкѣ.

Остановились за дровами у села Подъельскаго и, конечно, не смотря на дождь, закутавшись въ непромокаемые плащи, вышли посмотреть село и, главное, славящійся на весь округъ лѣсъ около села. Дѣйствительно, великолѣпный сосновый боръ съ бѣлымъ мхомъ на чистомъ пескѣ, дѣлающемъ дорогу сухою даже во время самаго дождя, позволилъ намъ съ удовольствіемъ прогуляться, совершенно забывая барабанищій по поднятому надъ головой капюшону дождикъ. За селомъ осмотрѣли начатую въ казенномъ лѣсу, на уступленномъ мѣстѣ, постройку земской лечебницы; пока еще только кладутъ фундаментъ, и, по нему судя, лечебница будетъ не маленькая. Встрѣтили мѣстнаго священника и, конечно, поговорили съ нимъ о хозяйственныхъ вопросахъ населенія и опять слышали, что у населенія земли мало, своего хлѣба ни при какихъ урожаяхъ хватить не можетъ; казна очень стѣснила, некуда расширится. Сѣютъ рожь, ячмень, немного льна. Поддерживаютъ еще въ изобилии растущія здѣсь ягоды, малина, черная

*) Костеръ особаго устройства.

смородина, брусника, а также и грибы, которыхъ около Подъельскаго растеть множество и слава о которыхъ далеко гремитъ по Вычегдѣ. Пробовали клеверъ одинъ годъ, но неудачно и, кажется, больше пробовать боятся. Казалось бы, чего же проще придти здѣсь на помощь населенію собственникамъ всего этого громаднаго количества земли и лѣсовъ, т. е. казнѣ; управление земледѣлія и государственныхъ имуществъ во всеоружіи знанія могло бы имѣть свои опытныя поля, могло бы завести здѣсь правильную культуру и хлѣбовъ и травъ, населеніе легко бы переняло то, что оно воочію бы увидало и поняло бы на дѣлѣ и ему не пришлось бы самому убивать свои послѣднія средства на неудачные часто только по незнанію опыты, при вѣчномъ припѣвѣ: „земли мало, своего хлѣба не хватаетъ“; казалось бы, это было такъ просто и рационально, а на самомъ дѣлѣ на все дѣло производства опытовъ и проведения въ жизнь среди населенія началъ рациональнаго хозяйства управленію земледѣлія губерніи, въ которой казенной земли 27 миллионъ десятинъ, отпускается... 50 руб., т. е. менѣе 2-хъ рублей на миллионъ десятинъ. Сопоставленіе интересное: 27.000.000 десятинъ и для показательной культуры на нихъ дается 50 рублей.

Глава IV.

Вишера, возможность колонизации ее бассейна, ее притоки.—Синдорское озеро, путь съ Вишеры до устья Выма.

Вечеромъ дождикъ обратился уже въ снѣгъ и температура понизилась до 0°, но утро обрадовало насъ тепломъ и солнечнымъ свѣтомъ, заливающимъ берега Вишеры, беспокойной, быстро бѣгущей по каменистому руслу. Рѣка достаточно широкая съ берегами того же характера какъ и берега Вычегды, покрытыми сплошь лѣсомъ; отъ воды полоска чистаго мѣста. Лѣсъ отъ краевъ сильно вырубленъ; гдѣ совсѣмъ чистая порубь, гдѣ среди свѣжихъ еще пней все захламощено сучьями, вершинами и корягами. Главное внимание наше сосредоточивается, конечно, на той узкой береговой полосѣ, которая по какой-нибудь причинѣ, раздѣлана ли она была руками человѣческими, естественно ли оголилась отъ лѣса, но теперь представляетъ сѣнокосъ или занята какою-нибудь культурою. Только по этой полосѣ и можно себѣ составить понятие о томъ, что могутъ дать здѣшня мѣста, освобожденные изъ-подъ лѣса.

Рѣка Вишера въ дальнѣйшемъ ее течени за послѣднимъ человѣческимъ жильемъ протекаетъ по совершенно безлюдной мѣстности верстъ болѣе 200, имѣя массу притоковъ съ обѣихъ сторонъ, изрѣзы-

Вишера 30 в. отъ устья.

вающихъ все это огромное пространство; съ сѣвера почти отъ ухтинскаго района прорѣзаетъ ту же территорию рѣка Нившера, впадающая въ Вишеру верстахъ въ 100 отъ устья послѣдней, также съ многочисленными притоками съ обѣихъ сторонъ и еще имѣющая значение потому, что по ней есть залежи сѣрнаго колчедана, особенно богатыя около самаго Нившерскаго погоста. Насколько намъ было извѣстно, по Нившерѣ и Вишерѣ въ тѣхъ частяхъ ихъ теченія, на которыхъ есть поселенія, имѣются славящіяся на всю округу сѣнокосы, о которыхъ мы слышали еще въ Яренскѣ; хлѣбныя сѣмена съ Вишеры имѣютъ особо хорошую репутацію и ихъ съ охотою покупаютъ даже изъ отдаленныхъ мѣстностей. Всѣ эти свѣдѣнія во всякомъ случаѣ указывали на какія-то благопріятныя условія на Вишерѣ для сельскаго хозяйства и на возможность колонизаціи этого огромнаго, пропадающаго нынѣ совершенно задаромъ края; на возможность колонизаціи его указывалъ и такой знатокъ нашего Сѣвера, какъ О. В. Маркграфъ, говоривши, что не слѣдуетъ смущаться ни глухими лѣсами, ни мхами, ни болотами, что стоитъ только вычистить мохъ и вырубить лѣсъ и пойдутъ сейчасъ же на этихъ мѣстахъ прекрасныя сѣнокосы; мы впоследствии убѣдились въ глубокой правотѣ его словъ, о чемъ я скажу ниже; такимъ образомъ бассейнъ Вишеры представлялъ для насъ особый интересъ именно съ колонизаціонной точки зрѣнія, имѣющей въ настоящее время такое огромное значение въ общемъ положеніи Россіи, а здѣсь, кромѣ того, значение колонизаціи еще болѣе повышалось вслѣдствіе близкаго сосѣдства къ данной мѣстности бассейна Ухты, которому, вѣроятно, предстоитъ сыграть самую крупную роль въ дѣлѣ колонизаціи сѣвера Россіи; намъ и было необходимо лично увидѣть, что представляетъ изъ себя этотъ край, дѣйствительно ли онъ въ состояніи будетъ дать человѣку возможность поселиться здѣсь и устроиться.

Верстахъ въ 30 отъ устья деревня Ивановская около 50 дворовъ, а за ней большое село Большелугъ; по берегу все время до села Богородскаго, дальше котораго по Вишерѣ уже жилья не будетъ, идетъ земскій трактъ, на которомъ и расположились и Ивановское и Большелугъ на разстояніи 4 версты другъ отъ друга, рѣкою же между ними версты 12. Въ обѣихъ деревняхъ мы въ первый разъ замѣчаемъ посаженные у домовъ кедры.

Пароходъ идетъ Вишерой самымъ тихимъ ходомъ, машины едва попыхиваютъ, дымъ чуть вьется надъ трубой; рѣка мало извѣстна, а лоцманъ весьма остороженъ, каменистое дно ея и небольшая глубина поневолѣ заставляютъ идти съ большой оглядкой. До сихъ поръ мы плыли по Вычегдѣ, рѣкѣ хотя и никѣмъ не изслѣдованной, но уже опытнымъ путемъ признанной судоходной, Вишера же, тянущаяся на сотни версты, и ея притокъ Нившера, также въ сотни версты длиною, совершенно неизвѣстны ни съ какой стороны: можетъ ли идти паро-

ходъ по нимъ, далеко ли возможно проѣхать—это никому не извѣстно. Капитанъ нашего парохода съ большимъ сомнѣніемъ уступилъ настояніямъ войти въ Вишеру и плыть по ней, опасаясь за свой пароходъ въ виду полной неизвѣстности рѣки. А надо замѣтить, что Нившера истоками своими весьма близко, кажется, подходитъ къ Ухтинскому нефтеносному району и изслѣдование ея, какъ возможнаго въ будущемъ пути туда, должно имѣть очень важное значение.

Берега песчаные, сама Вишера сильно извивается; правый берегъ во многихъ мѣстахъ подмытъ, а съ лѣваго все время тянутся песчаные наносы; частенько, гдѣ песокъ далеко вдается въ воду, раздаются коротенькіе свистки и вахтенный бѣжитъ на носъ, хватается наметку и начинаетъ забрасывать ее съ монотоннымъ выкрикиваніемъ глубины; но въ большинствѣ глубина оказывается довольно солидной — аршина 3 и 4, конечно, это только теперь при весенней водѣ.

Такимъ образомъ доходимъ до села Богородскаго, не доѣзжая котораго съ версту, въ Вишеру впадаетъ Нившера; Богородское очень большое село съ приземистыми, въ безпорядкѣ разбросанными многочисленными домами, длинными улицами и закоулками между ними, съ земскою почтой и волостнымъ правленіемъ. Тутъ была устроена тор-

Впаденіе Нившеры въ Вишеру

жественная встрѣча съ поднесеніемъ хлѣба-соли, триумфальной аркой съ надписью отъ рѣки „добро пожаловать“, а со стороны села „счастливый путь“. Конечно, все село сбѣжалось на пристань, какъ говорится, и старъ и младъ. Всѣмъ хотѣлось посмотрѣть губернатора, о которомъ только слыхали, какъ о комъ-то далекомъ и недосягаемомъ, и вдругъ онъ самъ пріѣхалъ сюда, въ это заброшенное въ сплошную пустыню село, можно его видѣть и убѣдиться, что губернаторъ дѣйствительно существуетъ, а не есть какая-то фикция, которой только пугаютъ въ случаѣ нужды. Вѣроятно, огромныя разстоянія губернии и неудобства путешествія дѣлали то, что до сихъ поръ ни одинъ губернаторъ не заворачивалъ съ Вычегды на Вишеру. Въ Богородскомъ мы не долго

Панорама мѣ и отъ Богородскаго

задерживаемся и, не рѣшаясь въ виду полной неизвѣстности рѣки настаивать, чтобы пароходъ шелъ еще дальше, вскорѣ же, нагрузивъ въ лодки свои запасы и пожитки, начинаемъ свое лодочное путешествіе вверхъ по Вишерѣ.

Интересное чувство пришлось испытать намъ впервые: мы совершенно оторвались ото всего, отъ всей жизни, и теперь нашъ караванъ представлялъ собою особый міръ, совершенно не связанный ничѣмъ съ оставленнымъ позади; ни

почтъ, ни телеграфовъ, ни даже дорогъ впереди; если бы понадобилось что-нибудь дать знать экспедици, и это не могло бы быть сдѣлано, такъ какъ единственный путь, по которому можно было до насъ добраться—это рѣка, но выѣхавшій позже ѣхаль бы, не имѣя возможности догнать насъ до тѣхъ поръ, пока мы не остановились бы или не вернулись.

Медленно подвигаемся мы на веслахъ противъ довольно быстрого течения; рѣка сильно извивается въ довольно крутыхъ сдвливающихъ ее берегахъ, но, несмотря на крутизну ихъ, глубина ея очень незначительна и, какъ говорятъ везущіе насъ зыряне, лѣтомъ она бываетъ всего отъ $\frac{1}{2}$ до 1 аршина. Берега сплошь заросли лѣсомъ; ель, сосна и въ незначительномъ количествѣ береза заслонили все кругомъ. Въ 10 верстахъ примѣрно отъ Богородскаго съ правой стороны впадаетъ рѣчка Ковь-ю, и Вишера, имѣвшая направление отъ Богородскаго на З и СЗ, круто измѣняетъ свое направление на С. Берега все время идутъ довольно высокіе, отъ самой воды неширокая полоса покоса, на которой во многихъ мѣстахъ видны остатки стоговъ непривычной для нашихъ глазъ конструкции: ставится по кругу нѣсколько кольевъ и между ними накладывается сѣно цилиндромъ. Эта полоса покосовъ, шириною гдѣ въ нѣсколько сажень, а гдѣ и въ нѣсколько десятковъ сажень, не представляетъ собою раздѣланнаго изъ-подъ лѣса мѣста, а есть естественная, лишенная лѣса пространства, иногда при впадении ручья или рѣчки, иногда безъ всякихъ видимыхъ причинъ лѣсъ не растетъ на ней и только въ рѣдкихъ случаяхъ она образовалась изъ

старыхъ вырубокъ. Тѣ травы, которыя можно было на этой полосѣ увидѣть, въ большей части, конечно, прошлогодня, такъ какъ новой травы почти не видно еще, не представляютъ никакой разницы съ травами луговъ южныхъ уѣздовъ губернии; одно только невольно бросается въ глаза—это масса вылѣзающихъ всюду красныхъ еще пуновъ; ихъ мы потомъ встрѣчали на всѣхъ берегахъ рѣчекъ, по которымъ намъ приходилось ѣхать, въ огромномъ количествѣ; всѣ сѣнокосы покрыты ихъ красивыми ажурными кустами. За полосой покоса сейчасъ же глухой, ломный лѣсъ и въ большинствѣ болото; далеко ли тянется болото—въ иныхъ случаяхъ сказать трудно, но часто оно имѣетъ ширину всего въ нѣсколько сажень и тянется узкой полоской вдоль берега, а за нимъ идетъ подъемъ и сухое мѣсто, заросшее хотя мхомъ, но не лишенное уже вовсе травы, а чуть гдѣ проглянетъ полянка, сейчасъ же и встрѣтишь нѣсколько обыкновенныхъ породъ лѣсныхъ травъ.

Всѣ эти первоначальныя свѣдѣнія мы получили, побродивъ немного, когда остановились на первый нашъ ночлегъ въ лодочномъ путешествии у впадения въ Вишеру рѣчки Видъ-ю. Надо сказать, что рѣки, ручьи и рѣчки по-зырянски раздѣляются такъ: рѣка большая носить название съ прибавленіемъ слога „ва“, что означаетъ по-зырянски вода, напр. притокъ Нившеры, особенно славящися своими сѣнокосами, называется „Лымъ-ва“, т. е. снѣговая вода. Слогъ „ю“ означаетъ небольшую рѣчку, но доступную для проѣзда на лодкахъ, „юль“ означаетъ ручей, по которому на лодкахъ хотя проѣхать нельзя, но онъ все-таки представляетъ собою рѣчку, „шоръ“ обозначаетъ ручеекъ, большею частью быстро бѣгущи по камешкамъ, журчащи и съ каскадами. Такъ вотъ у впадения въ Вишеру рѣчки Видъ-ю мы и остановились. Тутъ мы впервые увидѣли зырянскую „керку“ съ ея амбарами и чуланами. „Керка“ собственно значитъ домъ, изба, но подъ названіемъ „керка“ съ прибавленіемъ или названія урочища, гдѣ она стоитъ, или имени ея хозяина, подразумѣваются обыкновенно промысловыя избушки въ совершенно безлюдныхъ мѣстахъ, гдѣ зыряне ходятъ по зимамъ на промыселъ за бѣлкой, рябчиками и другой дичью и за звѣремъ. Въ этихъ керкахъ они ночуютъ и въ амбарахъ при нихъ складываютъ свою добычу. Самая керка представляетъ собою очень низенькую

Р. Вишера.

курную избу съ очень плоской крышей на одинъ скать, а иногда и на два, съ маленькими окошечками и низенькой дверью, въ которую приходится пролѣзать, согнувшись въ три погибели; четвертая часть внутренности избы занята большою печью, а остальные три четверти служатъ для ночевки собирающихся сюда иногда въ очень большомъ количествѣ промышленниковъ. Рядомъ съ керкой, для складыванія добычи и съѣстныхъ запасовъ, ставится амбаръ съ дверью, запирающеюся замкомъ; на одинъ скать крыша, дверь въ высокой его сторонѣ. Оригинальна его постройка, довольно высоко отъ земли на 4 столбахъ, которые примѣрно на аршинъ отъ земли имѣютъ перпендикулярные къ своей оси зарубы по всей окружности и отъ нихъ къ землѣ спускаются конусомъ; это дѣлается для того, чтобы ни мышь, ни горностаи, ни какой другой лѣсной звѣрокъ, охотникъ до готоваго запаса ѣды, не могъ въ амбаръ проникнуть; эти конусообразные, приземистые столбы подъ амбаромъ какъ нельзя болѣе показали намъ, что такое есть въ русскихъ сказкахъ „избушка на курьихъ ножкахъ“. Затѣмъ у керки ставится чуланъ; это для склада вещей, безъ запора. Онъ ставится на очень высокихъ столбахъ, выше роста человѣческаго, подтесанныхъ вверху такъ же, какъ и ножки амбара; чуланъ—очень низенькій, плоский, тоже съ крышей на одинъ скать; въ полу одна или двѣ доски выдвигаются въ сторону, а между четырьмя его ногами ставится коротенькій столбъ. Вы выдвигаете доски изъ полу, становитесь на этотъ столбъ и тогда голова ваша и плечи попадаютъ въ чуланъ и вы можете взять что нужно. Чуланы обыкновенно не запираются и попавши въ „керку“ можетъ воспользоваться его содержимымъ, достанетъ тамъ и котелокъ, и чашки, и спички, но такъ какъ вещи эти здѣсь для промышленника имѣютъ совершенно не то значение, какъ въ какой-нибудь деревнѣ, а дѣйствительно иногда отъ нихъ и самая жизнь его зависитъ, то уже эти условія сами собою выработали и особое отношеніе къ нимъ, такъ что о случаяхъ пропажи вещей изъ этихъ чулановъ здѣсь не слышно. Надо сказать еще, что по Вишерѣ у каждой керки мы встрѣчали и помѣщеніе для промысловыхъ собакъ, „лаекъ“, чего потомъ у керокъ по Выму и въ Архангельской губернии уже не видѣли.

Ночевка наша въ лодкахъ оказалась не худою; крытая лодка, да еще шуба дали полную возможность прекрасно проспаться ночь, не обращая вниманія на холодъ. Шуба эта сослужила мнѣ лично такую огромную службу въ путешествіи на лодкахъ даже въ юнѣ мѣсяцѣ и такъ страшно представить себѣ, что бы было безъ нея, что я смѣло могу сказать всякому ѣдущему въ эти края: совершенно отбросивъ всякія соображенія о томъ, какой мѣсяцъ идетъ, июль ли или ноябрь, во всякомъ случаѣ шубу необходимо брать.

Утромъ, пока готовился чай, при красивой обстановкѣ разложенныхъ костровъ среди этого пустыннаго лѣса, между прочимъ сказать,

Керка у п. Вуша ко на р. Булепа.

уже совершенно вырубленного, — т. е. лѣсъ-то остался, но все хорошее изъ него уже вырублено, — подъ просвѣчивающимъ сквозь легкя, бѣлыя, прозрачныя облака солнцемъ мы бродили довольно далеко отъ берега Вишеры, лезли по страшному лому въ болотахъ, переходили черезъ ручьи, выходили за болота въ сухой лѣсъ и впервые испытывали ощущение быть въ такомъ мѣстѣ, гдѣ знаешь, что впереди на сотни верстѣ никакого жилья не будетъ и

Р. Волью на Вишерѣ

кромѣ насъ со спутниками другихъ людей нѣтъ никого. Въ лѣсу вездѣ мохъ, отойдешь одинъ подальше вглубь лѣса и чувствуешь себя совершенно одинокимъ, какъ будто заброшенъ въ пустыню; вѣтеръ шумитъ особеннымъ шумомъ хвойнаго лѣса; вдали гдѣ-то кукушка кукуетъ, поютъ недавно прилетѣвшяя птички; жизнь идетъ своимъ чередомъ и безъ присутствия человѣка.

Въ дальнѣйшемъ теченіи начинаютъ попадаться песчаные острова, но общая картина рѣки не мѣняется: почти исключительно хвойный лѣсъ съ кое-гдѣ только замѣтными березками подходитъ къ самому берегу, а отъ него до воды протянулась узкая песчаная полоса, заросшая травой съ осокой, что собственно и составляетъ покось; лѣсъ

Р. Вишера.

большую частью испорченъ вырубками, частью самовольными, частью по билетамъ, попадаютъ и старыя подсѣки, а то, что осталось, представляетъ изъ себя тонкя ели и сосны и всюду страшный ломъ, черезъ который и пролѣзть трудно; часто попадаютъ болота, отдѣленные отъ рѣки только

узенькой полосой покоса съ старыми остожьями, замытой пескомъ недавнимъ весеннимъ разливомъ.

Верстахъ въ 20 отъ Богородска Вишера перерѣзаетъ непривычный для глаза среди ея исключительно песчаныхъ береговъ кряжъ красной глины со множествомъ въ немъ камней, торчащихъ въ отмытомъ неровномъ откосѣ и грудую насыпанныхъ у его подножия въ самой водѣ; оба берега здѣсь высоки и ярко красны на весеннемъ солнечномъ свѣтѣ, а пройдешь ихъ и опять та же картина сплошного лѣса съ узенькимъ покосомъ по песчаному берегу, но вся она, довольно мрачная, скраши-

Р. Вишера.

вается яркимъ весеннимъ свѣтомъ съ темными, глубокими тѣнями.

Съ лѣвой стороны впадаетъ р. Пукдэмъ, сажени 3 шириной. Отъ устья ея начинается тропа „Ваня-пазь“, выходящая прямо къ Синдорскому озеру, отъ котораго и беретъ начало рѣка Вишера; какой-то Ваня съ простой маткой, т. е. зырянскимъ примитивнымъ компасомъ, безъ котораго ни одинъ промышленникъ не выйдетъ здѣсь въ лѣсъ, прошелъ отсюда на Синдоръ 80 верстъ и его ходомъ стали ходить

и другіе, и образовалась тропа, по-зырянски „пазь“, получившая по первому своему ходуку и название. Говорятъ, что тропа эта, проложенная Ваней, пряма какъ проведенная инструментальнымъ способомъ.

Зыряне рассказываютъ старинное преданіе, что на Пукдэмѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ его устья, когда-то жилъ особенный, не здѣшній человекъ по имени Григорій; онъ воздѣлывалъ землю и держалъ головъ 20 скота, который, по преданію, стерегли у него медвѣди; вообще этотъ Григорій „много зналъ“ и предсказалъ, что на этомъ мѣстѣ со временемъ будетъ большой заводъ, большое село и большая каменная церковь. Зыряне это предсказаніе почему-то рассказываютъ съ большою гордостью, вѣрятъ въ него и говорятъ о немъ только уже при ближайшемъ знакомствѣ, когда убѣждаются, что спрашивающій дѣйствительно интересуется тѣмъ, о чемъ спрашиваетъ, а не разговариваетъ только для пустой болтовни.

Лѣсъ на берегу Вишеры.

Картина береговъ Вишеры не мѣняется до самаго конца, т. е. до истока ея изъ болотъ около Синдорскаго озера, разница только въ томъ, что чѣмъ дальше, тѣмъ она дѣлается уже и извилистѣе; берега то низкіе, то повыше, часто подмыты и тогда сверху обрывается подступившій лѣсъ вмѣстѣ съ верхнимъ слоемъ почвы; иногда почва эта, скрѣпленная корнями, цѣлымъ пластомъ перегнется и прикроетъ сверху подмытый и обваливающийся песчаный обрывъ, иногда куски ея съ кустами и деревьями сползаютъ къ водѣ.

Вода въ рѣкѣ совершенно желтая,—ясное указаше на залегающіе здѣсь торфяники, кое-гдѣ выходящіе наружу, но, вѣроятно, большинство ихъ залегають подъ песчаными слоями.

Долгое время Вишера течетъ прямо съ запада, затѣмъ круто поворачиваетъ и течетъ отъ самыхъ Синдорскихъ болотъ на ЮЮЗ, извинаясь и пересѣкая не одинъ разъ границу Яренскаго и Усть-Сысольскаго уѣздовъ. Во все время своего течения Вишера принимаетъ съ обоихъ береговъ громадное количество притоковъ въ видѣ рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ, идущихъ изъ совершенно неизвѣстной глубины лѣса. Начало ея прослѣдить очень трудно, такъ какъ берется она маленькою рѣченкой изъ ровнаго, гладкаго, безлѣснаго, покрытаго кочкой, такъ называемаго „клюквеннаго“ болота, окружающаго четырехверстнымъ кольцомъ Синдорское озеро, и въ этомъ болотѣ она то совершенно теряется, то проступаетъ лывами; ѣзда на лодкѣ уже не возможна и приходится четыре версты до берега озера идти по болоту, а оттуда уже опять на лодкѣ попадаете въ деревню Синдорскую, расположенную на р. Вискѣ, въ 4—5 верстахъ отъ его впаденія въ озеро. Самое озеро длиною верстъ 12, шириною отъ 1½ до 3, съ очень болотистыми берегами, на которые почти нельзя выйти, съ чуть замѣтно солоноватою водою.

По р. Виску къ деревнѣ Синдорской начинается узкая полоса луговъ, очень хорошихъ покосовъ, но надо сказать, что сѣна съ нихъ для нуждъ жителей не хватаетъ и они кормятъ свой скотъ и лошадей совершенно особымъ способомъ: во-первыхъ, они заготавливаютъ и примѣшиваютъ къ корму ягель (бѣлый мохъ), а во-вторыхъ, они ловятъ въ очень рыбномъ своемъ озерѣ массы ершей, сушатъ ихъ, размалываютъ въ муку и прибавляютъ эту муку къ корму. Какъ говорятъ, скотъ и лошади великолѣпно ѣдятъ эту муку и, повидимому, она кромѣ пользы имъ ничего не приноситъ. Со способомъ кормленія скота ягелемъ мы уже раньше познакомились изъ рассказовъ въ Яренскомъ уѣздѣ объ Удорскомъ краѣ, т. е. сѣверо-восточной сторонѣ его и одинаково на распросы, и тамъ и тутъ, получили указанія, что этотъ способъ значительно понижаетъ густоту молока, дѣлаетъ его болѣе „тощимъ“, т. е. съ меньшимъ содержаниемъ жира, и синимъ.

Деревня Синдорская расположена вдоль берега р. Виска и состоитъ изъ 24 дворовъ, жители ея занимаются главнымъ образомъ рыболовствомъ въ озерѣ; хлѣбопашествомъ не занимаются, хотя казалось бы,

что почва здѣсь песокъ и супесь при обильномъ уваживани могла бы дать возможность получать хлѣбъ. Отсутствие хлѣбопашества жители объясняютъ крайней суровостью климата, не позволяющей сѣять никакого хлѣба. Такъ какъ отъ нихъ до ближайшей церкви не менѣе 70 верстъ, то они выстроили у себя очень красивенькую деревянную небольшую церковь и хлопчуть теперь о назначени къ нимъ священника.

О возможности хозяйства по Вишерѣ и Виску изъ того, что мы видѣли, можно сказать такъ: для возможности земледѣля въ районѣ р. Вишеры имѣются всѣ данныя: климатъ этой мѣстности, хотя и нѣтъ точныхъ свѣдѣнй именно о ней, долженъ не очень отличаться отъ климата г. Усть-Сыольска, а тамъ средняя годовая температура равняется $+0,1^{\circ}$ С, а температура пятимѣсячнаго вегетативнаго периода, съ мая по сентябрь, равняется $+12,4^{\circ}$ С. Такая температура, говоритъ Рума *), не должна поселять сомнѣнй въ возможности вести здѣсь чисто земледѣльческое хозяйство съ посѣвами ржи, ячменя, пшеницы, овса, картофеля и т. п. Если мы даже допустимъ, что бассейнъ Вишеры находится нѣсколько сѣвернѣе Усть-Сыольска и потому температура его должна быть ниже, то и тогда окажется, что температура вегетативнаго периода въ $+12,4^{\circ}$ можетъ быть убавлена на цѣлый градусъ безъ измѣненя благоприятныхъ услови для земледѣля. Страшнаго бича урожаяевъ—засухъ здѣсь не бываетъ; въ записяхъ имѣнй „Дырность“ въ 9 верстахъ отъ Усть-Сыольска засухи отмѣчены только два раза въ периодъ времени съ 1818 года **). Ранние заморозки хотя и наблюдаются, но вредное влиянй ихъ носить въ большинствѣ случаевъ частичный характеръ и поражаетъ поля, находящаяся въ особо неблагоприятныхъ условияхъ. Это положенйе, принятое Рума, можетъ быть, конечно, отнесено и къ району Вишеры, къ которому очень близки тѣ мѣстности, какія Рума изслѣдовалъ. Несомнѣнно, что поврежденя, наносимыя ранними заморозками, бываютъ на низкихъ мѣстахъ, по окраинамъ болотъ, лѣсовъ и т. п., а противъ этого, конечно, можно бороться: вырубка лѣсовъ, какъ говоритъ Маркграфъ ***), должна избавить населенйе отъ вреднаго влиянйя мокроты грунта, поздней весны и раннихъ инеевъ, а Котляревскй ****) прямо указываетъ на необходимость дозволить крестьянамъ вырубку лѣсовъ, прилегающихъ къ ихъ пашнямъ, какъ на средство ослабить или даже вовсе устранить вредное влиянйе холодовъ и тумановъ.

Вѣтры, наблюдаемые въ Усть-Сыольскѣ, съ большою вѣроятностью можно принять дующими и на Вишерѣ; тогда окажется, что

*) Л. Рума. Къ вопросу о колонизацион. пригодн. Лѣтскаго и Ношульскаго лѣсничествъ.

**) Кауфманъ. Материалы и соображеня по вопросу о колониз. свободныхъ земель сѣверо-восточныхъ губернй.

***) Материалы по вопросу о колонизаци районя Пермь-Котл. ж. д.

****) Землевладѣнйе и экон. бытъ крестьянъ 3-хъ СВ уѣздовъ Вологодской губернии.

Болота на Кеперань р. Виллепу

благоприятные вѣтра наблюдаются въ году въ 46,7% регистра безразличные въ 18,6% и только 19,1% вѣтровъ неблагоприятныхъ (Рума), а въ вегетативномъ періодѣ вѣтры располагаются такъ: благоприятныхъ 38,4%, безразличныхъ 21% и вредныхъ 26,7%. Такимъ образомъ, климатъ района Вишеры вполне допускаетъ возможность земледѣлія.

Что касается почвы и условій рельефа мѣстности бассейна Вишеры, то и тутъ мы не встрѣтили ничего такого, что давало бы поводъ думать объ особо неблагоприятныхъ условіяхъ для земледѣлія; во всѣхъ мѣстностяхъ, какія мы имѣли возможность видѣть по Вишерѣ, преобладающею почвою всегда были песокъ и супесь, въ немногихъ мѣстахъ суглинки. Песчаная почва для сѣверныхъ культуръ являются самыми подходящими; производительность ихъ всецѣло зависитъ отъ унаваживанія, „при песчаныхъ угодьяхъ вопросъ сводится лишь къ достаточности сѣнокосовъ, т. е. кормовъ и удобрительныхъ средствъ“, говоритъ Макграфъ, а Кауфманъ полагаетъ, что „климатическимъ условіямъ сѣвера болѣе отвѣчаютъ физическія свойства песчаныхъ почвъ и что преимущества ихъ въ физическомъ отношеніи въ большей или меньшей мѣрѣ уравниваютъ преимущества глинистыхъ почвъ въ отношеніи ихъ химическаго состава“. Песчаная почва не избѣгаются крестьянами районныхъ, близкихъ къ Вишерѣ, для своихъ полей и, какъ показываютъ наблюденія Кауфмана, при унаваживаніи даютъ недурные урожаи, въ среднемъ нѣсколько выше самъ 8-ми для ржи; но, не придавая особаго значенія почвѣ, приходится обращать большое вниманіе на топографію мѣстности.

Необходимымъ условіемъ для выбора мѣста подъ пашню является его скатистость и притомъ направленіе ската; благоприятныя направленія скатовъ—Ю, ЮЗ и З, средняя—ЮВ и СЗ и неблагоприятныя С и СВ, но самое вредное это низкія, не имѣющія ската мѣста. Какъ бы ни была богата почва, но въ такихъ мѣстахъ никакая культура ничего не дастъ и, наоборотъ, самая тощая почва на благоприятномъ скатѣ будетъ давать, конечно при унаваживаніи, хорошіе урожаи. Эти условія одинаково выведены и Рума, и Кауфманомъ. Если мы съ этой точки зрѣнія взглянемъ на районъ Вишеры, то тутъ окажутся опять же самыя благоприятныя условія: вся эта огромная площадь прорѣзана массой рѣкъ и рѣчекъ, текущихъ въ довольно широкихъ и глубокихъ долинахъ, и слѣдовательно скатистыхъ мѣстъ тутъ возможно найти какое угодно количество и въ какихъ угодно направленіяхъ.

Такимъ образомъ, изо всего этого слѣдуетъ, что земледѣліе въ данной мѣстности возможно, а слѣдовательно, возможна и колонизация,—но на какихъ же условіяхъ?

Для хлѣбопашества необходимо обильное унаваживаніе песчаныхъ и супесчаныхъ здѣшнихъ почвъ; для этого, конечно, требуется держать достаточное количество скота; въ настоящее время сѣнокосовъ для

прокормления такого количества недостаточно и переселенцамъ прежде всего предстоитъ раздѣлка для нихъ лѣсныхъ площадей, что требуетъ огромнаго труда и времени, а первое время поселенцу нужнаго ему для унаваживанія скота прокормить будетъ нечѣмъ. Исходомъ изъ такого положенія является устройство подсѣкъ, которыя дадутъ возможность выдержать первое время; но для того, чтобы подсѣка была готова, требуется 2 года и сѣется на ней хлѣбъ только на 3-й годъ, причемъ первый годъ подсѣка даетъ очень хорошій урожай, на второй уже значительно хуже, а на третій она запускается и даетъ уже покось, и слѣдовательно дастъ возможность переселенцу выдержать первые годы и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваетъ раздѣланную подъ сѣнокось лѣсную площадь. Такимъ образомъ, переселение сюда можетъ быть сдѣлано только съ поддержкою переселенца правительствомъ въ первые годы.

Обратный путь нашъ по Вишерѣ не былъ такъ пріятенъ, какъ подъемъ вверхъ, погода надолго испортилась и въ Богородское мы приѣхали въ холодъ и дождь; насколько оно имѣло веселый видъ въ солнечную и теплую погоду, настолько оно сейчасъ непривѣтливо и угрюмо; слезящіяся деревья, скользкая почва, пропитанная водой избы и сѣющий мелкій дождь наводятъ хандру и дѣлаютъ насъ недовольными и раздражительными; пароходъ нашъ ушелъ изъ Богородскаго, боясь быть запертымъ въ Вишерѣ, если бы вода стала падать; она и стала было убывать, но дождики поддержали ее, и мы, прибывъ вечеромъ въ село, послали въ Сторожевскъ у устья Вишеры дать знать, чтобы пароходъ, если есть возможность, шелъ бы за нами.

Утромъ погода стала еще хуже—задулъ сильный восточный вѣтеръ, дождь изъ мелкаго, сѣющаго обратился въ сильный, прямой, рѣзко шлепающій по лужамъ и взбивающій на нихъ пузыри; по ослизлымъ улицамъ села побѣжали ручьи, все попряталось; къ полдню дождь пересталъ, но вѣтеръ еще болѣе усилился; тяжелая, рваная гряда облаковъ замѣнили молочно-сѣрую пелену, покрывавшую небо, и побѣжали быстро на западъ. Мы ждали парохода до 4 часовъ, бродили по селу, скучали и наконецъ рѣшили отправиться на лодкахъ внизъ, разсчитывая, что пароходу нельзя, вѣроятно, войти за мелководьемъ въ Вишеру, но все-таки тая въ глубинѣ сердца надежду: авось, встрѣтимъ его на пути; ужъ очень непривлекательно было ѣхать на лодкахъ въ такую погоду. И дѣйствительно, эта часть нашего путешествія оставила въ насъ самыя скверныя воспоминанія; сперва мы изъ теплаго помещенія не особенно ощутили холодъ, и, хотя одѣлись и тепло, но усѣлись не въ крытыя части лодокъ, а снаружи, и, соединивъ двѣ лодки вмѣстѣ, превесело понеслись по теченію внизъ; но скоро пронизывающій вѣтеръ заставилъ насъ почувствовать, что хотя на дворѣ и 17-е мая, но мѣстность, въ которой мы находились, богата разными сюрпризами вродѣ мороза и снѣга въ маѣ мѣсяцѣ. Когда сидишь смирно на мѣстѣ,

то долгое время не замѣчаешь какъ-то, сильно ли озябъ, но стоять только зашевелиться, какъ почувствуешь, что не только озябъ, но просто промерзъ насквозь. Такъ было и съ нами: мы все сидѣли смирно впереди своихъ избушекъ, разговаривали, смотрѣли на низкія, нависшія, готовые пролиться дождемъ облака, на синіе далекіе лѣса, на чуть теплющуюся, какъ робкая надежда, на самомъ горизонтѣ свѣтлую полоску, обѣщавшую намъ хоть на будущее, что разгуляется же эта погода, что разойдется же эта плотная пелена облаковъ, что блеснутъ солнечные лучи и засинѣетъ между облаковъ глубокое синее небо, глядѣли на свинцовыя, холодныя волны непривѣтливой рѣки и не давали себѣ отчета, промерзли мы насквозь или еще нѣтъ; наконецъ насырѣвшие за время поѣздки сапоги до того настыли, что ногамъ стало больно, какъ зимой, и мы стали забираться внутрь лодокъ, и вотъ тутъ-то мы и почувствовали, что не только снаружи озябли, но, кажется, и всѣ внутренности дрожали и уже никакая шуба не могла насъ согрѣть, къ довершенію всего пошелъ дождь, и мы закутавшись, пронизываемые сыростью и холодомъ, сидѣли закрывшись въ своихъ домикахъ, мечтая о теплѣ и о уютномъ помѣщеніи и потерявъ всякую надежду на приходъ парохода; стало уже сильно темно. Съжившись, лежимъ мы подъ шубой и вдругъ раздается изъ сосѣдней лодки голосъ Алексѣя Николаевича: „Пароходъ“,—возгласъ, заставивши насъ, забывъ холодъ и дождь, бросивъ шубу въ сторону, повыскакать наружу и дѣйствительно за поворотомъ рѣки, вся сия электрическими лампочками, съ красиво блестящими краснымъ и зеленымъ сигнальными огнями, медленно выплывала намъ навстрѣчу наша милая, желанная „Вологда“.

Радость наша отъ этой встрѣчи просто была неопишима; мы забыли всѣ невзгоды пути, поскорѣй перебрались въ теплыя, сухія, комфортабельныя каюты парохода и съ радостными лицами долго не могли еще навосхищаться и электричествомъ, и вѣнскими стульями, и и всѣмъ тѣмъ, что въ обыкновенной жизни совершенно перестаешь цѣнить и цѣну чему познаешь вполнѣ, только будучи на долгое время всего этого лишеннымъ. Температура была снаружи 0° и порхаль снѣжокъ, но мы радостные, съ поднятымъ настроеніемъ нимало теперь этимъ не смущались и съ удовольствіемъ, сидя въ общей каютѣ за самоваромъ, слушали частое постукиваше машинъ и ровный шумъ журчащей за бортомъ воды; пароходъ медленно шелъ къ устью Вишеры.

Насколько мы обрадовались пароходу, настолько же и пароходъ обрадовался намъ въ лицѣ всего остававшагося на немъ персонала; за то время, что мы ѣдемъ на немъ, всѣ находящіеся на пароходѣ успѣли, конечно, настолько свыкнуться другъ съ другомъ, что намъ было радостно видѣть вновь физиономіи всѣхъ остававшихся и на ихъ лицахъ видна радость при видѣ насъ, и даже у сопровождающаго губернатора его швейцара Сергѣя, не любящаго выражать свои чувства, всегда солид-

наго и страшно серьезнаго, несмотря на какой то важный разговоръ съ бариномъ, какъ-то особенно дрожить усь и глаза какъ-то радостно играютъ; видимо обрадовался, что видитъ своего барина живымъ и здоровымъ. Полное блаженство мы испытали, когда могли раздѣться и лечь спать на приготовленныя намъ постели.

Утромъ мы подходили уже къ Усть-Сысольску и тутъ узнали, что ночью грязь совершенно замерзла и держала на себѣ свободно и людей, и лошадей. Да и сейчасъ, пока стоимъ у пристани, нѣтъ-нѣтъ да и начнетъ порхать мелкій снѣжокъ.

Въ Усть-Сысольскѣ съ удовольствіемъ прочли послѣднія газеты отъ 7 мая; тутъ не приходится спѣшить и то, что случилось 11 дней назадъ, силою обстоятельствъ, надо считать за самыя свѣжія новости. Недолго остановившись въ городѣ, мы отправляемся къ Усть-Выму, началу второй и главнѣйшей цѣли нашей экспедици; тутъ мы расста-лись съ нашимъ милымъ компаніономъ, лѣсничимъ Небдинскаго лѣсничества В. И. Леванда.

Пока мы стояли въ Усть-Сысольскѣ, лѣсной ревизоръ Ф. А. Лабурцевъ принесъ на пароходъ образцы каменнаго угля, повидимому очень хорошаго качества, и далъ свѣдѣнія о его мѣстонахождении; этотъ каменный уголь выходитъ на крутомъ подмытомъ берегу притока Вычегды съ лѣваго берега Локчима, верстахъ въ 100 отъ Усть-Сысольска къ ЮВ и верстахъ въ 30 отъ деревни Лупадино на Локчимѣ. Пласть угля имѣетъ толщину около аршина и залегаетъ очень неглубоко отъ поверхности земли, но далеко ли идетъ онъ, одинъ ли онъ или есть и другіе пласты глубже его, идетъ ли этотъ пласть параллельно поверхности или уходитъ вглубь, ничего этого не изслѣдовано и никому не извѣстно.

Версть за 30 до Вогваздина мы уже встрѣтили глубину 6 и даже 5 четвертей; это при весенней-то майской водѣ; какова же тутъ глубина лѣтомъ. Во всякомъ случаѣ можно сказать, что судоходство здѣсь лѣтомъ если и не должно прекращаться, то должно быть сильно затруднено. Предположение о томъ, что мы въ этомъ мѣстѣ прошли не фарватеромъ, а какимъ-нибудь мелкимъ мѣстомъ, не можетъ быть допустимо, такъ какъ вель насъ опытный лоцманъ, хорошо знающіи Вычегду.

Берега здѣсь идутъ песчаные съ отмелями и островами, а по берегамъ растетъ неважный лѣсъ. Благодаря песчанымъ отмелямъ и островамъ долина рѣки здѣсь очень расширена и сопровождающія рѣку въ ея течении высоты видны совсѣмъ вдаль. По островамъ и берегамъ тянутся широкою полосой покосы, повидимому очень хороше, но нѣсколько запущенные; по нимъ видны кусты и купы деревьевъ, а если бы ихъ вычистить, получились бы прямо превосходные заливные луга.

Население въ этой части Вычегды очень рѣдкое и деревни можно считать на разстоянн одна отъ другой верстахъ въ 20, а если встрѣ-

чается нѣсколько деревень довольно близко одна отъ другой, то онѣ носятъ одно названіе съ прибавленіемъ верхній, средній и нижній, или по-зырянски: „кыфтыть“ или „катыть“, но собственно это является, конечно, одной деревней.

Бары на Вычегдѣ съ чугунами изъ Кажемскаго завода.

Глава V.

Село Усть-Вымъ, Сереговскій солеваренный заводъ и Кылтовскій женскій монастырь.

Деревня Вогвазино, гдѣ мы остановились на ночь, расположена почти у самаго устья Выма; въ ней земская станція, почтовая контора и телеграфъ. Тутъ мы должны были дожидаться ѣдущихъ съ нами на нефтеносные раіоны управляющаго земледѣліемъ и государственными имуществами Вологодской губерніи И. М. Шемигонова, нефтяного предпринимателя, еще въ 1872 году сдѣлавшаго заявкѣ, Н. А. Волкова, почетнаго гражданина города Вологды, много лѣтъ бывшаго въ немъ городскимъ головою, и двоюроднаго брата губернатора С. И. Попова, товарища прокурора Владимірскаго Суда, долго служившаго въ Архангельскѣ и, благодаря этому, хорошо знакомаго съ Сѣверомъ, да тутъ же присоединились къ намъ лѣсничіи Вымскаго лѣсничества М. В. Вылегженинъ и нашъ хозяйственный староста въ путешествіи на Ухту, знатокъ здѣшняго края, проживши въ Усть-Вымѣ 8 лѣтъ, Ф. Д. Прокышевъ, помощникъ Вологодскаго исправника, такъ что компания наша, отправляющаяся въ пустынный, мало извѣстныя страны, значительно увеличивалась. И. М. Шемигоновъ пріѣхалъ на слѣдующую ночь вмѣстѣ съ Яренскимъ лѣснымъ ревизоромъ Н. Ф. Степановымъ, а прибытія С. И. Попова и Н. А. Волкова, какъ оказалось, мы должны были дожидаться цѣлыхъ 3 дня, которые мы и рѣшили употребить на то, чтобы побывать въ Усть-Вымѣ, Сереговѣ, осмотрѣть тамошній солеваренный за-

Самоѣдъ и зыряне. **

воду и проѣхать въ находящійся въ 14 верстахъ отъ Серегова Крестовоздвиженскій-Кылтовскій женскій монастырь.

Тутъ въ Вогваздинѣ мы встрѣтили только что пріѣхавшихъ съ Ижмы тѣмъ самымъ путемъ, какимъ мы должны будемъ ѣхать, двухъ зырянъ и самоѣда; они привезли какого-то купца, отправившагося въ Москву. На наши распросы о дорогѣ, они очень насъ пугаютъ, что трудно будетъ проѣхать по Вуквѣ изъ-за ужасныхъ на ней заваловъ, что впоследствии оправдалось только отчасти. Самоѣдъ Иннокентій Петровичъ Хантанзей держитъ себя страшно самостоятельно, въ разговорѣ съ нами не обнаруживаетъ ни малѣйшаго смущенія и видимо ужасно доволенъ и разговоромъ, и угощениемъ его папиросами.

Церковь въ Усть-Вымѣ на мѣстѣ вѣщей березы.

Первый изъ трехъ ожидательныхъ дней мы употребили на посѣщение села Усть-Вымъ. Съ утра погода уже хмурилась; слоистыя холодныя облака съ маленькой свѣтлой полоской на самомъ горизонтѣ и съ тяжело синѣющей противоположной стороной не предвѣщали намъ ничего хорошаго; и вода какая-то свинцовая, мелкою зыбью колеблющаяся безъ всякихъ отраженій, сильный вѣтеръ, тепла всего 2°, все такъ непривѣтливо, угрюмо, словно не 19-е мая, а осень глухая. Песчаные пустынные берега, синѣющи вдаль хвойный лѣсъ, жалкая деревушка на берегу и, въ довершение всего, на самомъ гребнѣ берега деревянный покосившійся крестъ, какъ какая-то могила; вся картина невольно наводитъ тоску на душу и заставляетъ желать поскорѣе двинуться съ мѣста, ѣхать къ этой чуть замѣтной на горизонтѣ свѣтлой полосѣ.

Вдали на берегу видны двѣ бѣлыя церкви села Усть-Вымъ, къ которымъ мы и направляемъ свой путь, проходя самымъ устьемъ Выма, рѣки широкой и многоводной, но не глубокой; въ особенности мелко ея устье, постоянно заносимое пескомъ и, какъ говорятъ, лѣтомъ совершенно непроходимое. Сейчасъ-то еще пароходъ проходитъ свободно и, войдя въ Вымъ, подчаливаетъ къ приготовленному наскоро плотнику

на берегу, отъ котораго чуть подняться и попадаешь въ самое село очень большое съ хорошими домами, крытыми нерѣдко и желѣзомъ, съ 3 церквами, раскинувшееся по нѣсколькимъ холмамъ, раздѣленнымъ между собою оврагами, въ которыхъ, несмотря на 19-е мая, еще лежитъ масса льда и грязнаго, трухлаго зимняго снѣга; черезъ овраги кое-гдѣ перекинута мостики. Къ несчастію нашему, пошелъ дождь, и чѣмъ дальше тѣмъ сильнѣе, наконецъ хлынулъ такой, что намъ пришлось спастись отъ него въ какой-то постройкѣ вродѣ часовни.

Церквей въ Усть-Вымѣ 3; одна довольно древняя, называемая соборомъ, въ которой покоятся мощи трехъ Вымскихъ святителей: Іоны, Герасима и Питирима. Замѣчательнаго въ ней очень немного: есть нѣсколько старинныхъ иконъ, въ ризницѣ имѣется древній деревянный потиръ Стефана Пермскаго. Вообще здѣсь все полно легендами объ этомъ святителѣ, просвѣтителѣ зырянъ, и самый храмъ этотъ, по преданію, построенъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ состоялось предложенное преподобнымъ Стефаномъ зырянскому кудеснику Паму испытаніе огнемъ, и этотъ послѣдній испытанія не выдержалъ и огнемъ былъ сильно обожженъ и, какъ посрамленный, былъ изгнанъ отсюда принявшими вѣру православную зырянами; другая, маленькая церковъ выстроена на мѣстѣ священной вѣщей березы, срубленной Стефаномъ. Третья церковъ выстроена на мѣстѣ, кажется, безъ всякаго историческаго значенія, но она замѣчательна тѣмъ, что въ ней одинъ изъ „много трудящихся къ благолѣпію храма“ священниковъ „подновилъ“ при помощи обыкновеннѣйшаго расписывателя деревенскихъ храмовъ всю старинную живопись, а самыя стѣны раскрасили они такими веселенькими колерами и вообще такъ „потрудились“, что проѣзжавшій архіерей пришелъ въ ужасъ отъ этого благолѣпія и священнику пришлось имѣть по этому поводу съ владыкой весьма мало пріятное объясненіе.

Живутъ усть-вымцы не худо; богатые сѣнокосы на другой сторонѣ рѣки даютъ имъ возможность держать по многу скота, а слѣдовательно, обильно унаваживая пашню, и получать хорошіе урожаи. Скотъ здѣсь комолый и, какъ намъ говорили, очень дойный, но при болѣе детальнахъ распросахъ оказалось, что удоилвость здѣсь удовлетворяетъ гораздо меньшимъ требованіямъ, чѣмъ въ юго-западныхъ уѣздахъ губернии; здѣсь считаютъ очень хорошимъ удоемъ, если корова даетъ съ новотелу въ день кринокъ 8, т. е. 24—25 фунтовъ, между тѣмъ въ Грязовецкомъ и Вологодскомъ уѣздахъ хорошимъ удоемъ считается 1 п. — 1 п. 10 ф. съ новотела, годового же счета удоя намъ никто дать не могъ. Урожаи здѣсь, какъ намъ пришлось узнать изъ распросовъ, недурные и хлѣбъ рѣдко портится ранними заморозками, но жалобы на недостатокъ пахотныхъ земель и тутъ раздавались отовсюду, а слѣдовательно, и опять вставалъ вопросъ о необходимости скорѣйшаго устройства крестьянъ.

Проходя подъ дождемъ по селу, мы видѣли почти у каждаго дома разведенные хмѣльники. Оказалось, что разведеніемъ хмѣля занимается здѣсь почти каждый крестьянинъ, но не въ цѣляхъ промысла, а для собственнаго употребленія—для варки пива въ сельскіе праздники; это обыкновенное начало хмѣлеводства. Требуя сравнительно немного труда, эта отрасль сельскаго хозяйства обыкновенно быстро переходитъ границу домашняго потребленія и даетъ излишекъ, идущи въ продажу, когда же крестьянинъ увидитъ, что она даетъ ему и барышъ, то уже легко переходитъ на промышленное хмѣлеводство, конечно, смотря по мѣстности, въ разныхъ размѣрахъ; повидимому и усть-вымцы сейчасъ находятся именно на границѣ перехода къ промышленному разведенію хмѣля. Насъ сперва поразилъ видъ его на такой сѣверной широтѣ и не вѣрилось, чтобы онъ тутъ хорошо шелъ, но мы должны были убѣдиться, что ни условия климата, ни условия почвы отнюдь не препятствуютъ здѣсь произрастанію хмѣля — видимо онъ растетъ превосходно.

Изъ села открывается широкии видъ на впаденіе Выма въ Вычегду, который удалось снять только изъ окошка, забравшись въ домъ, а то дождь не только не далъ возможности снимать что-либо на улицѣ, но и выдти-то изъ дому почти не позволялъ. Село Усть-Вымъ было когда-то кафедрою жившихъ здѣсь архiereевъ и имѣло, будучи таковою, большое значеніе, и вотъ теперь опять, можетъ быть, наступаютъ для него хорошие дни; если дорога съ Ухты будетъ выведена на Вычегду, какъ предполагается, въ Усть-Вымъ, можно предвидѣть въ будущемъ экономическіи подъемъ и его и всей окружающей мѣстности.

Къ вечеру мы ушли опять на свою стоянку въ Вогваздинѣ, и ночью прѣхаль къ намъ И. М. Шемигоновъ съ Н. Ф. Степановымъ. Къ утру дождь пересталъ, но под-

Сліяніе Выма и Вычегды у с. Усть-Вымъ.

нялся страшный нордъ-остъ, вспѣнивши всю рѣку; громадные валы съ бѣлой шуршащей пѣной на гребняхъ бѣгутъ безъ конца мимо насъ, вся поверхность рѣки кипитъ, пѣнится и глухо шумитъ. Плескъ отъ катящихся на берегъ валовъ стоитъ въ воздухѣ. Холодно и сыро.

Идемъ въ Серегово, и тамъ, оказывается, губернатору приготовлена встрѣча, по примѣру Богородской, съ аркою, флагами и не-

обыкновенно затѣйливымъ хлѣбомъ-солью, поднесенными волостнымъ старшиной.

По самому берегу растянулся въ обѣ стороны отъ пристани солеваренный заводъ, представлявшій для насъ, никогда на такихъ заводахъ не бывавшихъ, особенный интересъ. Не медля, мы и принимаемся за его подробный осмотръ; онъ производитъ весьма печальное впечатлѣние своимъ разрушеннымъ и заброшеннымъ видомъ, совершенно необъяснимымъ при тѣхъ выгодныхъ условияхъ, въ какія онъ поставленъ. Грязь и гадость вездѣ несомнѣтимыя, постройки старыя, гнилыя, около каждой навалены груды мусора, чрены, въ которыхъ выпариваютъ соль,

Сереговскій солеваренный заводъ.

заржавленные — вездѣ видъ запущенности и брошенности безъ ремонта и безъ поддержки.

На заводѣ 9 варницъ или 9 чреновъ; выпарка соли этимъ способомъ есть, конечно, самый примитивный, самый невыгодный способъ ея добыванія: въ варницѣ, вродѣ гро-

маднаго сарая, открытаго сверху, виситъ прикрѣпленный къ балкамъ и опирающийся на кирпичную кладку огромный лотокъ — „чрень“, на который течетъ соляной растворъ, а подъ этимъ чреномъ безбожно жгутъ дрова, жаръ которыхъ и выпариваетъ въ чрень изъ разсола воду, а соль остается. Топка устроена такимъ примитивнымъ способомъ, что сжигаемая дрова, кромѣ выпариванія разсола, очень значительную часть своего жара отдаютъ для согрѣванія атмосфернаго воздуха, другими словами, накаленный дровами воздухъ прямо вылетаетъ черезъ открытую крышу наружу, и не дѣлается даже ни малѣйшей попытки утилизировать хотя часть этого пропадающаго совершенно даромъ тепла. Понятно, что дровъ при такомъ способѣ сжигается масса. Чрень опоражнивается въ 2 сутокъ одинъ разъ и даетъ сразу 160—180 пудовъ соли; для полученія этого количества соли подъ чреномъ сжигается 5 куб. сажень дровъ, которыя обходятся, если заготавливать ихъ въ казнѣ, по 4 руб. 70 коп., а если въ своемъ лѣсу, то по 4 р., и, значитъ, на пудъ соли за одни дрова падаетъ уже отъ 11,1 до 14,6 коп., а продается соль по 38 коп. за пудъ. Разсолъ здѣсь богатѣйшій, съ содержаниемъ 9% соли и достается съ 163-саженной] глубины; выкачиваетъ его оттуда прескверненькая паровая машина посредствомъ какихъ-то скрипящихъ, стучащихъ и визжащихъ деревянныхъ приспособленій, скверно смазанныхъ и грязныхъ; работаетъ въ настоящее время одна труба, а остальные всѣ заброшены. Нынѣшннй годъ, вслѣд-

стве того, что дровъ заготовлено не въ достаточномъ количествѣ, заводъ будетъ работать только 3 мѣсяца, а если онъ имѣетъ достаточно дровъ и работаетъ круглый годъ, то можетъ вырабатывать отъ 170 до 200 тысячъ пудовъ. Добываемая соль сортируется по цвѣту, т. е. бѣлая, посѣрѣе и темная; послѣдняя получается, когда начинаютъ выпаривать соль послѣ чистки чрена, производимой 1 разъ въ мѣсяцъ, и на мѣстѣ продается только она за тѣ же 38 коп., а первые 2 сорта всѣ вывозятся.

Работа на заводѣ ужасно тяжелая по тѣмъ условіямъ, въ какихъ она производится; въ варницахъ развивается такой страшный жаръ, что двери поневолѣ приходится держать открытыми и въ нихъ несетъ снаружи холодный воздухъ, какъ ураганъ, а спереди жаръ, какъ въ аду, при этомъ еще вся внутренность варницы наполнена дымомъ, отъ котораго ѣсть глаза и становится горько во рту; непривычному человѣку не пробыть въ варницѣ и 10 минутъ, а рабочіе видимо привыкли и сидятъ себѣ, пронизываемые холодомъ сзади, припекаемые спереди, со слезящимися красными глазами, какъ ни въ чемъ не бывало, но, вѣроятно, ревматизмы и страданія глазъ составляютъ среди нихъ не рѣдкое явленіе.

Заводъ этотъ принадлежитъ наслѣдникамъ Булычева и сейчасъ находится въ арендѣ у Гурылева, но тотъ самъ на заводѣ не живетъ, а заправляетъ дѣлами управляющій. При заводѣ имѣется для рабочихъ лавка, жалобы на которую приходилось намъ выслушивать отъ многихъ жителей Серегова; они жалуются, что и весь товаръ тамъ дорогъ и нехорошъ, но въ особенности претендуютъ на дороговизну и плохое качество ржаной муки, которую необходимо имъ покупать, такъ какъ своего хлѣба у нихъ не хватаетъ и они всѣ продовольствуются привознымъ; жалуются они въ гораздо меньшей степени и на земскую торговлю мукой, хотя сознаются, что не будь ея, тогда пришлось бы довольствоваться еще худшей и платить за нее еще дороже. Въ общемъ осмотръ завода оставляетъ по себѣ самое неприятное впечатлѣніе.

На другой день мы отправились въ Кылтовскій монастырь. Послѣ того какъ прекратился вѣтеръ, разогнавши всѣ облака, погода установилась, стало тепло, ясно и тихо и такъ выстояло весь день, такъ что поѣздка эта удалась намъ отлично и впечатлѣнія отъ нея остались у насъ самыя лучшія. Противъ Серегова на другомъ берегу Выма высится лиственничная роща и въ ней стоитъ чистенькнн, крѣпкш, новенькнн монастырскій домъ для пріѣзжающихъ; мы переправились туда и отправились на лошадяхъ по прямой, какъ стрѣла, очень хорошо сдѣланной дорогѣ въ монастырь. Дорога идетъ все время песчанымъ грунтомъ ровная и гладкая, среди глухого лѣса съ канавками по сторонамъ, по довольно широкой расчищенной изъ-подъ лѣса полосѣ, и тутъ мы вспомнили слова О. В. Маркграфа, что стоитъ только освободить здѣшнюю землю отъ лѣса и мха и она обратится въ прекрасный покосъ; дѣйстви-

тельно, вся эта полоса дороги представляет из себя уже не мшистый покров заболоченнаго лѣса, а заросшее травой пространство безъ всякихъ признаковъ мха. По мѣрѣ удаленія отъ Выма дорога все поднимается и наконецъ съ высшей точки ея открывается чудный видъ на безконечные лѣса по долинѣ Выма, сливающейся въ голубой дали съ долиною Вычегды. На 14-ти верстахъ дорога не одинъ разъ поднимается на горы, не въ одномъ мѣстѣ опускается внизъ и перебѣгаетъ по прекрасно устроеннымъ мостамъ рѣчки и болота; въ одномъ мѣстѣ она идетъ мостомъ саженъ 150, пересѣкая очень обширное и очень мокрое болото съ большими лыдинами, зарослями осоки и тощей березы.

Дорога отъ Серегова въ Кылтовскіи монастырь.

Лѣсъ по сторонамъ дороги почти исключительно хвойный на моховомъ покровѣ, съ часто встрѣчающимися между корней лужицами черной торфяной воды; онъ также то взбѣгаетъ на горки, то опускается въ низины, то разступится и откроетъ скрытое въ глубинѣ его болото; чѣмъ ближе подѣзжаемъ къ монастырю, тѣмъ болѣе мѣняется картина лѣса: онъ становится суше, рѣже и къ хвойному начинаетъ примѣшиваться все болѣе и болѣе лиственнаго, стали попадаться травяныя по-

лянки, мелькаютъ лужайки и наконецъ лѣсъ круто спускается къ р. Кылтовкѣ, на противоположной сторонѣ которой и стоитъ монастырь; многочисленныя его зданія, святыя ворота и колокольня новенькой деревянной церкви едва видны среди густо покрывающаго берегъ рѣчки сосноваго лѣса, куда и вбѣгаетъ дорога, немного поднимаясь въ гору съ широкаго моста. Видна какая-то кирпичная стройка изъ-за лѣсу, блестятъ на солнцѣ желѣзныя недавно выкрашенныя крыши, много чистыхъ и опрятныхъ домиковъ, маленькая, красивая церковь выглядываетъ сквозь зелень сосенъ; все это вмѣстѣ производитъ пріятное впечатлѣніе людской плодотворной работы среди глухого безлюдья.

Когда мы прибыли въ монастырь и познакомились съ его работами и ихъ результатамъ за очень недолгое время, такъ какъ монастырь

Kyathonellus unguetula

этотъ еще очень недавно и основанъ-то, мы вполне убѣдились въ возможности колонизации здѣшнихъ дикихъ мѣстъ, мало чѣмъ отличающихся отъ очень недалекаго отсюда бассейна рѣки Вишеры, въ возможности быстрой переработки здѣшнихъ глухихъ моховыхъ лѣсовъ въ культурныя мѣста. Благодаря любезности настоятельницы монастыря мы имѣли полную возможность детально ознакомиться со всѣмъ его хозяйствомъ, что мы и сдѣлали, осмотрѣвъ и поля монастырскія, и расчистки, и сѣнокосы, и заведенные въ очень недавнее время заводы смолокуренный и гончарный и скотный дворъ, однимъ словомъ, все, на что только успѣли и могли взглянуть. Энергичная настоятельница ускореннымъ темпомъ обращаетъ прежнюю пустыню въ прекрасную культурную мѣстность; монастырь ежегодно увеличиваетъ площадь свободной отъ лѣса земли, обращая ее въ пашни и сѣнокосы; мы видѣли тѣ мѣста, которыя только что вышли изъ расчистки и уже заняты гдѣ сѣнокосами, гдѣ пашней, и тѣ порубки, произведенныя нынѣшней зимой, заваленныя еще вершинникомъ и сучьями, которыя будущимъ лѣтомъ уже обратятся въ пашни или луга, видѣли и покосы монастырскіе по р. Кылтовкѣ, тоже расчищенные изъ-подъ лѣса, и поля, раскинувшіяся по склонамъ береговъ Кылтовки и еще какой-то маленькой рѣчки. Увеличивая постоянно площадь земли очисткою изъ-подъ лѣса и обращая ее въ пашню, монастырь долженъ соответственно съ этимъ увеличивать и количество покосовъ, и количество скота; онѣ держатъ сейчасъ 42 головы холмогорскаго прекраснаго скота, однотипное очень хорошее стадо съ прекраснымъ производителемъ; стадо годъ отъ году увеличивается, а параллельно съ этимъ увеличивается и количество сѣнокосной и выгонной земли.

При монастырѣ имѣются смолокуренный и гончарный заводы; къ устройству перваго монастырь пришелъ естественнымъ путемъ, получая большое количество годныхъ для смолокурения деревьевъ изъ расчищаемого лѣса, которыя, не будь этого завода, должны бы были пропадать совершенно непроизводительно, а теперь они отдають монастырю все, что возможно взять отъ нихъ, и такимъ образомъ заводъ не даетъ лѣсу уйти изъ монастырскаго хозяйства и унести съ собой то, чѣмъ можно еще изъ него воспользоваться.

Гончарный заводъ устроился у монастыря совершенно случайно: какой-то прохожій замѣтилъ подходящую глину и показалъ какъ изъ нея можно дѣлать посуду; нѣсколько монахинь переняли у него это умѣние, а настоятельница выстроила на берегу рѣчки у самой этой глины заводикъ и теперь монастырь и не знаетъ другой посуды, кромѣ своей. И въ гончарномъ, и въ смолокуренномъ заводѣ приставлены управляющими монахини, а имъ для работы удѣлено изъ общаго числа братии по нѣскольку молоденькихъ послушницъ и сейчасъ работа тамъ просто кипитъ.

Въ самомъ монастырѣ строится уже, взамѣнъ временной маленькой церкви, огромный каменный храмъ и во время нашего посѣщенія

работа была уже доведена до концовъ оконъ нижняго ряда. Зданiя въ монастырѣ очень много и для келiй и для разнообразныхъ мастерскихъ; есть тутъ и иконописная, и сапожная и вышивальная, произведениями которой мы любили въ ризницѣ. Всюду, куда ни заглядывали, начиная отъ помѣщенiя настоятельницы и кончая кухней, мы

Братья Кылтовскаго монастыря.

видѣли образцовую чистоту и порядокъ, видно, что все хозяйство здѣсь ведется умѣлыми, энергичными руками и въ монастырѣ не сидятъ сложа руки, но, напротивъ, онъ похожъ на улей, гдѣ всякій членъ общины несетъ извѣстную долю труда, а результатомъ такого устройства является высокое его экономическое положенiе, постоянный прогрессивный ростъ и громадное культурное значенiе для края; масса годовиковъ-послушницъ разноситъ потомъ по всѣмъ мѣстамъ, иногда и очень отдаленнымъ отъ монастыря, и улучшенные приемы хозяйства и ту крупицу нравственныхъ началъ, какую успѣваетъ заронить въ ихъ души монастырь съ его дисциплиной, общей работой, равной для всѣхъ членовъ, и его порядкомъ.

Вечеромъ мы, напутствуемые всякими благими пожеланьями, отправились изъ монастыря обратно въ Серегово и оттуда въ Вогвазино, встрѣтить С. И. Попова и Н. А. Волкова. Пароходъ „Надежда“, на которомъ они приѣхали, пришелъ только на другой день въ 1 часъ и только что новые члены нашей экспедици вошли на нашъ пароходъ и перенесли ихъ багажъ, какъ мы уже отправились къ главной цѣли нашего путешествія въ далекіе края по р. Ухтѣ, о которыхъ такъ много мы слышали, такъ много говорили и въ которыхъ такъ мало кто бывалъ.

Глава VI.

Рѣка Вымь, его пороги и притоки.

Путешествие наше начиналось хотя въ пасмурную, но теплую погоду съ очень сильнымъ вѣтромъ. Входимъ совершенно свободно въ Вымь и ѣдемъ этой широкой красивой рѣкой, не уже, пожалуй, и самой Вычегды.

Отъ устья на довольно далекое пространство весь лѣвый берегъ заставленъ плотами; это все лѣсъ, вырубленный въ казенныхъ дѣлянкахъ, отправляемый въ Архангельскъ на тамошние лѣсопильные заводы для отправки уже въ видѣ досокъ, брусевъ и т. п. за границу; плоты подошли подъ берегъ и отстаиваются здѣсь отъ сильнаго восточнаго вѣтра, бороздящаго Вымь мелкой толчеей зыби вплоть до праваго песчанаго берега и проносящагося дальше со свистомъ и шумомъ, нагибая безлистныя еще деревья и поднимая на берегу мелкій песокъ; а подъ лѣвымъ довольно высокимъ берегомъ вѣтеръ не хватаетъ воды и поверхность ея совершенно спокойна, только бѣгутъ по ней отъ сильнаго течения мелкія струйки и отъ плотовъ и отъ камешковъ на краю берега; вѣтеръ этотъ продолжался, однако, очень недолго, и уже когда мы подъѣзжали къ деревнѣ „Ляли“ въ 12 верстахъ отъ Усть-Выма, онъ упалъ, стало тепло и тихо; отражение гористаго лѣваго берега, съ щетиной покрывающаго его лѣса, какъ въ зеркалѣ чуть колеблется въ рѣкѣ зубчатой полосой; голубыя, туманныя горы уходятъ въ даль за поворотомъ спокойно плывущей рѣки и на ихъ фонѣ ярко выдѣляется бѣлая церковь села.

Далѣе проходимъ мимо Серегова съ красиво брошеннымъ посреди рѣки противъ села островомъ, съ высающейся лиственничной монастырской рощей на другомъ берегу рѣки и съ начинающимися отсюда по лѣвому берегу горами, задернутыми дымкой голубого тумана, идемъ мимо села „Кошекъ“ и „Княжпогоста“. Послѣднее было мѣстопребываніемъ зырянскаго волхва Пама, ревниво отстаивавшаго языческую вѣру своего народа отъ вносимаго Стефаномъ Пермскимъ свѣта правосла-

вия. Названия селъ „Ляли“ и „Кошки“ также связываются преданіемъ съ дѣятельностью въ этомъ краѣ Св. Стефана; рассказываютъ, что онъ, когда шелъ здѣсь съ своею проповѣдью, пришелъ въ село, теперешнее „Ляли“, и засталъ здѣсь весь народъ по случаю какого-то праздника пляшущимъ и припѣвающимъ „ляли, ляли“. Проповѣдь его они, занятые пляской и пѣніемъ, слушать не стали и тогда Стефанъ, будто бы, сказалъ: „Такъ будьте же вы отнынѣ на

Вымѣ въ 135 в отъ устья.

вѣкъ „ляли“, и отправился отсюда далѣе. Въ теперешнихъ Кошкахъ, будто бы, жители его проповѣдь подняли на смѣхъ и, насмѣхаясь надъ святымъ, стали мяукать; и отсюда онъ тогда удалился, давъ этому селу вѣчное название „Кошки“.

Рѣка идетъ все такая же широкая въ высокихъ берегахъ; по правому берегу почти все время въ виду идетъ земскій трактъ до с. Турьи; вечеръ тихій, теплый и пасмурный, и только на горизонтѣ на закатѣ облака чуть приподнялись и открыли розовую полосу потухающаго неба. Вода какъ зеркало впереди, а сзади переливается крупною зыбью, пущенною нашимъ пароходомъ, и отраженія береговъ мѣрно колеблются

въ ней, раскачиваясь и отбрасывая отъ себя оторванные темныя пятна.

Также тихо, тепло и пасмурно было и на утро, когда мы подъѣзжали къ с. Весляны. Берега здѣсь уже пошли невысокіе, сплошь заросшіе лѣсомъ, пустынные, а до лѣса неширокая полоса покоса. Весляны стоятъ на лѣвомъ берегу Выма, при впа-

С. Весляны на Вымѣ.

дени въ него рѣчки Веслянки, въ 135 верстахъ отъ Усть-Выма, довольно большое село съ оригинальной по архитектурѣ церковью, но совершенно новѣйшей постройки. Домовъ много порядочныхъ, но выдающихся нѣтъ.

Всѣ жители, которыхъ мы спрашивали объ экономическомъ положеніи, въ одинъ голосъ говорятъ, что урожаи тутъ очень плохи, самый лучшій при благоприятныхъ обстоятельствахъ бываетъ самъ 5, а частенько не собираютъ сѣмянъ, губить всходы морозъ; это, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что болота и лѣсъ подступили къ самымъ полямъ. Около домовъ сѣютъ коноплю, для собственнаго употребленія, не съ промысловой цѣлью, сѣютъ и ленъ также только для себя; для него выбираютъ по берегамъ увалы, куда не хватаетъ сѣверный вѣтеръ, такія распашки и видны на противоположномъ берегу. Покосы имѣютъ по рѣкамъ и рѣчкамъ, но такъ какъ полоса ихъ очень узка, то косятъ даже далѣе 200 верстъ отъ села. Конечно, своего хлѣба не хватаетъ и живутъ покупнымъ, а средства къ жизни добываютъ охотой, рыболовствомъ и работой на лѣсныхъ заготовкахъ. Вымъ рѣка рыбная и вымская семга славится не хуже печорской.

Церковь въ Веслянахъ.

Отъ Веслянъ есть ходъ на Ухту на самые нефтяные промыслы—тропа длиною въ 120 верстъ; это былъ визирь очень узкій, проведенный лѣснымъ вѣдомствомъ, но затѣмъ, съ разрѣшенія его, расширенный частными лицами, когда явилась потребность провозить на нарождающиеся промыслы и припасы и вещи; провозить, конечно, можно лишь зимою, лѣтомъ же тутъ только и возможно пѣшее хожденіе изъ-за болотъ, которыя идутъ здѣсь почти сплошь на всемъ протяженіи тропы. Кругомъ села весь надвинувшійся на него со всѣхъ сторонъ лѣсъ растетъ на болотѣ, сухая полоса отъ края лѣса не болѣе 100 сажень, а за ней сейчасъ же гдѣ моховое, а гдѣ и непроходимое мокрое болото.

До Веслянъ по Выму мы все-таки встрѣчали еще хотя и рѣдкія, какъ бы отвоєванныя человѣкомъ у лѣса пространства, на которыхъ ютятся деревни и села, выше Веслянъ намъ встрѣтятся еще только два маленькія поселочка по нѣскольку домовъ, а за ними уже пойдетъ совершенная пустыня болѣе 200 верстъ.

За Веслянами верстахъ въ 7 впадаетъ въ Вымъ съ праваго берега р. Юль-ва, и на мысу, образуемомъ ею и Вымомъ, прицѣпилось нѣ-

сколько домиковъ деревни Юль-ва, послѣдняго человѣческаго жилья на нашемъ пути вплоть до переволока; далѣе уже мы никакого человѣка встрѣтить не можемъ; рыбу ловить еще рано, на охоту идти сейчасъ въ такую даль незначѣмъ, а другихъ дѣлъ весною въ лѣсу не бываетъ.

Часамъ къ 4 совершенно разъяснило, солнце залило своимъ свѣтомъ и тепломъ, стало даже жарко; благодаря двумъ теплымъ днямъ луга едва-едва зазеленѣли и по лѣсу кое-гдѣ какъ будто чуть-чуть застлалъ какой-то зеленоватый туманъ. Недалеко уже за Юлву можетъ идти пароходъ, пороги на Вымѣ дѣлаютъ его выше совершенно несудоходнымъ; версть 7 прошли мы и остановились, приходится разставаться съ пароходомъ и начинать лодочное путешествіе.

Вышли на берегъ, прекрасный сухой покосъ, и стали перетаскивать всѣ свои вещи въ лодки, запасаясь для долгаго путешествія, стараясь ничего не забыть; одну лодку заняли специально съѣстными припасами, которыхъ намъ на всю компанію, конечно, надо не малое количество, затѣмъ и сами мы распредѣляемся на каждую лодку по 2 человѣка и по 3 „ямщика“,—такъ зыряне называютъ здѣсь тѣхъ, которые везутъ васъ; гребцами ихъ назвать нельзя, такъ какъ грести на Вымѣ противъ течения совершенно невозможно, а идти пихаясь въ каменистое дно шестами съ заостренными желѣзными наконечниками. Лодки очень длинныя, аршинъ въ 9, и узкія. На серединѣ устроена будочка длиною такъ, что два человѣка могутъ лежать головами другъ къ другу, пожалуй, можно въ будочкѣ этой и сидѣть, но почти касаясь головой потолка, влѣзть же въ нее приходится на четверенькахъ.

Едва мы отѣхали отъ мѣста разставанія съ пароходомъ и со всѣми остающимися на немъ, напутствующими насъ, отправляющихся въ утлыхъ лодочкахъ въ такое далекое и казавшееся въ то время

Рѣка и деревня Юль-ва.

такимъ труднымъ путешествіе, едва скрылся за поворотомъ рѣки все еще стоящи и дымящійся нашъ красивый, сверкающій подъ красно-

ватыми лучами склоняющагося уже солнца пароходъ, какъ впереди уже забѣлѣлась поверхность рѣки и какой-то шумъ и плескъ, чѣмъ ближе мы къ этому мѣсту подвигались, становился все явственнѣе. Это первый порогъ „Кычиль-кось“, т. е. кривой порогъ; издали онъ ничего особеннаго не представляетъ и кажется, что теперь при высокой водѣ тутъ только быстрое течение, даже съ пѣной, но когда очутишься у самаго порога и лодку, несмотря на страшныя усилія пихающихся ямщиковъ, начинаетъ вертѣть какъ щепку, когда видишь эти напряженныя лица ихъ, видишь, какъ они торопливо бросаются съ своими шестами, изо всѣхъ силъ стараясь, чтобы не дать лодкѣ стать поперекъ теченія, и слышишь ихъ тревожные крики, порогъ принимаетъ нѣсколько иную окраску и начинаешь понимать, что малѣйшая неловкость на немъ можемъ окончиться весьма плачевно. Это наше первое знакомство съ порогами, потому мы ихъ столько переѣхали и по теченію и противъ теченія, что стали относиться къ нимъ довольно равнодушно, но первые производили на насъ сильное впечатлѣніе. Когда лодка очутится на самомъ порогѣ, кругомъ нея вода положительно кипитъ; вся поверхность рѣки покрыта мятущимися волнами съ бѣлой пѣной на гребняхъ, съ плескомъ и шумомъ выскакивающими вверхъ и обдающими лодку брызгами. Между волнъ все дно видно, каменистое и гладкое какъ плитнякъ съ трещинами и разсѣлинами. Быстрота воды страшная, голова кружится, когда смотришь на эту кипящую, мчащуюся по бокамъ лодки пѣну. Едва-едва, несмотря на страшныя усилія, проталкиваемся черезъ самую стремнину и начинаемъ замѣтно подвигаться впередъ, а на самой быстринѣ впечатлѣніе такое, какъ будто лодка стоитъ на мѣстѣ.

Уже и при этомъ первомъ порогѣ замѣчается характерная особенность того мѣста, гдѣ порогъ—высокій берегъ и на немъ выходы слоистаго камня; и впоследствии вездѣ приходилось наблюдать, что порогъ всегда помѣщается тамъ, гдѣ на берегъ выходитъ камень, т. е. каменная гряда въ этомъ мѣстѣ прорѣзана рѣкой и остатки ея, поднимающіеся со дна, и образуютъ порогъ. Вода чиста и совершенно прозрачна, все дно, состоящее сплошь изъ слоистаго гладкаго камня, видно, какъ будто это не дно рѣки, а наружная поверхность.

Ѣдемъ спокойнымъ мѣстомъ, и удивительно странно глядѣть на рядъ идущихъ впереди лодокъ съ ихъ оригинальнымъ способомъ передвиженія: мѣрно, въ тактъ поднимаются и опускаются шесты въ рукахъ ямщиковъ, словно люди эти съ усиліемъ вкалываютъ какія-то огромныя булавки въ упругую поверхность рѣки, быстро ихъ вытаскиваютъ и опять медленно съ усиліемъ вкалываютъ. Всѣ рабочіе мокры и въ однѣхъ рубахахъ, они вынесли страшное напряжение при проходѣ порога и слѣдующей за нимъ быстрины, всего, пожалуй, версты 2.

Проѣхали мы отъ остановки парохода версты 10—12, и тутъ второй порогъ, гораздо большій и считающіеся зырянами самымъ большимъ и опаснымъ, „Рочь-кось“, т. е. русскій порогъ; далеко еще не

31. Белье

доѣзжая, уже слышенъ его ревъ; вся рѣка здѣсь перегорожена высокимъ валомъ взлетающей вверхъ ревущей воды съ бѣлою пѣной. Свечерѣло уже, и въ холодномъ воздухѣ надъ порогомъ стоитъ облако тумана и скрываетъ подъ своимъ покровомъ что творить тутъ бѣшеная рѣка; далеко уже отѣхали отъ порога, благополучно перескочивъ этотъ переливающийся валь, а все еще вслѣдъ намъ доносится могучий грохотъ его и бѣлое облако тумана неподвижно стоитъ надъ нимъ, медленно расплываясь сверху. Стало очень прохладно; правый берегъ еще освѣщенъ красноватымъ свѣтомъ заката, лѣвый мраченъ и теменъ, ели придвинулись къ самой водѣ и склонились надъ ней, и таинственна темная глубина дикаго, пустыннаго лѣса. Небо безъ одного облачка.

За этими порогами идутъ еще: малый Рочь-косъ, Ышъ - мысъ - косъ (быкъ - корова - порогъ, названный такъ, вѣроятно, вслѣдствие рева, имъ издаваемого) и Коинъ-косъ (волкъ - порогъ, опять же, вѣроятно, по вою, имъ издаваемому). Послѣдний оказался для нашей лодки опаснѣе и хуже всѣхъ, такъ какъ она чуть-чуть на немъ не опрокинулась, застрявъ въ камняхъ. При проѣздѣ всякаго порога самая интересная минута та, когда лодка на са-

Порогъ „Рочь-косъ“ на Вымѣ.

мой быстринѣ, при полномъ напряженіи рабочихъ силъ, нѣсколько моментовъ стоитъ на мѣстѣ, пока наконецъ проскользнетъ впередъ и медленно, съ усилениемъ выпихнется на болѣе тихое мѣсто; тутъ поневолѣ на мгновение мелькаетъ мысль: ну, худо дѣло,—и только что подумаешь, какъ чувствуешь, что лодка начинаетъ опять двигаться.

Нѣсколько выше Коинъ-кося съ лѣваго берега впадаетъ въ Вымъ рѣка Коинъ, берущая начало изъ тѣхъ же болотъ около Синдорскаго озера, изъ которыхъ текутъ и Веслянка и Вишера, такъ по крайней мѣрѣ говорятъ зыряне, побывавшіе въ тѣхъ мѣстахъ. Коинъ рѣка довольно широкая, немного уже его и рѣка Пейсынъ-ю, впадающая въ Вымъ съ праваго берега верстъ 5 выше Коина, съ подошедшимъ къ самымъ берегамъ лѣсомъ, въ которомъ очень много лиственницы; при

впадении Пейсынъ-ю, между нимъ и Вымомъ образуется очень сухой высокй мысъ съ 2 расположенными на немъ керками и съ прекраснымъ покосомъ. Тутъ мы останавливаемся на ночлегъ, ужинаемъ или обѣдаемъ, назвать можно какъ угодно, по времени—ужинъ, а такъ какъ мы цѣлый день ничего не ѣли, кромѣ легкой закуски утромъ, то, пожалуй, и обѣдъ, и располагаемся кто въ керкахъ, кто въ амбарахъ, а кто въ лодкахъ; съ начала-то путешествія намъ казалось страшно-вато ночевать въ лодкахъ, на самой рѣкѣ среди тумана, поднимающагося съ ея поверхности, и при очень низкой для второй половины мая температурѣ, но впослѣдствіи ни одинъ членъ экспедици не выходилъ ночевать на берегъ, такъ хорошо спалось намъ въ лодкахъ, тепло укрывшись шубой на толстомъ слоѣ соломы.

Ночь совершенно свѣтлая, и мы пользуемся случаемъ пройти поглубже въ лѣсъ, посмотрѣть, что тамъ дѣлается въ его таинственной глубинѣ. П. В. Ведровъ, какъ страстный охотникъ, беретъ ружье и идетъ „постоять на тягѣ“, что кажется здѣсь, въ такой большой сѣверной широтѣ, въ такомъ глухомъ крупномъ лѣсу и при такомъ морозѣ, чѣмъ-то несообразнымъ, и я, будучи самъ охотникомъ, даже рискую предсказывать, что, конечно, это затѣя пустая и ничего не только П. В. не убьетъ, но и не увидитъ. Но я былъ жестоко посрамленъ, когда, услышавъ выстрѣлъ, отправился къ П. В. и увидѣлъ самъ воочию и тянущаго вальдшнепа и убитаго Петромъ Владимировичемъ.

Въ то время, пока П. В. стоялъ на тягѣ, я успѣлъ довольно далеко зайти въ глубь лѣса, причемъ характеръ берега оказался совершенно обычный—типичный для береговъ нашихъ сѣверныхъ рѣкъ: сначала полоса покоса до лѣса, затѣмъ очень неширокая въ этомъ мѣстѣ полоса болота, на которомъ растетъ лѣсъ и которое, казалось бы, такъ легко спустить въ рѣку, стоило бы только прокопать нѣсколько канавъ отъ болота до берега, а дальше мѣстность начинаетъ подниматься и версты на 2, насколько я успѣлъ пройти, идетъ сухой боръ съ бѣлымъ мхомъ, съ страшнымъ количествомъ лома на совершенно чистомъ пескѣ; нѣсколько разъ попадались сырыя мѣста, не песчанья, на которыхъ растетъ лѣсъ гораздо выше, начинаетъ попадаться ель и немного березы, показываются кустарники, рябина, ольха и растетъ прекрасная трава. Какъ на покосахъ, такъ и на подобныхъ мѣстахъ въ лѣсу, породы травъ особенностей никакихъ не представляютъ и ничѣмъ не отличаются отъ травъ, покрывающихъ наши луга и лѣсные покосы.

Уже очень поздно улеглись мы спать, достаточно продрогши на морозѣ; прошлогдня трава вся покрылась инеемъ, а на утро уже въ 6 часовъ было жарко; такіе переходы отъ дневного жара къ ночному морозу мы потомъ испытывали каждую ночь и совершенно къ нимъ привыкли.

Утро превосходное, ясное и тихое; надъ рѣкой въ тѣни, куда еще не хватило солнышко, стелются остатки ночного тумана, далеко синѣютъ

покрытые лѣсомъ берега. Третій теплый день и все начинается зеленѣть; изъ лѣсу раздаются разнообразныя крики всякихъ прилетныхъ птичекъ, а по песчанымъ берегамъ перепархиваютъ, трепеща крылышками, кулички, и голоса ихъ все время мелодично звенятъ, какъ колокольчики.

Бду и разговариваю съ своими ямщиками Степаномъ Деичемъ, Рупомъ Сидоричемъ и Пилатиемъ Дюмидычемъ; послѣдній, впрочемъ, сильно глухъ и по-русски говоритъ мало, Рупъ тоже не осо-

Зыряне-вымчане

бенно много говорить о дѣлѣ, а больше любитъ поразсказать о себѣ и сколь онъ всѣми уважаемъ и чтимъ, а Степанъ толково отвѣчаетъ и рассказываетъ о своемъ житьѣ-бытьѣ. Узнаю отъ него совершенно тѣ же свѣдѣнія, что и отъ тѣхъ, кого спрашивалъ въ Веслянахъ: на песчаномъ грунтѣ по берегамъ Выма хлѣбъ родится плохо, самое лучшее самъ 5, и то только на сильно унавоженной почвѣ. Кто держитъ 3-хъ коровъ, считается уже богачемъ, такъ какъ онъ можетъ достаточно унавоживать свою очень небольшую пашню и получать завидные урожаи въ самъ 5, но тутъ большимъ препятствіемъ служитъ малое количество покосовъ и ихъ страшная удаленность отъ селени. Часто рожь зябнетъ и тогда и посѣянные сѣмена пропадаютъ совершенно даромъ. Недостатокъ покосовъ принуждаетъ искать для скота какого-нибудь подсобнаго корма, и зыряне заготавливаютъ на зиму бѣлый мохъ, которымъ и кормятъ коровъ. Очень поддерживаетъ зырянъ, живущихъ на Вымѣ, рыболовство; Вымъ рѣка рыбная, въ ней ловится семга (лѣль), лохъ, сигъ (кебасъ), харіусъ (ноомъ) и другія, менѣе цѣнные породы рыбъ. Въ Усть-Вымѣ бываетъ ярмарка, на которую рыболовы свозятъ свою добычу и продаютъ ее пріѣзжающимъ туда рыборотговцамъ, и въ хороше годы зарабатываютъ этимъ очень много; ловятъ неводами (сирпъ), заводя ихъ на лодкахъ. Свѣдѣнія объ урожаяхъ совершенно сходятся съ тѣмъ, что говорили и вездѣ по Выму тѣ, кого приходилось спрашивать.

По берегамъ Выма довольно часто попадаются керки, типъ постройки которыхъ нѣсколько отличается отъ керокъ по Вишерѣ; здѣсь керка обязательно снабжена или сѣнями или по крайней мѣрѣ навѣсомъ, на сторонѣ, гдѣ дверь, собашники и чуланы отсутствуютъ, остаются при керкахъ только амбары.

Пользуясь приваломъ на высокомъ правомъ берегу, верстахъ въ 18 отъ ночлега, мы съ И. М. Шемигоновымъ отправляемся въ ботаническую экскурсію и забираемся въ глубь лѣса на берега какихъ-то ручейковъ; здѣсь, между двухъ стѣнъ деревьевъ, въ этихъ миниатюрныхъ долинахъ, безъ малѣйшаго признака вѣтра, воздухъ, накаленный солнцемъ, дѣлаетъ прямо чудеса; кажется, на глазахъ поднимается и растетъ всякая травинка, еще вчера голая земля съ побурѣвшими остатками прошлогодней травы сегодня уже покрыта массой молодыхъ ярко зеленѣющихъ травъ, долго сдерживаемая сила растительности начинаетъ пышно распускаться, въ особенности по этимъ накаленнымъ естественнымъ теплицамъ. Результаты нашей экскурсіи, однако, далеко не блестящи; всѣ почти виды намъ извѣстны давно по нашимъ лугамъ юго-западныхъ уѣздовъ, я радуюсь только, найдя совершенно у насъ не встрѣчающуюся *Linnaea borealis*.

Пришли мы къ стоянкѣ, когда уже весь караванъ собрался къ отплытію, ѣдемъ дальше и скоро пересѣкаемъ выходящій на берегъ визирь; на берегу стоитъ визирный столбъ въ надписями: № 239, s. 301, w. 78 в. 300 с. Судя по положенію этого столба, можно думать, что съ утра мы ушли 28—30 верстъ, а характеръ песчаныхъ береговъ съ изрѣдка попадающимися выходами камня, съ лѣсомъ то взбѣгающимъ

на холмы, то опускающимся въ низины, то надвинувшимся къ самой водѣ и кое-гдѣ нависшимъ надъ подмытыми стѣнами береговъ, нисколько не мѣняется; такъ же однообразно тянутся они, уходя впередъ насколько глазъ хватаетъ. Зыряне рассказываютъ намъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ этотъ визирный столбъ, въ старину было поселение чуди бѣлоглазой.

Въ 66 верстахъ отъ Веслянъ (по зырянскому счету) съ праваго берега впадаетъ р. Чись-ва и

Керка на Вымѣ.

около ея впаденія, на самый берегъ Выма выдвинулась скала съ ясно выраженными слоями камня; весь скатъ берега подъ ней состоитъ изъ продуктовъ разрушенія этой горы и покрытъ сплошь разслоившимися кусками известняковъ, а на половинѣ этого ската изъ-подъ камней бьетъ

Склад, у подножжя котрого виходять сфери-подорожчє Млнчч

нѣсколько ключей прозрачной холодной воды, сильно пахнущей сѣродородомъ; запахъ настолько силенъ, что даже при проѣздѣ мимо по рѣкѣ совершенно ясно ощущается.

За этотъ день мы прошли, по зырянскому счету, 42 версты, да вчера 30, итого отѣхали от

зыряне ведутъ совершенно по особенному: они дѣлятъ всю рѣку на извѣстныя части по названію „чѣмкась“; долго добивались мы, по какому расчету опредѣляютъ они длину своихъ чѣмкасовъ, и, наконецъ, изъ распросовъ и объясненіи поняли, что они рассчитываютъ ихъ не по количеству верстъ, но по тому количеству труда, какое приходится на прохожденіе этой части затрачивать; такъ они говорятъ: „этотъ чѣмкась трудный всего версты въ 3“, а другой легкий и на 8 верстъ рас-

Вымъ въ 75 в отъ Веслянъ

тянется, но въ общемъ ошибки не будетъ, если принять чѣмкась равнымъ 6 верстамъ. Всю рѣку Вымъ отъ Веслянъ и до Шомъ-Вуквы они раздѣляютъ на 18 чѣмкасовъ и самую Шомъ-Вукву также на 18 чѣмкасовъ такъ, что, по ихъ счету, до переволока 36 чѣмкасовъ или 216 верстъ, что довольно вѣрно, по крайней мѣрѣ по картамъ, хотя, надо сказать, и не особенно точнымъ, выходитъ это разстояніе равнымъ 222 верстамъ. Вечеромъ мы были отъ Веслянъ въ 12 чѣмкасахъ.

Хорошая погода насъ не долго порадовала, и уже на слѣдующій день съ утра опять мрачныя тучи заволокли все небо и несутъ куда-то вдаль, свиваясь въ клубки, холодно и страшный юго-западный вѣтеръ реветъ въ лѣсу, свинцовая рѣка вся въ волнахъ съ бѣлой пѣной. Какъ вчера при солнцѣ все казалось веселымъ и радостнымъ, такъ сегодня все мрачно и непривѣтливо; лѣсъ уныло шумитъ, мѣрно раскачиваются великаны-ели, со свистомъ треплетъ своими чуть опушающимися вѣтвями березка, дрожитъ подъ напоромъ вѣтра сосна; никакой живой души и не видно и не слышно, словно вымерли вчерашніе веселые кулички и птицы, наполнявшіе лѣсъ своимъ звономъ и криками. Вѣтеръ намъ попутный и много помогаетъ работѣ шестами, идемъ довольно быстро, около 4 верстъ въ часъ.

Съ праваго берега не особенно далеко одна отъ другой впадаютъ рѣчки Помрась-ю и Нюрочь-ю; ни далеко ли онѣ идутъ, ни откуда онѣ берутся, словомъ, ничего о нихъ не извѣстно. Недалеко проѣхавъ отъ впаденія Нюрочь-ю, переходимъ границу Вологодской и Архангельской губернии и входимъ въ предѣлы послѣдней; мы вышли на берегъ и убѣдились, что границы въ натурѣ никакой нѣтъ, нѣтъ даже и малѣйшаго намека на то, что она когда-нибудь здѣсь существовала, и только ѣхавше съ нами лѣсники указывали на одну очень старую сосну съ затесями и говорили, что она стоитъ какъ разъ на границѣ. Такимъ образомъ, мы въѣхали уже въ Архангельскую губернію. Путь на Ухту идетъ по рѣкѣ Выму и по его притоку Шомъ-Вуквѣ, верховья которой уже подходятъ къ среднему теченію Ухты, и другимъ способомъ водою попасть на нее нельзя. Шомъ-Вуква вся цѣликомъ находится въ предѣлахъ Архангельской губернии, а Ухта только частью своего течения проходитъ въ Вологодской, но именно тою частью, которая и извѣстна своими выходами нефти. Отсюда до Шомъ-Вуквы, по которой намъ предстояло ѣхать, остается всего 2 чѣмкаса, т. е. около 12 верстъ. Вымъ сталъ замѣтно уже, и больше сталъ дѣлать загибовъ, но характеръ береговъ его не измѣняется до самаго впаденія Вуквы, куда мы къ вечеру и добрались; поднялись на довольно высоки берегъ и передъ нами открылась унылая картина сѣверной природы: Вуква впадаетъ въ Вымъ такимъ образомъ, что обѣ рѣчки составляютъ какъ бы вилку о двухъ зубцахъ; на берегу у впаденія стоитъ старая заброшенная керка съ провалившейся крышей и рядомъ съ ней покосившіяся гнилой, покрытый мохомъ крестъ, слѣды когда-то бывшихъ здѣсь людей. Отъ этого мѣста виденъ и Вымъ, текущій среди песчаныхъ заросшихъ лѣсомъ береговъ, и узенькая извилистая Вуква, вытекающая изъ какого-то сѣраго, однотоннаго лѣса. Къ вечеру поразъяснило и стало морозить. И на другой день облака грядями тянутся по небу, холодно; кое-гдѣ проглянетъ голубое небо, брызнуть холодные лучи солнца, все подъ ними засверкаетъ и заискрится, а потомъ опять сдвинутся тяжелыя облака и опять весь пейзажъ станетъ непривѣтливимъ и мрачнымъ и сдавить со всѣхъ сторонъ то маленькое пространство, гдѣ мы ѣдемъ.

Устье Шомъ Вуквы.

Глава VII.

Рѣка Шомъ-Вуква, переволокъ, рѣка Ухта, выходы нефти на ней, Сидоровскіи заводъ и окружающая его мѣстность.

Вуква характерная лѣсная рѣчка, извилистая, неширокая; лѣсъ—ель, береза, сосна и изрѣдка лиственница, подходитъ къ самой водѣ; березы и молодой и старой порядочно, и она здѣсь еще совершенно голая рѣзко выдѣляется красновато-лиловыми пятнами на фонѣ сочной темной зелени елей. Все еще попадаютъ покосы по берегу и по нимъ разрастаются у самой во-

ды кустики тальника и ивы. Верстахъ въ 25 отъ устья, Вуква входитъ въ страшно глухой еловый лѣсъ, который уже не даетъ здѣсь мѣста никакимъ покосамъ, никакимъ полянкамъ, подступилъ съ обоихъ довольно высокихъ береговъ и смотрится въ рѣку; въ мрачную глубину его впереди уходитъ рѣка. Здѣсь въ Вукву впадаетъ такая же мрачная рѣчка Той-ю. Съ береговъ кое-гдѣ съ журчаніемъ падаютъ въ Вукву ручейки (по-зырянски шоры).

Вуква въ 30 в. отъ устья.

Пройдя эту мрачную часть Вуквы, мы выѣзжаемъ на очень веселое мѣсто съ молодымъ березнячкомъ, зелеными полянками, лужайками, по которымъ купами

Шема Вуква въ еловомъ лѣсу

растутъ деревья. Видны старыя остожья,—оказывается, что и отсюда сплавляютъ сѣно въ деревни по Выму, а это составляетъ версть 140; какъ значитъ, велика нужда въ сѣнѣ и какъ мало тамъ расчищенныхъ мѣстъ, если и отсюда зыряне выцарапываютъ сколько могутъ травы и на утлыхъ плотикахъ везутъ ее домой за 140 версть, а какъ говорятъ, иногда и довезутъ - то ее только до пороговъ, а тамъ при неудачѣ и плотикъ налетитъ на камни и разлетится на свои состав-

ныя части и сѣно поплыветъ внизъ по теченію уже 'самостоятельно.

Съ праваго берега вливается рѣчка Мадмась, довольно широкая при впадении и, какъ говорятъ зыряне, очень длинная, по крайней мѣрѣ лѣсъ весною гонягъ по ней цѣлые 7 дней, а за нимъ Вуква опять течетъ по еловому лѣсу, дѣлаясь все уже и извилистѣе. На берегахъ навалено безъ конца деревьевъ, принесенныхъ весенней водой, ломъ ужаснѣйшій, и среди этого лома и перепутавшихся между собой во всевозможныхъ положеніяхъ корягъ и стволовъ извивается Вуква, поворачивая то туда, то сюда, ни разу не образуя хотя бы не особенно длиннаго плеса. И чѣмъ дальше, тѣмъ Вуква становится уже, лома на берегахъ все больше. То она идетъ лѣсомъ и тотъ нависнетъ

Вуква въ 60 в. отъ устья.

Устье р. Малмечь.

надъ ней и угрюмо смотрится въ ея темныя воды, а она бурлитъ между наваленнымъ ломомъ, то пробѣжитъ зеленѣющей полянкой съ песчаными берегами и все вѣется и вѣется и лодки наши только и дѣлаютъ, что поворотъ за поворотомъ. Рѣка очень мелка и ея дно при ея особенно чистой, чуть желтоватой водѣ видно со всѣми мельчайшими подробностями; и на немъ также много затонувшаго лома.

На восьмомъ чѣмкаѣ мы прошли тропой на перерѣзъ рѣки версты 4, на лодкахъ же, выдѣлывая всѣ крюки, какъ изворачивается Вуква, надо тутъ ѣхать версть 16. Тропа идетъ то по боровымъ мѣстамъ, заросшимъ ягелемъ, то перебѣгаетъ черезъ болота; ломъ въ лѣсу страшный, вѣковой; вѣдь никто никогда тутъ не только не подумалъ убрать что-нибудь, но даже, вѣроятно, и не взглянулъ на эти поваленные огромные стволы, вошедшие въ землю и уже заросшие мохомъ, — въ особенности ломъ этотъ ужасенъ на болотахъ, которыя уже и сами по себѣ достаточно неудобопроходимы, благодаря страшнымъ кочкамъ, а тутъ еще сверху нихъ навалены старые гнилые стволы съ остатками сучьевъ, на нихъ упали слѣдующие и образуется просто невозможное сплетение

Шомъ Вуква въ 90 в отъ устья.

всей этой гнили поверхъ кочекъ, а подъ нимъ среди кочекъ вода и грязь, въ которую нога проваливается до колѣна; въ особенно скверныхъ мѣстахъ черезъ воду набросаны тѣ же самые старые стволы. Вышли мы, пройдя эти 4 версты, на берегъ и долго еще ждемъ, когда подойдутъ наши лодки, покрикиваемъ и, наконецъ, начинаемъ и тамъ покрикивать, потомъ и лодки показались длинной вереницей, извивающіяся по поворотамъ и зигзагамъ рѣчки. Тутъ стоитъ керка и мы располагаемся у нея на ночлегъ среди сплошного еловаго лѣса на высококомъ берегу. Рядъ лодокъ приткнулся къ берегу съ воткнутыми подлѣ каждой изъ нихъ въ берегъ шестами, засверкали огоньки, сини дымокъ поднялся столбами къ небу, вездѣ закопошились люди; на нѣкоторое время глухой лѣсной уголь ожилъ, услышавъ людской говоръ, а потомъ опять онъ уснетъ въ своемъ

Лѣсъ заросших бѣлками и ельнички

покоѣ и долго еще только звѣрь да птица будутъ оживлять эту пустыню.

За нынѣшній день мы ушли 50 верстъ, это очень удачно. Отсюда Вуква становится еще уже, и казалось, что извилистѣ уже нельзя быть, но она дѣлается еще извилистѣ и вьется по глухому ельнику, какъ змѣя; ломъ начинаетъ становиться такимъ, что намъ уже приходится кое-гдѣ прорубаться; имъ завалены и берега, и дно, а въ иныхъ мѣстахъ такъ навалило сверху подмытыхъ елокъ и березъ, что

лодка проходить подъ ними, какъ подъ сводами. Сѣверъ даетъ себя знать: ѣдешь по солнцу—жарко, чуть въѣхалъ въ тѣнь и чувствуешь, что въ ватной курткѣ только что такъ; здѣсь берега еще не зеленѣютъ, все еще совершенно мертво, чуть только кое-гдѣ начинаетъ пробиваться травка, да яркими свѣже-зелеными пятнами торчатъ по склонамъ кусты чемерицы. Иванъ Михайловичъ Шемигоновъ взялъ ель толщиною въ 1¹/₂ дюйма и сосчиталъ сколько ей лѣтъ—оказалось тридцать; конечно, такой ростъ показываетъ лучше всего суровость здѣшняго климата.

Съ 12-го чѣмкаса есть тропа, по которой только 17 верстъ до самаго переволока; сперва надо пройти до керки верстъ 6, а потомъ, пересѣкши рѣчку, верстъ 11 до переволока, рѣкою же туда придется ѣхать болѣе 40 верстъ. Подъѣзжая къ этой тропѣ, мы уже дошли до того, что хвостъ нашего каравана и начало его шли навстрѣчу другъ къ другу, раздѣленные только неширокимъ перешейкомъ—такъ извиляется Вуква. Мы рѣшили пройти хотя до керки, а нѣкоторые изъ любителей пошли и до переволока. Тропа, послѣ того какъ недалеко отъ рѣчки пересѣчетъ большое мокрое болото, идетъ все время прекраснымъ сосновымъ боромъ по песчаному грунту, сплошь заросшему ягелемъ; удивительное зрѣлище представляетъ собою этотъ совершенно бѣлый покровъ, такъ похожій въ общемъ на снѣжный, хрустящій подъ ногами, какъ снѣгъ же въ морозный день, ярко освѣщенный солнцемъ, съ голубоватыми тѣнями деревьевъ, протянувшимися поперекъ нашей тропинки,

которая то взбѣгаетъ на холмъ, то перебѣгаетъ черезъ низинки, то войдетъ въ довольно частый лѣсокъ, то выбѣжитъ на полянку, наконецъ, выводитъ насъ на совершенно открытую возвышенную площадь со слѣдами бывшего здѣсь когда-то лѣсного пожара, но теперь уже заросшую густо пошедшимъ молоденькимъ соснякомъ; на краю этой площади, на склонѣ берега подошедшей сюда нѣсколькими своими изгибами Вуквы, расположилось сразу нѣсколько керокъ подъ названіемъ „Ягу-керка-доль“ (по-зырянски „ягъ“ значитъ именно боръ, заросши ягелемъ). Ходоки и отсюда отправляются пѣшкомъ далѣе вплоть до переволока, а мы садимся опять въ лодки и рассчитываемъ, что къ вечеру и мы доберемся къ нему, но надеждамъ нашимъ не суждено было сбыться: ломъ на рѣчкѣ дѣлается все больше и больше, и сильно насъ задерживаетъ; то сверху повалилось дерево и его приходится перерубать, то со дна торчатъ такіа коряги, что съ разлета, намѣреваясь проскочить, такъ плотно усаживаемся на нихъ, что и назадъ только съ великими трудами удастся сдвинуться и приходится выпиливать въ нихъ себѣ проходъ.

Мы такъ привыкли къ счету разстояній по чѣмкасамъ, что для насъ совершенно ясны отвѣты зырянъ съ этимъ счетомъ, и вотъ на 14 чѣмкасѣ въ этой совершеннѣйшей пустынѣ, на Вуквѣ, ставшей уже настолько узкой, что двумъ лодкамъ только что разбѣхаться, вдругъ мы встрѣчаемъ какую-то чужую лодку; мы такъ привыкли чувствовать, что тутъ только мы одни и никого изъ неучастниковъ нашего каравана нѣтъ на десятки по крайней мѣрѣ верстъ кругомъ, что положительно недоумѣваемъ, кто же это

такой, кромѣ насъ, попалъ въ эти мѣста; оказалось, что это ѣдетъ съ промысла живущій тамъ въ такъ называемой Сидоровской-избѣ, какъ назвать уже по должности и не знаю: управляющимъ назвать нельзя потому, что управлять тамъ нечѣмъ, довѣреннымъ тоже не подходитъ, потому что нельзя же довѣренному, по самому смыслу этого названія, жить на промыслѣ, на которомъ ничего не дѣлается и ничего, кромѣ избы нѣтъ, и караульщикомъ избы

Ягуль.

также, пожалуй, назвать нельзя, такъ какъ онъ чиномъ много повыше этого,—ну, такъ ѣдетъ это неопредѣленное лицо навстрѣчу экспедици нѣкогo Воронова, которая якобы съ машинами, инструментами и всѣмъ прочимъ ѣдетъ на Ухту добывать нефть. Едва мы разѣхались съ этимъ господиномъ и немного отѣхали отъ него, какъ дорогу намъ преградила, видимо только что упавшая послѣ уже проѣзда встрѣчной лодки, вершковъ въ 8 ель; пришлось вырубать въ ней кусокъ и проложить себѣ такимъ образомъ дорогу.

На 15-мъ чѣмкасѣ характеръ рѣки рѣзко измѣняется и она бѣжитъ открытыми полянами съ купами березокъ и изрѣдка приткнувшейся къ нимъ елью, покрытыми травой, а глухой ельникъ и мохъ какъ-то отошли и только изрѣдка приближаются съ одного берега; по березовымъ зарослямъ поютъ птицы, которыхъ совершенно не слышно въ глухомъ лѣсу. Тутъ среди болота, сплошь покрытаго остроконечными кочками, въ Вукву впадаетъ рѣчка Бадъ-юль съ праваго берега и недалеко съ лѣваго Кременечъ-юль, и ширина Вуквы, у которой сразу отнимается столько воды, отсюда уже не болѣе 8—10 шаговъ, а сама она становится совершенно болотной рѣчкой, извиноююя среди сквернаго кочковатаго болота; между кочками жидкая грязь, подальше отъ берега, впрочемъ, видны мѣста повыше и посуше, а когда мы, не дойдя 2-хъ чѣмкасовъ до волоку, принуждены были остановиться на ночевку и, выйдя на берегъ, отошли отъ рѣки въ сторону, то тамъ оказался прекрасный сухой боръ съ бѣлымъ мохомъ на высокому песчаному мѣстѣ, съ громадной высоты рѣдкими лиственницами.

Тутъ на рѣчкѣ мы нашли записку ушедшихъ пѣшкомъ, они здѣсь перешли ее и отправились дальше тропой на волокъ, до котораго отсюда остается 6 верствъ. На мѣстѣ нашей остановки въ Вукву впадаетъ маленькй болотный ручей Ягмусеръ-юль и еще убавляетъ воды, а уже и такъ намъ приходилось въ нѣсколькихъ мѣстахъ тащить лодки по дну волокомъ. Къ ночи сильно морозитъ и мы едва-едва досидѣли, пока готовился ужинъ, и поскорѣе забрались подъ шубы, а на утро, только что солнце выглянуло, какъ и стало припекать и сгонять ночной туманъ, струями утекающй по водѣ отъ его лучей въ тѣнь.

Отъ впаденя послѣдняго ручья, Вуква мѣняетъ свое название на название чисто русское, не совсѣмъ удобное для напечатаня, по какой-то странной случайности приобрѣтшее себѣ право на существованіе среди всѣхъ другихъ чисто зырянскихъ кличекъ, и становится она просто сквернымъ болотнымъ ручьемъ шириною аршина въ 4, извиноююся по сплошному, грязному, жидкому кочкарнику, заросшему ивовыми кустами и тальникомъ. Попробоваль слѣдить за ея извиноюями и по приблизительному измѣренію насчиталь на 100 саженьяхъ десять изворотовъ въ разныя стороны; наконецъ послѣдній изворотъ и лодки съ энергией высаживаются рабочими на берегъ; отсюда 6 верствъ до Ухты—водораздѣлъ между бассейнами Сѣверной Двины и Печоры.

Вукъ-ва на 8 чѣмкаѣ отъ устья.

Насъ уже ждали, такъ какъ пришедшие еще вчера члены нашей экскурси распорядились, чтобы все по возможности было готово къ скорѣйшей переправѣ нашихъ лодокъ черезъ это шестиверстное пространство; на берегу уже были приведены лошади, запряженные въ особаго устройства длинные экипажи, приспособленные именно къ перевозкѣ лодокъ, часть которыхъ разгружаютъ и вещи отправляютъ на отдѣльной подводѣ. Мы всѣ отправляемся пѣшкомъ и не раскаиваемся, такъ какъ дорога превосходная, идетъ гористымъ сухимъ мѣстомъ, покрытымъ лѣсомъ опять же съ бѣлымъ мохомъ,

Перевозка лодокъ на перевалокъ

пересѣкая въ одномъ мѣстѣ болото по хорошо устроенному мосту; черезъ 6 верстъ выходимъ на довольно высокій открытый берегъ рѣки Ухты, главной цѣли нашей поѣздки. Послѣ Вуквы съ ея продолженіемъ, она кажется очень широкой, да и на самомъ дѣлѣ она довольно широка, быстра, но мелка; сверкая и искрясь на яркомъ солнцѣ, бѣжитъ она среди довольно высокихъ, заросшихъ сплошь лѣсомъ береговъ,

образуя какъ разъ противъ выхода дороги изъ лѣса островъ, сплошь состоящій изъ мелкихъ камней.

Поселокъ на перевалокѣ на Ухтѣ.

По склону берега раскинулся поселокъ изъ трехъ домовъ, въ которыхъ и живутъ 3 брата зырянина, существующіе главнымъ образомъ перевозкою лодокъ черезъ волокъ, а какъ побочное занятіе (въ смыслѣ заработка), они служатъ казенными лѣсниками.

Держать они 12 лошадей, на обязанности которыхъ и лежитъ перевозка лодокъ, 14 коровъ, 50 овецъ; тщетно стараются сѣять хлѣбъ; озимовые посѣвы мы видѣли еще по дорогѣ, немного въ сторонѣ, и

Моделъня на перевалѣ

по стѣнамъ нѣскольکو иконъ, а передъ ними висятъ подсвѣчники съ толстыми свѣчами по срединѣ и мелкими по бокамъ, нѣчто въ родѣ иконостаса. Здѣсь, откуда до ближайшей церкви зимой 120 верстъ, а лѣтомъ и всѣ 150, потребность имѣть свое мѣсто, гдѣ бы можно было помолиться, выразилась въ устройствѣ такой мо-
лельни, но мы и вездѣ наблюдали въ деревняхъ зырянъ склонность непре-
мѣнно заводить свои де-
ревенскія мѣста для мо-
литвы, т. е. часовни, даже
въ такихъ деревняхъ, у
которыхъ подъ бокомъ
село. Вообще надо ска-
зать, что зыряне, по этимъ
внѣшнимъ признакамъ,
народъ очень религіоз-
ный; не только во всякой
деревнѣ можно встрѣтить
часовню, но почти у каж-
дой керки, у каждого мѣ-
ста, гдѣ принято остана-

я даже полюбобытство-
валъ поглядѣть какова
здѣсь рожь родится и
сходилъ къ нимъ съ до-
роги; на мой взглядъ,
всходы были очень пло-
хи, да и, по рассказамъ
здѣшнихъ хозяевъ, рожь
родится плохо, собирать
урожаи приходится не
часто, такъ какъ очень
нерѣдко всѣ всходы по-
гибаютъ отъ ночныхъ
морозовъ, но, несмотря
на такія неудачи, они
все-таки сѣютъ, надѣясь
на счастливый случай.

Въ поселкѣ своя
моделъня — просто ка-
кой-то сарай, въ кото-
ромъ внутри повѣшены

Внутренность зырянской моелельни.

вливаться для отдыха, всегда торчитъ крестъ аршина въ 3 высотой; живущій часто въ одиночку въ лѣсу зырянинъ любитъ себя ограждать крестомъ отъ темныхъ, таинственныхъ силъ мрачной глубины здѣшнихъ лѣсовъ.

Земля подъ поселене отведена этимъ тремъ братьямъ казною, и живутъ они здѣсь, повидимому, припѣваючи, обдирая безъ милосердія тѣхъ, кому приходится, хочешь не хочешь, пользоваться ихъ услугами; это намъ пришлось испытать и на себѣ; ободрали они и за ночлегъ тѣхъ, кто пришелъ тропой наканунѣ, ободрали и экспедицію, взявъ за перевозку каждой лодки за 6 верстъ по 4 рубля, и то послѣ долгой торговли, а запросили они за всѣ 8 лодокъ 50 рублей.

Служать они лѣсниками такихъ обходовъ, что, пожалуй, и ходить - то въ нихъ не стоитъ, все равно не обойдешь; это тутъ-то лѣсникъ докладывалъ И. М. Шемигонову съ самымъ равнодушнымъ видомъ, что у него въ обходѣ 278 тысячъ десятинъ 700 квадр. сажень; вѣроятно, и въ голову ему никогда не приходило, что

Зырянскіи дѣдъ съ внучатлами

его обходъ равняется хорошенькому государству. Одинъ изъ нихъ оленеводъ, что обозначается прикрѣпленною къ князьку крыши парой оленьихъ роговъ,—это значитъ, что онъ имѣетъ стадо оленей, которыхъ пасутъ пастухи-самоѣды обыкновенно на тѣхъ условіяхъ, что они получаютъ жалованье и процентъ съ прироста стада; зимой они пригоняютъ стадо къ хозяину, который провѣряетъ количество головъ и величину прироста и рассчитывается съ пастухомъ; вознагражденіе, понятно, самоѣду полагается самое мизерное, такъ какъ дикій самоѣдъ страшно эксплуатируется полудикимъ зыряниномъ во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ, гдѣ условія жизни сталкиваютъ этихъ двухъ жителей здѣшнихъ мѣстъ.

На переволокъ нашихъ лодокъ ушелъ почти весь день, чѣмъ мы и воспользовались и въ компании съ И. М. Шемигоновымъ и Н. А. Волковымъ отправились немного поизслѣдовать высшую точку водораздѣла. Прошли мы прежде всего на видѣнные нами еще по дорогѣ озими и посмотрѣли ихъ: несмотря на 28 мая, онѣ были высотой не болѣе вершка, рѣдки и тощи и были болѣе похожи на плохой начинающій только что проростать лужокъ, чѣмъ на озимовое поле. По дорогѣ посчитали годы сосны длиною въ 16 аршинъ, шириною въ 5 вершковъ,

оказалось 192 года, другой въ $4\frac{3}{4}$ вершка оказалось 142 года; и состояние озимей, и такіе почтенные года сосенъ при столь малой ихъ солидности, безъ сомнѣнія, служатъ яснымъ показателемъ крайней суровости здѣшняго климата, едва ли позволяющей надѣяться на возможность здѣсь какой-нибудь сельскохозяйственной культуры. На самой высшей точкѣ перевала И. М. Шемигоновымъ и мною собрано довольно много интересныхъ ископаемыхъ. Мѣстность, сколько мы ни ходили, вездѣ одна: песокъ, на немъ сухой мохъ очень разнообразныхъ видовъ и тощій сосновый лѣсокъ; болотъ намъ не попалось, но, конечно, это не значитъ, что ихъ здѣсь нѣтъ.

Наконецъ, къ вечеру лодки наши были всѣ перевезены, и мы, не откладывая, поскорѣе нагрузивъ ихъ своими вещами, отправились внизъ по Ухтѣ, которая отъ самага переволока является очень красивой рѣчкой, быстро бѣгущей между высокихъ береговъ, покрытыхъ мѣщанымъ лѣсомъ изъ ели, березы и лиственницы, а у самой воды засѣла во многихъ мѣстахъ плотной массой еще совершенно голая ива. Берега часто представляютъ песчаные съ промоинами обрывы, иногда очень высокіе, а подножия ихъ состоятъ сплошь изъ мелкаго свѣтлаго, бѣлѣющаго среди надвигающихся сумерокъ, камня, изъ котораго попадаютъ и островки на рѣкѣ, а иногда онъ отходить отъ береговъ въ рѣку въ видѣ полу-

острова; иногда берегъ попадаетъ совсѣмъ низкій и по нему растянется ровное гладкое болото съ чуть начинающей подниматься изъ воды ровной ярко-зеленой щеткой осоки.

Верстахъ въ 8 отъ поселка на Ухтѣ порогъ „Омуль-юла-косъ“, гораздо поменьше Вымскихъ, да и ѣдемъ мы по теченію, такъ что не успѣетъ лодка въѣхать въ пѣнящуюся поверхность рѣчки, какъ страшно быстрое теченіе въ одинъ моментъ выноситъ ее на гладкую поверхность спокойнаго

Порогъ на Ухтѣ

мѣста и она уже скользитъ далеко отъ порога почти безъ всякихъ усилій рабочихъ; все дѣло тутъ въ томъ, чтобы она попала въ проходъ между камнями, разбиваясь о которые, кипитъ вода, и не повернулась бы,

Ухта

пока ее проносить этимъ проходомъ. Впечатлѣніе гораздо болѣе слабое, чѣмъ на Вымскихъ порогахъ.

Съ утра на другой день все стало похоже на весну: тепло, тихо, ясно, глубокое голубое небо; все пронизано насквозь солнечнымъ свѣтомъ; легки вѣтерокъ едва пошевеливаетъ пушистыя лапы елей, вода въ рѣкѣ беззвучно струится, и каждый камешекъ на ея днѣ виденъ и облитъ солнцемъ; птичьи голоса звенятъ по лѣсу. Облитые солнечнымъ свѣтомъ берега то обрывомъ высятся надъ рѣкой, то поднимаются покрытые щетиной лѣса горы, береза чуть зазеленѣла и, гдѣ ея побольше, кажется, что лѣсъкакъ-будтопокрылся

Ухта

какимъ-то зеленымъ пухомъ. Ива пропала, ель, сосна, береза и возвышающаяся надъ всѣми ими лиственница взбѣгаютъ на крутые скаты горъ до самыхъ верхушекъ и тянутся въ даль безъ конца, а подъ ними сухой, шуршащи подъ ногами мохъ, ровнымъ слоемъ застилающій песчаную почву. Иногда

горы немного отступятъ отъ рѣки и оставятъ на берегу низинку, всю заросшую мохнатыми елями, а за ними поднимается сплошь покрытая лиственницею гора. Часто попадаются выходы на берегъ камня, какъ видно съ лодки, известковаго сланца. Ухта въ своемъ теченіи здѣсь перерѣзываетъ Тиманскій хребетъ и имѣетъ характеръ совершенно горной рѣки, со скалами, выходящими на берегахъ, каменистымъ дномъ, поро-

Скалистый берегъ Ухты.

гами и очень высокими горами. Версть за 25 до завода порогъ съ страннымъ названіемъ „Лапша-косъ“, перегораживающій всю рѣку отъ острова у праваго ея берега до лѣваго, и пробѣгать приходится за этимъ островомъ по узкому проходу, по которому вода прямо несется и лодку проноситъ съ такою скоростью, что не успѣешь мигнуть, какъ уже островъ остался назади. Кое-гдѣ въ Ухту впадаютъ небольшія рѣчки и тутъ горы какъ будто чуть раздвигаются и образуютъ

Ухта въ 25 в. отъ завода

узенькую глубокую долину, а версть за 20 до завода съ праваго берега впадаетъ рѣчка Карь-юль и тутъ долина Ухты расширяется и соединяется съ довольно широкой долиной этой рѣчки, а далѣе горы опять надвигаются и заключаютъ рѣку; недалеко отсюда почти подрядъ 3 порога: Карь-юль-косъ, малый Чужмыль-косъ и большой Чужмыль-косъ; послѣдній довольно серьезный, и мы, предвидя, что на обратномъ пути, когда вода спадетъ и камни будутъ торчать изъ нея, и когда намъ при-

дется переходить его не по теченію, а противъ него, вѣроятно, онъ доставитъ намъ сильныя ощущенія, стараемся запомнить тотъ ходъ, гдѣ теперь такъ удачно пронеслись черезъ эту кипящую и ревущую стремнину.

На привалѣ поднимались на горы, на самыя вершины, свѣтлѣвшія своими не заросшими лѣсомъ лужайками, какъ плѣшины, выдѣляющимися на фонѣ покрывающаго горы хвойнаго лѣса; поднимаясь туда, въ одномъ изъ глухихъ овраговъ нашли еще остатки зимняго снѣга, — послѣдніи снѣгъ, который мы видѣли въ нынѣшнемъ году. Это было 29 мая. Съ горъ открываются великолѣпныя виды на долину Ухты, струящейся глубоко внизу подъ ногами; едва бѣлѣютъ приткнувшіяся къ берегу наши лодочки, какъ какія-то букашки копошатся около нихъ люди, а кругомъ облегъ все вѣковой лѣсъ, глухой, ломный, неизвѣданный, и протянулся во всѣ стороны, и ушелъ безпредѣльно въ даль, и пропалъ въ голубомъ туманѣ у самаго горизонта.

Далѣе рѣка начинаетъ мѣнять свой характеръ: горы начинаютъ отходить, берегъ понижается и заросъ березой, осиною, ольхой, и на

1.—Ухта 2.—Ухта въ 33 в отъ завода. 3.—Ухта съ горнаго берега. 4—Гористый берегъ Ухты.

ихъ лиловомъ фонѣ пятнами вкраплена темная зелень елей, а версть за 10 до завода идутъ громадныя сплошныя гари, раскинувшіяся на нѣсколько версть по рѣкѣ то по одному берегу, то по другому, и неизвѣстно насколько вглубь отъ рѣки, по крайней мѣрѣ, насколько глазъ хватаетъ, все идутъ онѣ; вѣроятно, такой лѣсной пожаръ представляетъ грандіозную картину, стоитъ только представить себѣ, какъ громадное пламя съ трескомъ и воемъ, клубясь и рассыпая искры, перебрасывалось черезъ рѣку съ берега на берегъ.

Выходъ нефти на р. Ухтѣ.

За 7 версть до завода, у впадения въ Ухту съ лѣваго берега рѣчки Гердь-юль, мы увидѣли на Ухтѣ первыя нефтяныя пятна, стоящія на одномъ мѣстѣ, и отъ нихъ тонкая пленка нефти, играя разными красками, плыветъ внизъ по рѣкѣ; ясно, что нефть выходитъ на днѣ рѣки и каплями под-

нимается на ея поверхность. Эта первая увидѣнная нами нефть обрадовала насъ ужасно, какъ будто мы и не надѣялись на самомъ дѣлѣ ее увидѣть; мы такъ много о ней слышали, читали, говорили, конечно были убѣждены въ ея существовании, но все-таки увидѣть ее собственными глазами было для насъ весьма интересно и какъ-будто теперь мы уже безъ всякихъ сомнѣній увѣрились въ ея существовании. Потомъ мы столько ее видѣли, что стали относиться ко вся-

Выходъ нефти на Ухтѣ.

кому выходу ея совершенно равнодушно. Версты за 4—5 до завода мы увидѣли на берегу черную блестящую трубу и около нея какую-то черную лужу; конечно, мы по новости сейчасъ же причалили и занялись подробнымъ осмотромъ этого выхода; видимо, кто-то бурилъ здѣсь, опустилъ трубу и, добурясь хотя и очень неглубоко до нефти, забилъ трубу пробкой и оставилъ такъ все свое начинаніе до лучшихъ вре-

мень. Нефть сочится черезъ пробку, на которой отъ внутренняго давления все время вздуваются черные пузыри; просачивающаяся нефть стекаетъ по трубѣ, отчего та и блеститъ такъ на солнцѣ, и образуетъ около нея лужу, изъ которой прососала ходъ

Выходъ нефти на Ухтѣ.

и тоненькой струйкой медленно сбѣгаетъ въ рѣчку; у трубы сильно пахнетъ керосиномъ. Желая хорошенько изслѣдовать, мы раскупориваемъ трубу и оттуда вытекаетъ соленая вода со струями по ней нефти. Вода побѣжала довольно сильно и ручейкомъ стала сбѣгать

въ рѣчку, а по ней все время то тоненькими струйками, то сплошными жирными черными пятнами плыветъ нефть. Опущенный въ трубу лотъ показалъ глубину въ 14 саж., діаметръ трубы 4 дюйма. Пробовали мы и жечь нефть, и она горѣла у насъ, треща, коптя и испуская характерный смрадъ горящаго керосина.

Выходъ нефти на Ухтѣ.

Не успѣли мы отъѣхать отъ этой трубы и версты, какъ на берегу опять видна труба, забитая пробкой, со стоящей кругомъ нея черной лужей, а немного далѣе въ рѣку вливается цѣлый нефтяной ручей отъ стоящей подалеже отъ берега трубы, а тамъ выходятъ у самаго берега газы изъ воды, постоянно поднимаясь со дна, загорающіеся отъ подставленной зажженной спички. Заявочные столбы, попадавшіеся намъ и ранѣе, здѣсь попадаютъ весьма часто.

Проѣхали еще мимо одной трубы и, наконецъ, къ вечеру уже подъѣзжаемъ къ Сидоровской избѣ; на высококомъ правомъ берегу видны нѣсколько строени довольно большого размѣра, а немного подалѣе виденъ пониже небольшой домикъ—казенная изба для остановки лѣсныхъ чиновъ. Верстахъ въ полутора или двухъ изъ-за лѣса видна вышка

Вышка нефти на Ухтѣ

ка на промыслѣ Гансберга, уже бурящаго на лѣвомъ берегу; кругомъ Сидоровской избы видна старая выгарь. Къ самой водѣ сверху сдѣлана въ песчаномъ откосѣ лѣстница съ набитыми досками въ видѣ ступенекъ, съ перилами, но песокъ во многихъ мѣстахъ сильно осыпается и засыпаетъ ступеньки; приставъ къ берегу, съ трудомъ под-

нимаемся мы по этой лѣстницѣ кверху и выходимъ на совершенно ровную площадь, покрытую остатками стараго горѣлаго лѣса и сухимъ красноватымъ мхомъ, и раскидываемъ на ней недалеко отъ избы свой лагерь; рѣдко кое-гдѣ видны на этой площади зеленыя сосны; у самаго края довольно высокаго обрыва стоятъ другъ за другомъ двѣ довольно большихъ избы,—передняя, въ которой живутъ, и задняя, пустая, какъ видно, бывшая казарма для рабочихъ, съ многозначительной латинскою надписью надъ входомъ: „In magnis et voluisse sat est“, т. е. въ великихъ дѣлахъ достаточно и одного настойчиваго желанія. Неизвѣстный авторъ написалъ это изрѣченіе здѣсь, на Ухтѣ, на нефтяномъ промыслѣ, и, конечно, болѣе неудачнаго мѣста для такой надписи, я думаю, нигдѣ найти нельзя; вся исторія нефтянаго дѣла на Ухтѣ именно доказываетъ совершенно противоположное; она именно служитъ доказательствомъ, что одного горячаго желанія въ такомъ дѣлѣ, какъ разработка ухтинской нефти, недостаточно, что, несмотря ни на какія жертвы, принесенныя людьми съ горячимъ желаніемъ сдѣлать здѣсь что-нибудь, они не могли сдѣлать ничего, что здѣсь, кромѣ желанія, надо еще что-то такое,

Видъ на Ухту съ бреговата гора.

что поважнѣе самаго горячаго желанія. Вся исторія ухтинской нефти есть исторія гибели частной предприимчивости въ борьбѣ съ этимъ именно чѣмъ-то.

Ухтинская нефть была извѣстна еще во времена Петра Великаго, а въ 1745 году московскіе купцы Набатовы добывали ея до 4.000 пуд. въ годъ и получали изъ нея перегонкою до 1.000 пудовъ освѣтительнаго масла, которое сбывалось даже и за границу. Со смертію Набатова дѣло это прекратилось до 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда вздумалъ добывать на Ухтѣ нефть Сидоровъ. Вотъ исторія его попытокъ развить нефтяное дѣло на сѣверѣ и служить лучшимъ доказательствомъ, что для латинской надписи, начертанной на Сидоровской казармѣ, именно это-то мѣсто и есть самое неподходящее. Всѣ его злоключенія описаны имъ самимъ въ его книгѣ „Сѣверъ Россіи“ и вотъ каковы: въ 1864 году онъ, произведя развѣдки нефтеносныхъ мѣсторожденій, подалъ установленныя закономъ заявки вмѣстѣ съ просьбой объ отводѣ ему заявленныхъ площадей для разработки нефти въ Архангельскую Казенную Палату. На означенное прошеніе Казенная Палата 2-го ноября 1866 года отказала Сидорову, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что относительно разработки нефти никакихъ законоположеній и правилъ въ горномъ уставѣ не существуетъ, а потому и никакой разработки не можетъ быть разрѣшено до утверженія новаго устава, а также и поставленные имъ знаки въ мѣстахъ залежей нефти, указанные въ прошеніи, не должны имѣть никакого значенія. Если же онъ не можетъ ожидать изданія новаго горнаго устава, то предоставляется ему право обратиться съ означенной просьбой въ Министерство Финансовъ. Сидоровъ, конечно, не былъ удовлетворенъ этимъ и, желая достигнуть намѣченной себѣ цѣли, обратился съ просьбой въ Петербургъ, гдѣ, дѣйствительно, обратили вниманіе на его просьбу и въ мартѣ 1867 года дозволили ему получить отводы нефтеносныхъ площадей. Однако, дѣло Сидорова и тутъ потерпѣло неудачу такъ какъ, когда онъ выписалъ изъ Швеціи горнаго мастера и опытныхъ рабочихъ и послалъ партію ихъ на Ухту для развѣдокъ и производства работъ, то Архангельское губернское начальство не дозволило имъ приступать къ работамъ, основываясь на томъ, что для изслѣдованія нефти оно само посылаетъ туда особую специальную комиссію. Сидоровъ и тутъ не упалъ духомъ и вновь обратился объ устраненіи этихъ препятствій. Министерство, видимо, убѣжденное доводами Сидорова, вновь предоставило ему право производить развѣдки, но на площади уже только въ одну квадратную версту, и сообщило объ этомъ мѣстному губернатору. Послѣдній, какъ говоритъ Сидоровъ, вновь придумалъ поводъ къ подавленію этого дѣла и обратился въ Петербургъ съ настойчивой просьбой объ отказѣ ему, доказывая, что Сидоровъ чловѣкъ неблагонадежный, а между тѣмъ Сидоровъ въ это время уже успѣлъ приобрѣсти себѣ громкую извѣстность своею энергіей въ изслѣ-

довани Сѣвера и состояя членомъ Архангельскаго Статистическаго Комитета. Послѣ этого Сидоровъ лично поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и добился распоряженія объ отводѣ ему участка въ одну квадр. версту.

Но всѣмъ злоключеніямъ Сидорова все еще не конецъ: въ маѣ 1868 года онъ снова обращается въ Министерство съ указаніемъ, что онъ встрѣтилъ новое препятствіе, а именно: будто бы изъ распоряженія Министра губернское начальство усмотрѣло, что предоставлено ему отвести то именно мѣсто, которое находится въ 40 верстахъ отъ села Усть-Ухты, т. е. гдѣ эти 40 верстъ по измѣренію цѣпью придутся, причемъ далѣе этого отнюдь нельзя выйти ни на одинъ шагъ, между тѣмъ тотъ источникъ, который былъ Сидоровымъ заявленъ, оставался бы внѣ предѣловъ назначенной ему къ отводу площади. Мѣстная администрація обязала Сидорова взять такой отводъ въ одну квадратную версту, хотя бы тамъ оказались скалы и горы, исключаящая всякую возможность производить бурение и устроить какое-либо нефтяное промышленное производство. На это указаніе Сидорова вновь послѣдовало отъ Министерства распоряженіе объ отводѣ ему площади въ одну версту, причемъ форма ея должна быть сообразована съ требованиями предпринимателя и одновременно съ этимъ было приступлено къ заключенію съ Сидоровымъ аренднаго договора, на что потребовалось два года и три мѣсяца (съ 31 мая 1868 по 5 сентября 1870 г.). Итакъ, послѣ 6 лѣтъ хлопотъ, наконецъ, Сидоровъ получилъ право на разработку нефти, но пока хлопоты эти продолжались, выписанные имъ изъ Швеции мастера уже успѣли уѣхать, взыскавъ съ него протори и убытки; Сидоровъ все-таки началъ бурение, но, дойдя до глубины въ 24 сажени, буръ у него сломался и вытащить его изъ скважины не могли; пока собирались его вытаскивать, Сидоровъ умеръ и дѣло его заглохло; заявки были переуступлены наслѣдниками Сидорова вторымъ лицамъ *). Это ли еще не прекрасное доказательство того, что одного, хотя бы и самага энергичнаго, желанія—недостаточно.

Послѣ Сидорова, какъ извѣстно, хлопоталъ по ухтинской нефти Галинъ, а въ 90-хъ годахъ районъ по Ухтѣ былъ признанъ завѣдомо нефтеноснымъ и предоставленъ для развѣдокъ и разработки компании Канкринъ; эта компания похоронила дѣло глубоко и надолго, уплачивая въ казну аккуратно арендныя деньги и ровно ничего не дѣлая ни по изысканію, ни по разработкѣ нефти. Только теперь районъ этотъ сдѣланъ свободнымъ для частныхъ предпринимателей, которые и потекли туда широкимъ потокомъ, какъ то показываетъ количество сдѣланныхъ заявокъ.

Возвращаясь къ описанію Сидоровскаго завода. При этихъ двухъ указанныхъ выше довольно большихъ зданіяхъ есть еще нѣсколько

*) Докладъ инженера Петрова о результатахъ поѣздки на Ухтинскія нефтяныя мѣсторожденія Печорскаго края.

Сидоровская изба

маленькихъ, какіе-то хлѣвушки, баня и т. п. Живущіи здѣсь г. Альбертини держитъ корову и дѣлаетъ попытки развести огородъ, пока тщетныя; мы видѣли уже третьи всходы картофеля, а первые два погибли убитые морозомъ; вѣроятно, и третьи ожидаетъ та же участь; пока мы были здѣсь, ночные морозы еще не убили ихъ, но увѣренности въ томъ, что ихъ не убили и слѣдующе, заставше насъ уже на обратномъ пути, имѣть нельзя. Кругомъ этого поселка, производящаго на насъ послѣ 320 верстъ ѣзды по совершеннѣйшей пустынѣ радостное впечатлѣніе, страшно унылое мѣсто—сплошная старая выгарь, покрытая и упавшими и стоящими еще, сгнившими, гниющими и имѣющими еще гнить остатками горѣлаго лѣса. Обгорѣлыя стволы деревьевъ гдѣ высятся еще печальные и сухіе, гдѣ уже упали и сучья ихъ торчатъ кверху, въ видѣ какой-то сѣтки, вездѣ ломъ. Песчаная почва покрыта разнообразными породами сухихъ мховъ: гдѣ красный, гдѣ бѣлый шуршащій подъ ногами, гдѣ проглядываетъ и чистый бѣлый песокъ; ни одной травинки, кромѣ пышно разросшихся стелющихся по землѣ кустовъ толокнянки (*herba uvae ursi*), которые одни только и радуютъ глазъ зеленымъ цвѣтомъ. Бесплодная, обнаженная пустыня, сплошь покрытая ломомъ, а чуть гдѣ замѣтно посвѣжѣе и позеленѣе—оказывается болото. За этой громадной площадью вдаль виденъ тощій сосновый лѣсокъ.

Лагерь у Сидоровской избы

Намъ порядочно пришлось побродить по этой безотрадной, голой мѣстности, когда мы осматривали потомъ протекающія здѣсь и впадающія недалеко другъ отъ друга въ Ухту двѣ рѣчки Непь-юль и Джунь-юль, или, какъ ее почему-то зовутъ по-русски, Половинь-юль, и находящуюся отсюда въ нѣсколькихъ верстахъ довольно большую рѣчку Ярегу; всѣ эти три рѣчки знамениты тѣмъ, что на нихъ встрѣчается очень много выходовъ нефти, которые намъ и хотѣлось провѣрить самимъ.

Джунь-юль течетъ сплошь въ страшномъ лому, изъ-за котораго берега ея, можно сказать, совершенно непроходимы, и намъ стоило не

Р Непь-юль.

кая черная лужица опять образовывалась и сплывала въ рѣчку. Дно рѣчки каменистое, лѣвый берегъ песчаный, а подалеже отъ него сухой мохъ и ужасный вѣковой ломъ; съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ здѣсь существуетъ лѣсъ, деревья валились и сгнивали, на нихъ валились слѣдующия и т. д., и

сколько вѣковъ это происходило — одному Богу извѣстно; правый берегъ суглинистый и значительно повыше, отъ самой рѣчки такой же ломъ, какъ и на лѣвомъ, а по мѣрѣ подъема — лѣсъ становится почище и непроходимѣе; почва покрыта мхомъ, но уже не сухимъ, а тѣмъ пушистымъ, бархатнымъ, въ которомъ тонетъ при ходьбѣ нога и подъ которымъ всегда сохраняется сырость; почва, по нѣкоторымъ даннымъ, богатая и И. М.

малыхъ усилий пробираться къ ней въ нѣсколькихъ мѣстахъ черезъ этотъ ломъ, а большею частью мы были принуждены, слѣдуя ея течению, идти порядочно отступивъ отъ нея, но и въ этихъ немногихъ мѣстахъ, гдѣ возможно было подойти къ самой водѣ, мы наткнулись въ одномъ мѣстѣ на капли нефти, поднимающіяся со дна, а въ другомъ на выступающую нефть на песчаномъ сыромъ берегу; мы ее пробовали смывать, и черезъ нѣсколько минутъ малень-

Р Джюнъ-юль (Половинъ-юль).

Джонс-толь

Шемигоновъ беретъ съ собою пробу для почвеннаго анализа. Въ одной изъ низинъ, гдѣ попадаются деревья потолще и покрупнѣе, видѣли сосну, сломанную бурей, длиною 14 ар., шириною въ комлѣ 5 вер., 130-ти лѣтъ, да нарочно срубили другую посмтрѣть годы и сопоставить ихъ съ ея величиной; оказалось 17 ар. длины, 6¹/₄ верш. ширины, 181 годъ. Опять несомнѣнное доказательство страшно суроваго климата.

Непь-юль по характеру своему значительно отличается отъ Джюнь-юля; онъ страшно извивается по глубокому оврагу, прорѣзанному имъ на этой песчаной равнинѣ, и течение его всюду сопровождается топкими кочковатыми болотами, очень часто сплошь заросшими кустовой березой, а поближе къ водѣ щетинятся какія-то неправильныя мохнатыя искривленныя ели; и овраги, по которымъ пробирается Непь-юль, и все огромное плато, по которому прорѣзались эти овраги, покрыты остатками горѣлаго когда-то лѣса, и если уже по Джюнь-юлю ломъ страшный, то по Непь-юлю, можно сказать, ломъ уже прямо невообразимый: тутъ прямо образовалась какая-то паутина изъ старыхъ обгорѣлыхъ стволовъ и сучьевъ, перепутавшихся между собою на всякіе манеры и иногда до такой степени ловко, что пройти въ этихъ мѣстахъ сквозь подобную паутину прямо невозможно. Почва тутъ совершенно бесплодная, чистый песокъ, дающій пищу только какимъ-то тощимъ мхамъ и кое-гдѣ опять той же, должно-быть очень нетребовательной толокнянкѣ; песокъ во многихъ мѣстахъ ничѣмъ не прикрытъ и ярко бѣлѣетъ на солнцѣ, въ особенности тамъ, гдѣ онъ обнажается на склонахъ овраговъ и солнечные лучи ударяютъ на него въ упоръ.

Непь-юль впадаетъ въ Ухту у самой Сидоровской избы и у устья его замѣтны бываютъ плывущія по нему, хотя и не сплошь, нефтяныя пятна, но намъ выходовъ нефти на немъ найти не пришлось, главную причину чему, вѣроятно, была малая доступность его береговъ; подходили мы къ самой рѣчкѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и переходили ее не однажды, но ни разу не пришлось напасть на выходъ нефти, а идти все время берегомъ прямо невозможно. На всей печальной и унылой площади этой гари, песка и тощаго мха очень нерѣдко попадаютъ и заявочные и уже отводные столбы. Вѣроятно, большинство дѣлающихъ заявки рассчитываетъ на возможность спекуляци ими и только немногіе имѣютъ намѣреніе самимъ разработывать нефть; для этого требуются очень большіе капиталы, но, кажется, они имѣются только у немногихъ изъ дѣлавшихъ заявки, а заявокъ сдѣлано не мало: въ Архангельской губернии 83 и въ Вологодской болѣе 300; такова цифра заявокъ была въ то время, когда экспедиція наша отправлялась въ путешествіе.

Глава VIII.

Выдача заявочныхъ свидѣтельствъ, геологическое строение района, промыселъ Гансберга, анализы нефти и условія ея вывоза.

Всякіи желающіи заняться добываніемъ нефти прежде всего отыскиваетъ такое мѣсто, гдѣ, по его мнѣнію или по какимъ-либо даннымъ, есть надежда получить нефть. Отыскавъ такое мѣсто, онъ отмѣчаетъ его постановкой столба, рассчитывая, чтобы площадь, ограниченная четырьмя сторонами перпендикулярными къ четыремъ линиямъ проведеннымъ отъ столба по главнымъ румбамъ на разстояніе 150 саж. въ каждую сторону, не покрыла собою сосѣднихъ заявленныхъ такихъ же площадей. Ограниченное такимъ образомъ пространство представляетъ собою квадратъ со сторонами въ 300 саж. и, слѣдовательно, площадь этого квадрата равняется 37,5 десятинъ. Подъ столбъ, во избѣжаніе могущихъ быть попытокъ занять заявленную уже площадь, закапываютъ въ глубокую яму какой-нибудь неуничтожаемый знакъ, напр. желѣзную доску съ буквами, бутылку съ запиской и т. п., по которымъ можетъ быть впоследствии удостовѣренъ истинный хозяинъ заявки. Обозначивъ такимъ образомъ желаемое мѣсто, предприниматель подаетъ въ Вологодское управление земледѣлія и государственныхъ имуществъ заявленіе о зачисленіи за нимъ намѣченнаго мѣста, при чемъ обязанъ точнѣйшимъ образомъ обозначить положеше поставленнаго имъ столба, указывая его разстояніе и направление отъ двухъ какихъ-либо естественныхъ урочищъ, напр. слиянія двухъ рѣчекъ, какого-нибудь носящаго извѣстное названіе холма, пересѣченія дорогъ и т. п., но ни въ какомъ случаѣ не отъ сосѣднихъ заявочныхъ знаковъ. Послѣ этого управление земледѣлія и государственныхъ имуществъ наноситъ заявленную площадь на карту и, если новая заявка не покрываетъ сдѣланныхъ уже ранѣе, выдаетъ разрѣшительное свидѣтельство за плату по 1 р. за десятину, т. е. за всю площадь 37 р. 50 к. въ годъ. Теперь предприниматель имѣетъ право на всей этой площади производить изысканія, т. е. пробовать бурить въ разныхъ мѣстахъ, пока не

Впадение р. Непб-Юль в р. Ухту.

окажется нефть; когда будетъ найдено подходящее мѣсто, подается заявлеше уже объ отводѣ и тогда командированный на мѣсто землемѣръ нарѣзаетъ изъ всей заявленной площади отводъ по указанію и желанію предпринимателя, но не болѣе 10 десятинъ; этотъ отводъ предприниматель уже можетъ эксплуатировать, уплачивая за все время эксплуатации арендную плату по 1 р. съ десятины въ годъ и оплачивая добываемую нефть акцизомъ. Вотъ порядокъ, какимъ дѣлаются заявки и отводятся отводы.

На промыслѣ мы встрѣтили какого-то землемѣра, который отъ Архангельскаго управления государственныхъ имуществъ дѣлалъ отводы по заявкамъ; у него мы видѣли карту, руководствуясь которой онъ дѣлаетъ отводы, и тутъ мы натолкнулись на совершенно необъяснимое явление: его карта Архангельской губернии сдѣлана въ томъ же масштабѣ какъ и имѣвшаяся у И. М. Шемигонова карта Вологодской губернии и на картѣ со всѣми румбами и протяжениями подробно нанесена губернская граница, хотя и не существующая въ натурѣ; и на его картѣ и на нашей чертежъ границы тождественъ и разница въ картахъ только та, что у него зарисована Архангельская губернія, а Вологодская оставлена бѣлой, а у насъ наоборотъ. И вотъ, руководствуясь своей картой, Архангельское управление выдаетъ свидѣтельства на заявки завѣдомо въ Вологодской губернии и наноситъ ихъ на карту на той самой части ея, которая у нихъ не закрашена и на которой крупными буквами написано: „Вологодская губернія“. Результатъ, конечно, ясенъ: архангельское управление выдаетъ свидѣтельства на заявки на территории Вологодской губернии, вологодское управление и по праву выдаетъ свидѣтельства на своей территории и, слѣдовательно, на одни и тѣ же мѣста выдаются свидѣтельства разнымъ лицамъ. Когда мы сложили карты нашу и архангельскую, объ съ нанесенными на нихъ заявками, на которыя выданы свидѣтельства, то воочию и убѣдились, что заявки архангельскаго управления и заявки вологодскаго управления во многихъ случаяхъ другъ друга покрываютъ. Положение такое, изъ котораго и выходъ теперь найти едва ли возможно. Чѣмъ объясняется подобное явлеше, сказать трудно, но чувствуется, что тутъ есть какая-то связь съ тѣмъ, что границы между губерніями въ натурѣ нѣтъ и, вѣроятно, какъ можно скорѣйшее установление ея помощью особой экспедиціи, которая инструментально нанесла бы границу въ здѣшнихъ лѣсахъ, значительно уменьшило бы шансы на возможность продолженія подобныхъ явленій въ будущемъ, хотя, вѣроятно, отсутствие границы въ натурѣ не есть главная причина этого недоразумѣнія, которое для насъ всѣхъ такъ и осталось совершенно необъяснимымъ. Впослѣдствіи мы даже видѣли выданныя архангельскимъ управленіемъ свидѣтельства на заявки по Непь-юлю, Джюнь-юлю и Ярегѣ, когда всѣ эти три рѣчки несомнѣнно находятся въ предѣлахъ Вологодской губернии.

Тамъ же на промыслахъ мы застали еще какого-то господина, который прїѣхалъ туда незадолго до насъ съ порученіемъ отъ частныхъ лицъ поставить столбы и сдѣлать заявки; онъ почему-то держалъ въ секретѣ и фамили тѣхъ, по чьимъ порученіямъ онъ прїѣхалъ, и количество заявокъ, какое онъ долженъ былъ сдѣлать, но, кажется, довольно вѣрно, что онъ долженъ былъ сдѣлать около 50 заявокъ.

Рѣка Ярега находится въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Непь-юля и Джюнь-юля къ востоку и тамъ уже кончаются старыя гари и она течетъ по глухому хвойному лѣсу среди мха, болотъ и опять же страшнаго лома по каменистому руслу между довольно высокихъ береговъ, и по ней также плывутъ играющія радужными цвѣтами тонкія пленки нефти. Вообще плывущей нефти здѣсь и по этимъ рѣчкамъ и по самой Ухтѣ очень много; когда утромъ, бывало, идешь на берегъ Ухты

умываться, то у самага берега безконечно тянется заворачиваясь, расплываясь и играя на солнцѣ радужой полоса нефти, тонкимъ слоемъ покрывающей воду, и всегда приходилось вести борьбу съ этой наплывающей и наплывающей сверху маслянистой пленкой.

Недалеко отъ Сидоровской избы правый берегъ Ухты сильно подмытъ и на обрывѣ, образованномъ этимъ подмывомъ, ясно видны слои отложения, которыя мы, конечно, отправились посмотреть. Внизу обрыва, подъ слоемъ песка выхо-

Нефть, плывущая по Ухтѣ.

дитъ красный мергелистый сланецъ, въ которомъ намъ съ И. М. Шемигоновымъ посчастливилось найти много интересныхъ окаменѣлостей, главнымъ образомъ руководящихъ, позволяющихъ судить по нимъ о возрастѣ отложения.

Въ 1889 году здѣсь была для изслѣдованія Тиманскаго кряжа и его минеральныхъ богатствъ специальная экспедиція подъ руководствомъ извѣстнаго геолога академика Ф. Н. Чернышева, и результатомъ ея работъ была составленная комиссіей карта здѣшняго района съ точнымъ опредѣленіемъ высотъ очень многихъ точекъ и выясненіе геологическаго строения изслѣдованной мѣстности, между прочимъ по рѣкѣ

Р Ярега.

Ухтѣ данъ и точный геологический разрѣзъ, выясняющій послѣдовательность наслоения, причемъ каждый пластъ ихъ охарактеризованъ палеонтологическими данными, строго опредѣляющими возрастъ пласта, его составъ и мѣсто въ ряду наслоения. Разрѣзъ этотъ отъ Волока до Усть-Ижмы, составленный Чернышевымъ, даетъ такую послѣдовательность наслоения, какъ это видно изъ прилагаемаго чертежа.

На западѣ Пермскіе осадки (нижняя красноцвѣтная толща) прикрываютъ верхній каменноугольный известнякъ, который залегаетъ непосредственно на среднемъ девонѣ, а нѣсколько восточнѣе можно отчетливо видѣть какъ горизонтъ со *Spirifer apossofi* вдругъ смѣняется выступающимъ въ русло Ухты доманикомъ. За этимъ сбросомъ доманикъ образуетъ пологую антиклинальную складку, а затѣмъ выше устья рѣки Яреги изъ-подъ доманика показывается подлежащій ему песчано-мергельный горизонтъ, образующій вмѣстѣ съ доманикомъ полную антиклинальную складку. Ниже устья р. Чуты какъ нельзя болѣе ясно усматривается положеніе доманика на одномъ горизонтѣ съ подлежащими ему песчано-мергельными слоями и, слѣдовательно, часть разрѣза АВ представляетъ собою типичный примѣръ опусканія цѣлой площади по двумъ параллельнымъ дизлокационнымъ трещинамъ.

Выше устья рѣки Ухты выступаетъ опять горизонтъ со *Spirifer apossofi*, образующій антиклинальную складку, на крыльяхъ которой располагаются верхне-девонскіе слои, уходящіе восточнѣе устья Ухты подъ мезозойскія отложения.

Такимъ образомъ породы, слагающія нефтяную область на рѣкѣ Ухтѣ, Чернышевъ относитъ къ ярусу девонскихъ отложений и дѣлитъ его на два подъотдѣла: на верхніе пласты, характеризующіеся остатками *Rhynchonella Meyendorfi*, и на нижній песчано-известково-мергелистый горизонтъ, свита пластовъ котораго характеризуется ископаемыми *Spirifer apossofi* и относится къ среднему девону. Выше пластовъ яруса верхняго девона лежатъ мергельные известковистые пласты, прославившіеся съ мощными толщами слюдястыхъ и известковыхъ песчаниковъ, которымъ и подчинены всѣ выходы нефти на рѣкѣ Ухтѣ и его притокахъ *). Доманики являются самой характерной породой всякой нефтеносной мѣстности, а потому есть полное основаніе считать, что они имѣютъ опредѣленную, хотя и невѣдомую для насъ, связь съ источниками нефти, такъ какъ повсюду, гдѣ встрѣчаются источники нефти, по близости всегда встрѣчаются и доманики—предвѣстники вблизи находящихся нефтяныхъ мѣсторожденій. Типичный доманикъ представляетъ собою горючій известково-глинистый сланецъ темно-коричневаго цвѣта, переходящій иногда въ совершенно черную массу; окраска его несомнѣнно зависитъ отъ битуминозныхъ веществъ, проникающихъ его въ большемъ или меньшемъ количествѣ. При вывѣтриваніи и отъ дѣйствія

*) Докладъ горнаго инженера Петрова.

солнца онъ совершенно выцвѣтаетъ и дѣлается свѣтло-сѣрымъ. При трении онъ издаетъ сильный нефтяной запахъ и легко загорается краснымъ коптящимъ пламенемъ. Летучихъ веществъ, освобождающихся при прокаливанш, содержится въ доманикѣ 30—48%.

На осматриваемомъ нами обрывѣ какъ разъ и виденъ выходъ мергельныхъ известковыхъ сланцевъ, характеризуемыхъ окаменѣlostями *Strifer apozosofi*, ихъ-то мы главнымъ образомъ и набрали, но и кромѣ этихъ руководящихъ, набрали много и другихъ окаменѣlostей. Вся эта коллекція, а также и ботаническая, собранная нами въ пути, взяты И. М. Шемигоновымъ и находятся въ образованномъ имъ музеѣ при управленш государственныхъ имуществъ въ Вологдѣ.

Еще ниже по Ухтѣ, верстахъ въ 6 отъ Сидоровской избы, на берегахъ обнажаются и слои доманиковъ. Академикъ Чернышевъ по этимъ выходамъ доманиковъ и опредѣлялъ размѣры здѣшняго нефтеноснаго района, большая часть котораго, по его предположеніямъ, находится въ предѣлахъ Вологодской губернии и только сѣверная его оконечность въ видѣ треугольника вдается въ Архангельскую губернію. Но, кажется, его опредѣленіе очень большой площади нефтеноснаго района все-таки гораздо меньше, чѣмъ это есть на самомъ дѣлѣ. Намъ приходилось слышать отъ зырянъ о существованш нефти въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ея даже не подозрѣваютъ. Напримѣръ, намъ рассказывали зыряне о существованш болота, сплошь состоящаго изъ нефти, по срединѣ котораго нефть выходитъ изъ земли фонтанами до аршина высоты, и указывали даже на мѣстонахождение его въ нѣсколькихъ верстахъ отъ

того мѣста, гдѣ трактъ между Помоздинымъ и Троицко-Печерскимъ пересѣкаетъ узкую уже тамъ и мелкую Вычегду, а это является уже гораздо юго-восточнѣе того района, который считается нефтеноснымъ. Вотъ куда слѣдовало бы отправиться какой-нибудь партш инженеровъ, отыскать это болото и изслѣдовать его.

Посѣтили мы, конечно, и такъ-называемый „Варваринскш“ промыселъ, единственный пока на Ухтѣ, который работаетъ. Тутъ мы застали одного изъ владѣльцевъ, главнаго инициатора, инженера Александра Георгиевича Гансбергъ. Онъ работаетъ въ этой страшной глуши, вдали отъ всего міра, поддерживаемый надеждою уже въ скоромъ времени добиться результатовъ своихъ трудовъ. Ни

Гансбергъ и Баршевъ.

Подмытый берег Ухты у Сидоровской избы.

почтъ тутъ, ни телеграфовъ нѣтъ. Чтобы дошла сюда газета или письмо надо 3 недѣли, да и то получить ихъ можно только при оказии или посылая нарочнаго за 120 верстъ въ село Ижму. Благодаря любезности его и его помощника Юрія Сергѣевича Баршева, молодого человѣка, окончившаго два факультета, юридическій и естественный, мы ознакомились возможно полно и съ промысломъ, и вообще съ нефтянымъ дѣломъ на Ухтѣ. На промыслѣ работаютъ самъ Гансбергъ,

Вышка Гансберга.

Баршевъ и 16 человѣкъ рабочихъ, закинутая Богъ знаетъ въ какую глушь артель, живущая здѣсь общей жизнью, добываясь извѣстной цѣли.

Построена вышка, въ которой собственно и производится буреніе,

Внутренность вышки.
Буреніе.

или, гораздо вѣрнѣе сказать, долбленіе скважины уже не пробной, а промысловой, заложенной 17 дюймовъ въ діаметрѣ; для насъ, никогда не видавшихъ нефтяныхъ промысловъ, обзоръ этой вышки представлялъ собою большой интересъ. Машина въ 14 силъ, питаемая паромъ изъ довольно далеко отстоящаго котельнаго помѣщенія, такъ какъ по закону на нефтяныхъ промыслахъ нельзя ставить никакихъ построекъ, гдѣ бываетъ огонь, ближе извѣстнаго разстоянія къ вышкѣ, даже курить близъ вышки запрещено, посредствомъ особыхъ приспособленій качаетъ коромысло, приподнимающее за цѣпь всю огромную, состоящую изъ трубъ, штангу, на концѣ которой и находится долото, выдалбливающее ходъ въ глубину земли—дорогу для будущей нефти. Самое

долото это, прикрѣпленное къ 28-пудовой тяжести, соединено со штангой помощью особаго приспособления такимъ образомъ, что штанга при опускании внизъ захватываетъ его, приподнимаетъ вверхъ и, когда положение штанги будетъ наивысшее, долото со всею тяжестью срывается и падаетъ внизъ, производя страшный ударъ въ землю. Такимъ образомъ получается, что глухой ударъ слышенъ изъ глубины земли какъ разъ въ то время, когда часть коромысла, къ которой прикрѣплена штанга, и слѣдовательно долото, находится въ наивысшемъ положеніи;

Внутренность вышки
Дистанция инструментовъ

это производитъ странное впечатлѣніе: такъ и кажется, что качающееся коромысло должно бы было помощью этой штанги ударять въ землю, и значить ожидаешь удара каждый разъ, какъ оно опускается, и никакъ не можешь приспособиться къ пониманію, когда глухие удары слышатся какъ бы отъ толчка коромысла во что-то такое вверхъ. Долото за день работы затупляется совершенно, а при работѣ въ камнѣ даже до такой степени, что не остается никакого намека на то, что на немъ было остріе. Выше долота ходить особое приспособленіе, которое помощью перьевъ на пружинахъ все время обравниваетъ пространство, уже пробитое долотомъ, и дѣлаетъ его строго цилиндрическимъ. Когда долото набьетъ достаточно породы, то вся штанга вытаскивается и вмѣсто долота

опускается въ скважину родъ ведра, называемаго „жаронкою“, которое черезъ находящійся снизу клапанъ и забираетъ выработанную породу и вытаскиваетъ ее наверхъ; если же порода очень мягкая, то ее вымываютъ водою, для чего черезъ трубы помощью парового насоса нагнетается внизъ вода, которая, поднимаясь по скважинѣ, уноситъ съ собою и наработанную породу. Рядомъ съ трубой стоитъ паровая лебедка для подъема всего инструмента; при насъ какъ разъ вынимали инструментъ; лебедка, гремя, черезъ блокъ вытаскиваетъ на канатъ кверху свинченныя между собою трубы и, когда конецъ ихъ доходить до самаго верха вышки, вытасченную часть отвинчиваютъ отъ оставшейся еще въ скважинѣ, предварительно закрѣпивъ послѣднюю, чтобы не упала обратно, и отставляютъ въ сторону, затѣмъ канатъ опускается, зацѣпляется за верхъ закрѣпленной части и опять

вытаскиваетъ трубы на величину высоты вышки и т. д. до тѣхъ поръ, пока не покажется и самый инструментъ, т. е. долото съ своимъ приспособленемъ въ 28 пудовъ. Вытащенные трубы, черныя, блестящія, со стекающей съ нихъ нефтью отставляются къ сторонѣ и ихъ образуется цѣлый рядъ. Пахнетъ сильно керосиномъ, и самая труба и вся вышка внутри пропитаны нефтью и даже сами рабочіе пропитались ею, всѣ блестятъ и сверкаютъ на солнцѣ и только бѣлки глазъ рѣзко выдѣляются на ихъ черныхъ лицахъ. Подъ трубой сдѣлано приспособление съ жолобомъ, по которому и стекаетъ проступающая нефть или выливающаяся изъ скважины вода, иногда и горячая. До сихъ поръ пройдено 45 саженъ, изъ которыхъ на 30 саженъ опускались въ скважину трубы, а далѣе пошли такія твердыя породы, что трубы стали излишни и теперь уже 15 саженъ пробиты безъ трубъ. Заложена труба въ 14 дюймовъ внутренняго диаметра, но уже съ глубины 40 саженъ диаметръ уменьшенъ до 12 дюймовъ. Сначала шли легкія породы до 30-саженной глубины, а затѣмъ попался слой кварцеваго песчаника около аршина толщины и послѣ него уже пошли породы твердыя; въ то время, когда мы были на промыслѣ, работа шла почти въ чистомъ кварцѣ.

На прилагаемомъ разрѣзѣ, чрезвычайно аккуратно ведущемся г. Гансбергомъ, видны всѣ породы, которыя пришлось пробить до глубины 45 саженъ. Пространство, проходимое въ извѣстный промежутокъ времени, очень разнообразно: въ среднемъ въ мѣсяцъ идутъ около 5 саженъ, но съ большими колебаніями; особенно удачный мѣсяцъ былъ, когда прошли 8 саженъ, но бываетъ и такъ, что въ день проходятъ менѣе двухъ дюймовъ; это относится къ работѣ въ кварцѣ, который твердъ до того, что долото, проработавъ эти 2 дюйма, теряетъ совершенно всякое подобіе какого-нибудь пробивающаго инструмента и представляетъ собою просто какую-то стальную плиту. Есть способъ подвигаться гораздо быстрѣе въ такихъ твердыхъ породахъ,—это алмазный буръ, берущій совершенно свободно всякой твердости камень, но, къ сожалѣнію, стоимость его очень велика: онъ стоитъ 30.000 руб.

У самой вышки находится 4-хъ дюймовая пробная скважина, глубиною въ 30 саж., периодически фонтанирующая. Къ несчастью точныхъ и подробныхъ наблюденіи надъ ея периодомъ не велось и замѣчено только, что она выбрасываетъ около пуда нефти большею частью въ первую половину дня. При пониженіи барометрическаго давления выбрасыванія эти учащаются и при давленіи въ 740 м/м повторяются почти каждый часъ. Весьма вѣроятно, что точныя наблюденія надъ этой трубой дали бы какія-нибудь данныя для сужденія о глубинѣ залеганія здѣсь нефти и о ея количествѣ. При насъ эта труба разъ фонтанировала: сперва послышался изъ нея какой-то шумъ, затѣмъ сталь вылетать окутанный паромъ столбъ горячей воды, который дѣлался все грязнѣе и грязнѣе, и наконецъ полилась нефть, но все это продолжалось не долго, а потомъ долго еще вода въ трубѣ то опу-

скалась, то поднималась и выдавливала оттуда нефть. Отъ трубы этой проведенъ отводъ въ особый приѣмникъ, куда выбрасываемая нефть и стекаетъ. Какъ видно и на прилагаемомъ разрѣзѣ, скважина пересѣкла уже нѣсколько нефтеносныхъ слоевъ, начиная съ 57 фут. глубины, но получаемая изъ нихъ нефть поверхностная, сильно окисленная, тяжелая и въ такихъ малыхъ количествахъ, что, конечно, для промысловыхъ цѣлей не годится. Взятая съ 30-саженной глубины нефть, которая тоже должна считаться поверхностной, была подвергнута Гансбергомъ химическому анализу и онъ далъ слѣдующіе результаты: удѣльный вѣсъ 0,932, для промышленныхъ цѣлей очень великъ, надо по крайней мѣрѣ 0,890, а лучшая бываетъ до 0,870. Керосину получилось 28%, бензину 3%, среднихъ маселъ съ вѣсомъ въ 0,895—8% и 61% мазута. Изъ него около 22% гудрона и 5% угара, содержание асфальта 23%. Общее содержание парафина 8%.

Экспедиція Чернышева также добывала здѣсь нефть для анализа, но взятые ею образцы были съ меньшей глубины. Анализъ, произведенный профессоромъ Шредеромъ въ лабораторіи горнаго института, далъ такіе результаты, что, несмотря на ея окисленное состояніе, они заслуживаютъ особаго вниманія. Удѣльный вѣсъ оказался въ 0,912. Перегонка была произведена 3 раза, причемъ бралось въ каждый разъ по 150 граммъ. Смотря по скорости гонки до 300° получалось отъ 36 до 45% погона. Нефть закипала при 120°. При перегонкѣ дистиллатъ получался сильно пахнувшій сѣрнистыми соединениями, въ началѣ безцвѣтный, а затѣмъ въ концѣ окрашивался въ желтый цвѣтъ. Дистиллаты эти обрабатывались сѣрной кислотой и щелокомъ, причемъ получались почти безцвѣтныя жидкости съ едва ощутимымъ запахомъ керосина. Удѣльный вѣсъ этого погона выразился въ 0,817. Эти данныя свидѣтельствуютъ, что Ухтинская нефть по своему удѣльному вѣсу и погонамъ ближе всего подходитъ къ нефти Кубанской и Грозненской, погоны же нефти Бакинской имѣютъ удѣльный вѣсъ болѣе на 0,015—0,030.

Около вышки расположилось поодаль нѣсколько зданій, въ которыхъ помѣщается жильѣ всей компани, паровая и кузница,—необходимѣйшая здѣсь часть всего промысла: всякая поломка должна быть исправлена на мѣстѣ, посылать отсюда инструменты для исправленія за дальностью разстояній и полнымъ отсутствіемъ дорогъ совершенно немислимо, а кромѣ того имѣется и одна постоянная работа—это отковка и оттачиваніе сработавшихся за дневную работу долотъ. Благодаря затруднительности отсылки инструментовъ отсюда и доставки сюда, работа здѣсь имѣетъ въ этомъ отношеніи свои трудности, совершенно неизвѣстныя въ другихъ мѣстахъ, гдѣ ничего не стоитъ въ любой моментъ замѣнить износившіяся или испорченныя части новыми и работа опять пошла безъ остановки, а тутъ поневолѣ приходится поставить дѣло такимъ образомъ, чтобы все можно было исправить и

замѣнить своими средствами, иначе возможно, что какая-нибудь поломка, иногда и незначительная, можетъ остановить работу на цѣлые мѣсяцы. Въ паровой поставленъ очень хороший котелъ, питающійся изъ находящагося рядомъ съ ней колодца, вода котораго настолько лишена всякихъ известковыхъ примѣсей, что чистка котла производится разъ въ 6 мѣсяцевъ, и то это является только формой—накипи совершенно не бываетъ.

Кругомъ весь этотъ поселокъ обступилъ не крупный сосновый лѣсокъ съ бѣлымъ мхомъ, насколько можно судить неособенно далеко отойдя отъ промысла, сухой и ровный. Гансбергъ, кромѣ своего прямого дѣла, производитъ еще опыты и по сельскохозяйственной культурѣ, сѣетъ рожь, но пока только въ видѣ пробы, и то до сихъ поръ неудачной, пробовалъ и ячмень, но, кажется, съ тѣми же результатами. Картошка въ удачный годъ даетъ урожай самъ 7 и даже 8, но зато это только при удачѣ, а когда мы были тутъ, то были свидѣтелями какъ картошка сажалась трети разъ, а то все выбивали ночные морозы. Трава на расчищенныхъ мѣстахъ растетъ хорошая и въ изобилии тамъ, гдѣ наносная почва покрываетъ хотя неглубокимъ слоемъ песокъ. Вообще надо сказать, что условія климата въ здѣшнихъ мѣстахъ, пока лѣса здѣсь сплошные, площадь ихъ огромна, болота протянулись на нескончаемыя пространства, настолько круты, что совершенно исключаютъ всякую надежду на возможность здѣсь сельскохозяйственной культуры, тѣ же пробы, какія здѣсь производитъ Гансбергъ, не идутъ далѣе любительскихъ опытовъ и, собственно говоря, никакихъ результатовъ дать не могутъ. Что, собственно, можно будетъ заключить изъ того обстоятельства, что у Гансберга на какомъ-нибудь десяткѣ кв. сажень выростетъ картошка или рожь? Это вовсе не будетъ значить, что въ районѣ Ухты возможно разведение картофеля или посѣвъ ржи до того времени, пока условія климата не будутъ измѣнены настойчивой культурой къ лучшему. Для подобныхъ опытовъ необходимы серьезныя правительственныя опытные станци, которыя могли бы, покрывъ своей сѣтью весь районъ, рѣшить эти важные для будущаго вопросы, но когда вспомнишь, что управленію государственныхъ имуществъ на подобныя мѣропріятія на всѣ 27 миллионъ десятинъ Вологодской губернии отпускается на годъ сумма въ 50 рублей, мечтанія объ этихъ станціяхъ, конечно, отлетаютъ въ безконечную даль.

На самомъ берегу у промысла Гансбергъ когда-то заложилъ пробную скважину 4-хъ дюймовъ въ диаметрѣ; теперь труба эта даетъ постоянный выходъ газовъ, которые горятъ, будучи зажжены, какъ известные огни въ Баку.

Недалеко отъ вышки уже начинаютъ копать огромныя нефтевыя стилища на тотъ случай, когда наконецъ буровой инструментъ, пробивъ послѣднюю преграду, дастъ выходъ, черезъ который, можетъ быть со страшной стремительностью, хлынетъ потокъ нефти. Конечно, эти нефте-

ёмы, вѣроятно, не удовлетворяютъ потребности въ хранилищахъ для нефти и много ея пропадетъ совершенно даромъ, стекая въ рѣку, но затѣмъ, когда представится уже возможность запереть скважину, запасы ея придется хранить до того благоприятнаго времени, когда будетъ возможность ее куда-нибудь отправлять. Въ настоящее время, конечно, никакого выхода съ промысловъ нѣтъ; единственно возможно бы было вывозить ее Ухтой въ Ижму и затѣмъ въ Печору, но туда отправлять ее пока совершенно безцѣльно, такъ какъ изъ Печоры выходъ въ море очень затрудненъ вслѣдствие сильнаго мелководья устья этой рѣки, да и далеко не всегда возможенъ, потому что свободное плавание по морю въ Печору бываетъ очень недолгое время въ году, а кромѣ того вывозъ этимъ путемъ не можетъ быть великъ вслѣдствие очень малой глубины Ухты и Ижмы, не позволяющей тутъ проходить сколько-нибудь значительнымъ судамъ. Придется открыть выходъ нефти на Вычегду, дающую ей возможность проникнуть отсюда сразу на главные рынки России; Вычегда соединена водными путями съ Волгой и Петербургомъ; вѣроятно, если нефть окажется въ большомъ количествѣ, то не придется обойтись безъ желѣзной дороги, дающей возможность транспортирования ея круглый годъ, и, конечно, на ея постройку тогда сейчасъ же найдутся деньги и проведутъ ее, вѣроятно, до Котласа съ самыхъ промысловъ или же придется дѣлать нефтепроводъ, какъ то и предполагаетъ Гансбергъ, составившій уже и проектъ и смѣту этого сооружения; онъ предполагаетъ такъ: нефтепроводъ до Веслянъ 125 вер., отъ Веслянъ до Котласа желѣзная дорога 450 верстъ. Тогда фрахтъ нефти съ пуда будетъ такой:

125 в. нефтепроводомъ пудъ	1,287 коп.
450 в. желѣзной дорогой	1,215 коп.
Отъ Котласа до Вологды водой пудъ	1,485 коп.
Отъ Вологды до Ярославля желѣзной дорогой	3,511 коп.

Такимъ образомъ отъ промысла до Ярославля, т. е. до Волги провозъ пуда нефти будетъ стоить 7,498 коп. Расчетъ его основанъ на слѣдующемъ исчислении: провозъ пуда нефти на версту стоитъ: нефтепроводомъ 0,0103 к., воднымъ путемъ—0,0027 и желѣзной дорогой 0,01892 к. Слѣдовательно нефть, пришедшая въ Ярославль, будетъ имѣть на пудъ накладнаго расхода за дорогу 7,5 коп., и во что бы она ни обошлась сама по себѣ, тѣ цѣны, какія сейчасъ дѣлаются бакинцами (въ Ярославлѣ пудъ нефтяныхъ остатковъ стоитъ 58 коп.) на Волгѣ и на всемъ сѣверѣ России, станутъ совершенно невыносимы, а уже про то, что дастъ нефть для сѣвера, какое оживление внесетъ она въ жизнь этого глухого въ настоящее время угла, и говорить нечего.

Видъ вышки съ ея гремющими машинами, черныхъ пропитанныхъ нефтью рабочихъ, свистки, надежды, выражавшіяся Гансберггомъ, все-ляли въ насъ увѣренность въ недалекомъ уже преобразеніи здѣшней

дикой пустыни въ промышленный уголокъ со стукомъ машинъ, курящимися трубами заводовъ, свистками паровозовъ и т. п.

На промыслѣ Гансберга мы провели цѣлый день; любезный хозяинъ соорудилъ обѣдъ въ этой пустынѣ на чистомъ воздухѣ среди сѣверной природы подъ тѣнью сосенъ, на коврѣ изъ бѣлаго мха. Послѣ обѣда, на которомъ мы такъ много говорили о великомъ будущемъ этого заброшеннаго, дикаго, обиженнаго Богомъ въ настоящемъ уголка, выражали пожеланія Гансбергу довести до конца начатое имъ дѣло, мы поѣхали съ промысла съ тѣмъ, чтобы послѣ небольшой остановки у Сидоровской избы отправиться уже въ обратный путь; съ нами отправился и Ю. С. Баршевъ, ѣдущій въ Москву.

Стяжной столбъ на р. Ухтѣ.

Глава IX.

Обратный путь по Ухтѣ, Вуквѣ, Выму; зыряне.

И вотъ мы опять въ лодкахъ, опять тѣ же картины горной рѣки одна за другой развертываются передъ нами съ тою только разницей, что за тѣ нѣсколько дней, что мы пробыли здѣсь, лѣсъ успѣлъ уже одѣться листвою, сталъ густымъ и пушистымъ. Вечеръ, солнце опускается на безоблачномъ небѣ, лѣвый берегъ темный, правый еще освѣщенъ солнцемъ, но тѣни лѣваго берега уже перекинулись черезъ рѣку и медленно всползаютъ на него. Рѣка вся въ тѣни и гладка какъ зеркало и все больше и больше окутывается сумерками, тѣни дальнихъ ельниковъ дѣлаются все синѣе и темнѣе. Солнце опускается ниже и уже только верхушки горъ освѣщены его послѣдними красными лучами, а лѣвый берегъ совсѣмъ уже темный, бархатный, какъ въ зеркалѣ отражается въ спокойной, тихой рѣкѣ. Дальнія горы задернулись голубымъ туманомъ, свѣтлая, прозрачная ночь опускается на землю, и опять чуть только солнце скрылось за лѣсомъ и погасли вершины горъ, какъ стало морозить.

Поздно вечеромъ проходимъ Кужмыль-косъ и хотя мы, проѣзжая его, и очень замѣчали гдѣ надо идти, но безъ приключения не обошлись; вода за то время, что мы были на промыслахъ, значительно убыла и порогъ теперь представляетъ въ буквальномъ смыслѣ слова порогъ; рѣка перегорожена поперекъ уступомъ около $\frac{3}{4}$ аршина высоты и съ этого уступа толстымъ слоемъ падаетъ пелена воды, гремя и разбиваясь о каменное дно рѣки, въ которомъ выбила своимъ падениемъ ровъ, а изъ него она какъ бѣшеная вылетаетъ кверху, разсыпаясь брызгами и выбрасывая пѣну.

Подѣзжая къ порогу такъ и кажется, что совершенно невозможно вскочить на эту стѣну и придется вылѣзть на берегъ, но вотъ уже первая лодочка, какъ-то ловко направляемая зырянами, приподнялась носомъ, порхнула наверхъ, подпираемая шестью, обдаваемая пѣной среди кипящей воды, и медленно стала отходить отъ порога на сравнительно

спокойное мѣсто; затѣмъ и другая и третья удивительно ловко взяли это препятствие, но та, на которой ѣхалъ я, какъ-то неудачно вскочила на гряду камней и на самой-то высокой точкѣ, какъ клинъ, сѣла между ними; никакія усилія не могли сдвинуть ее впередъ, при всемъ напряженіи намъ удавалось только не дать лодкѣ опять сорваться внизъ. Шесты согнулись и, казалось, вотъ-вотъ сейчасъ лопнуть; брошенная на берегъ бичева, когда за нее схватилось много народа, лопнула, но лодка не подалась и на вершокъ, а кругомъ со страшною стремительностью несется клокочущая бѣшеная рѣка, сплошь покрытая пѣной, съ ревомъ и грохотомъ. Не оставалось ничего дѣлать, какъ ухватившись за лодку соскочить въ воду и усиліями рукъ, приподнимая, сдвинуть ее съ камней; а съ недалекаго берега еще къ ней подскочили рабочіе и наконецъ кое-какъ удалось ее стянуть и выдвинуть вверхъ отъ порога. Какъ здѣсь проѣзжаютъ лѣтомъ, когда вода еще сбудетъ, невозможно и представить; зыряне говорятъ, что худо, а все-таки проѣхать можно, и наше приключеніе объясняютъ тѣмъ, что невѣрно пошли, и тѣмъ, что эта лодка по конструкціи своей нѣсколько разнится отъ ихъ лодокъ,—она, дѣйствительно, шире ихъ. Лодка эта еще съ Вишеры и пришла съ нами оттуда. Еще при отправленіи изъ Веслянъ зыряне относились къ ней скептически и говорили, что она не пройдетъ по здѣшнимъ рѣкамъ, нѣсколько разъ въ пути возбуждался вопросъ о ея непригодности для плаванія по нимъ и даже составлялись приговоры объ ея оставленіи, но, какъ послѣ оказалось, она выдержала все путешествіе не хуже вымскихъ, развѣ что была потяжелѣе ихъ на ходу, и мы съ П. В. Ведровымъ за свое стоическое хладнокровіе при всѣхъ нападкахъ на нашу „Вишеру“, такъ называлась лодка, были вполнѣ вознаграждены, такъ какъ она была несомнѣнно удобнѣе всѣхъ лодокъ изъ всего каравана.

Обратное путешествіе наше, конечно, не могло быть такъ интересно какъ то, когда мы ѣхали въ совершенно неизвѣстныя намъ таинственныя, мало кому знакомыя страны, и интересъ нашъ теперь весь сосредоточивался на тѣхъ немногихъ мѣстахъ, которыя мы проходили въ тѣ небольшіе промежутки времени, когда лодки рано утромъ отправлялись уже въ путь, а мы еще не вставали; но зато на обратномъ пути насъ баловала погода, и хотя по ночамъ все время были морозы, отъ которыхъ мы спасались шубами, но дни установились великолѣпные, ясные, жаркіе, солнце съ безоблачнаго неба положительно пекло и жгло, такъ что къ концу нашего путешествія мы загорѣли какъ арабы. Въ первый же жаркій день весь лѣсъ, всѣ лужи зазеленѣли и свѣжая зелень ярко заиграла на солнцѣ, лѣсъ вмѣсто прежнихъ стусеванныхъ лиловыхъ пятенъ весь раздѣлился на красивыя купы и между ними легли глубокія, влажныя тѣни.

Недалеко отъ переволока мы всходили съ С. И. Поповымъ на очень высокую гору, почти отвѣсно поднимающуюся съ самага берега;

на самой вершинѣ ея, заросшей соснякомъ и бѣлымъ мхомъ, а кое-гдѣ и прямо съ голой землей, нашли массу неизвѣстныхъ намъ до того времени цвѣтовъ „сонъ-трава“ (*anemone patens*), изъ которыхъ составили букеты къ обѣду, долженствовавшему быть въ этотъ день торжественнымъ, такъ какъ это былъ день рожденія А. Н. Хвостова. Надо сказать, что наша провизія, взятая съ собой, уже достаточно поистощилась и припасовъ, изъ которыхъ могъ бы быть изготовленъ торжественный обѣдъ, уже совершенно не было. Мы радовались и короваю свѣжаго хлѣба, взятому нами въ Сидоровской избѣ, послѣ сухарей, до которыхъ успѣли дойти, мясо же, взятое на дорогу, могло продержаться только два дня и мы уже болѣе недѣли его не ѣли. Картофель также уже весь вышелъ, и у насъ оставалось только нѣсколько банокъ консервовъ. Но все это не оказалось препятствіемъ для нашего спутника лѣснаго ревизора Степанова, который съумѣлъ, самъ взявшись за кулинарное искусство, изъ ничего сдѣлать такой обѣдъ, какой и въ ресторанѣ не посрамилъ бы повара, да къ тому же на столѣ появилась и взятая съ собой Н. А. Волковымъ и береженная до сегодняшняго дня масса закусокъ,—и дѣйствительно, нашъ столъ на 4-хъ колышкахъ, накрытый на берегу Ухты подъ безоблачнымъ небомъ у подножія горъ, съ букетами цвѣтовъ на немъ, съ меню, нарисованнымъ однимъ изъ участниковъ экспедици, и великолѣпный обѣдъ—издѣлие Н. Ф. Степанова, вполне соотвѣтствовали торжественному дню.

Берега Ухты у самой воды покрыты массою кустовъ смородины, въ иныхъ мѣстахъ буквально все заросло ими и они густыми купами сбѣжали къ самой водѣ и купаютъ въ ней успѣвшая уже одѣться свѣжею листвою свои вѣтви. Въ такой заросли смородины впадаетъ въ Ухту съ праваго берега рѣка Тобысь, большая, каменистая, въ высокихъ берегахъ, сплошь заросшихъ лѣсомъ; устье его песчано и повидимому песку здѣсь намывается много и, вѣроятно, лѣтомъ выходъ изъ него въ Ухту затруднителенъ, несмотря на то, что онъ страшно быстръ, настолько, что зимой почти не замерзаетъ и по нему во многихъ мѣстахъ приходится ѣхать и переправляться на лодкахъ. Верховья его очень близко сходятся съ верховьями р. Коина, между ними, какъ говорятъ зыряне, переволокъ въ 16 верстъ; и, такимъ образомъ, если бы возможно было ѣхать черезъ этотъ переволокъ, путь съ Ухты въ Вымъ сокращался бы на много верстъ. Если бы можно было этотъ волокъ перекопать и дать этимъ возможность лѣсъ Ухты сплавлять не въ Печору, какъ это дѣлается теперь, а въ Вымъ и слѣдовательно въ Вычегду, стоимость его поднялась бы втрое и доходность Ухтинскихъ лѣсовъ возросла бы на много; но, конечно, говорить о томъ, стоитъ ли перекапывать волокъ этотъ и окупить ли приростъ дохода тѣ расходы, какіе надо сдѣлать на эту работу, нѣтъ возможности, такъ какъ и переволокъ-то этотъ знаютъ только зыряне и что тамъ есть, какова почва, горы ли тамъ или низина—совершенно

неизвѣстно и зыряне, при ихъ ограниченномъ знаніи русскаго языка, объяснить не въ состояніи, а можетъ быть современемъ этому Тобысю, а также и другимъ неизвѣданнымъ рѣкамъ съ меньшими перелоками, и придется играть не маловажную роль въ дѣлѣ оживленія этого края.

За Тобысемъ Ухта дѣлается сразу вдвое уже. На ней очень много пороговъ и малыхъ и большихъ и все время, пока мы поднимаемся по ней до самаго перелока, они попадаютъ то въ видѣ просто быстрины, то въ видѣ большихъ пространствъ воды — кипящихъ и клокочущихъ; иные короткіе, а иные очень длинны, напр., порогъ „Сизимъ-русь-косъ“ (семидырный) тянется на нѣсколько сотъ сажень. Название ему дано такое оттого, что въ этомъ мѣстѣ Ухта образуетъ очень много острововъ изъ на-носнаго песка и камней,

Керка на Ухтѣ

покрытыхъ кустами и лѣсомъ, а между ними семь узкихъ протоковъ, по которымъ съ плескомъ, бурля и пѣнясь, съ страшной стремительностью несетъ вода; только что пройдешь одинъ протокъ, какъ сейчасъ же попадаешь въ другой, изъ него въ третій и т. д., и вездѣ лодку, несмотря на всѣ усилія рабочихъ, такъ и бьетъ, такъ и сноситъ; шести гнутся въ ихъ рукахъ, напряженныя лица, безпокойные возгласы и кругомъ несущаяся пѣна дѣлаютъ картину этого порога довольно неприятной и впечатлѣніе это какъ-то не вяжется съ его веселыми островками, покрытыми молодой зеленью.

Версть за 20 до перелока въ Ухту впадаетъ рѣчка Вагопка, передъ которой лѣвый берегъ Ухты кончается каменной, очень высокой горой, и вдаль отъ Ухты уходитъ долина въ совершенно неизвѣстныя мѣста, дальше опять горы выходятъ на берегъ и, прерванныя этой долиной, опять идутъ впереди то повыше, то пониже, то подойдутъ къ самой водѣ, то отступятъ немного и шапкой поднимутся за образовавшейся внизу площадкой, и всѣ онѣ съ самаго подножія и до вершинъ заросли вѣковымъ лѣсомъ. Кое-гдѣ по горамъ обнажился камень и бѣлѣетъ, то нависнувъ надъ самой водой, то на вершинахъ горы, то поднимаются скалы на полугорѣ, растрескавшіяся,

слоистыя, съ обвалами и уродливыми деревцами, торчащими изъ ихъ разсѣлинъ.

Наконецъ мы и на переволокъ въ жаркое утро; солнце печетъ, по небу плывутъ бѣлыя круглыя облачка, легкй вѣтерокъ пробѣгаетъ по верхушкамъ деревьевъ, вода чуть рябитъ, въ сосновомъ лѣсу, кругомъ поселка, накаленные солнцемъ сосны наполняютъ весь воздухъ своимъ ароматомъ. Предвидя, что на перевозку нашего каравана опять уйдетъ очень много времени, мы съ С. И. Поповымъ отправляемся посмотрѣть Ухту выше переволока, куда, конечно, никто изъ ѣдущихъ никогда не заглядываетъ, а если и бродятъ тамъ за рябкомъ и бѣлкой промышленники-зыряне въ зимнее время, то, конечно, не замѣчаютъ ни красотъ тамошнихъ, ни того, какъ течетъ эта рѣка, въ какихъ берегахъ, что на этихъ берегахъ есть—ни до чего этого нѣтъ имъ дѣла и совершенно это имъ не интересно.

Шли мы, шли рѣкою и все время Ухта течетъ прорѣзывая высоки каменный кряжъ, по скатамъ котораго, покрытымъ бѣлымъ мхомъ, взбирается лѣсъ ломный, заваленный и трудно проходимый; гдѣ горы немного поотойдутъ отъ рѣки, внизу образуется площадь съ травой и нерѣдко съ болотцами, а гдѣ онѣ подойдутъ къ самой водѣ—весь берегъ покрытъ сплошь обломками вывѣтрившагося известковаго сланца настолько густо, что идти по этимъ камнямъ становится трудно. На лѣвомъ берегу изъ воды поднимается отвѣсная скала съ покрытою лѣсомъ верхушкой; дойдя до нея, мы рѣшаемъ идти обратно, но, чтобы не было скучно идти уже пройденнымъ мѣстомъ, отходимъ отъ рѣки и, придерживаясь ея течения, начинаемъ подниматься все выше и выше до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не достигли самой высокой точки и кругомъ насъ во всѣ стороны нигдѣ уже не было видно мѣстечка, которое бы казалось повыше; тогда мы стали по этой ровной площади подходить къ рѣкѣ и, наконецъ, очутились надъ отвѣснымъ обрывомъ, съ котораго сквозь вершины поднимающихся снизу деревьевъ открылся страшно широки видъ на противоположный берегъ и раскинувшися до самаго горизонта безпредѣльные лѣса, стелющися по волнующимся вершинамъ горнаго кряжа. Рѣка, которую мы искали все-таки подальше, такъ какъ очень далеко отошли поднимаясь отъ ея берега, оказалась подъ самими нашими ногами, въ видѣ узенькой желтой ленточки и только кое-гдѣ проглядывала между верхушекъ старыхъ елей и сосенъ, растущихъ ниже насъ. Скала, на которой мы очутились, совершенно отвѣсно спускается внизъ и вся состоитъ изъ слоевъ известковаго сланца, вывѣтрившися концы котораго падаютъ и усѣиваютъ заросши сплошь лѣсомъ склонъ; свалившися внизу ели верхушками приткнулись къ ней; такъ и разсыпятся онѣ въ прахъ и новыя навалятся на нихъ, а сколько до нихъ погибло и счета, конечно, нѣтъ.

Вернулись мы домой на переволокъ, когда уже пора было двигаться и самимъ на рѣку съ неудобнымъ названіемъ, и скоро уже опять

ѣдемъ мы по этой, какъ змѣя, вьющейся болотной рѣченкѣ среди совершенно ровнаго, какъ бы подстриженнаго, ивняка, среди грязныхъ кочекъ, опять ѣдемъ и встрѣчаемъ не болѣе какъ въ саженомъ разстояннѣ ѣдущія намъ навстрѣчу заднія лодки, опять ивовые кусты съ обоихъ береговъ хлещутъ насъ; рѣка какъ зеркало и одѣвшіяся листовой березки отражаются въ ея тихой и прозрачной водѣ; на небѣ блѣдная заря безъ одного облачка, свѣтло такъ, что совершенно свободно можно читать; блѣдно бѣлѣетъ серпъ молодого мѣсяца надъ горизонтомъ, вдали кукуетъ кукушка... Это сѣверная полночь.

Вода послѣ нашего проѣзда здѣсь сбыва и идти приходится очень туго; во многихъ мѣстахъ лодки скребутъ по камнямъ на днѣ, а въ иныхъ такъ ловко садятся на эти камни, что ничего болѣе не остается рабочимъ какъ вылѣзати и проволакивати лодки до болѣе глубокаго мѣста руками. Рѣка течетъ глухимъ лѣсомъ, и благодаря тому, что вѣтеръ не хватаетъ здѣсь изъ-за лѣса и не выноситъ того зноя, какой льютъ цѣлые дни горячіе лучи солнца, внизу по берегамъ образуется какъ бы теплица и просто глазамъ не вѣрится до чего быстро развиваются травы; чемерица теперь уже въ видѣ огромныхъ кустовъ съ своими рубчатыми листьями высится надъ всею луговою растительностью, у самой воды яркими желтыми пятнами цвѣтетъ калужница болотная, кое-гдѣ скромно выглядываютъ изъ травы фиалки. И деревья уже не тѣ безжизненные, какія мы видѣли здѣсь раньше: красавицы лиственницы уже одѣлись въ свою нѣжную зелень и березки уже не голые прутья, а распушились, поникли надъ водой и качаютъ своими висячими вѣтвями. Дно рѣки все завалено остатками старыхъ, когда-то свалившихся подмытыхъ деревьевъ, но и на этихъ трупяхъ развивается жизнь: къ нимъ приросли длинныя борода какихъ-то водорослей, развѣвающихся и покачивающихся изъ стороны въ сторону по теченію.

Живой жизни все-таки мало: изрѣдка пролетитъ куличекъ, пропорхаетъ бабочка, да быстрыми, отрывистыми движеніями пробѣжитъ по прибрежному песку ящерица;

Нашъ караванъ на р Вукъ-вѣ.

птичьихъ голосовъ въ такомъ глухомъ лѣсу не слышно—мертвая, вѣчная тишина царить внутри его; стѣсненные сзади и съ боковъ, ели протянули на свободу къ рѣкѣ свои мохнатые лапы, онѣ опустились и висятъ съ береговъ и закрываютъ его таинственную, неизвѣданную глубину. А рѣчка все пробирается, искрясь и сверкая на солнцѣ, все дальше и дальше по этой глуши.

Завалы и мели дѣлаютъ ѣзду страшно трудною и медленною версть на 50 до впаденія въ Вукву рѣчки Ай-ю, которая сразу прибавляетъ столько воды, что Вуква отъ нея дѣлается и шире, и глубже и рабочимъ становится полегче, а тамъ и самая рѣчка выходитъ на открытое, заросшее рѣдкими березками мѣсто съ изумрудной травой, кустиками, лужайками, полянками и мы, долго стѣсненные лѣсомъ, вздыхаемъ свободнѣе, поле зрѣнія расширяется и легче чувствуется на душѣ. Въ этой части течения Вуквы попадается много ея старыхъ русель—„петель“; часть ихъ замыло пескомъ и онѣ заглохли, часть завалило лѣсомъ, а къ нему уже стало наносить песокъ и, запертыя съ одной стороны, онѣ стали глухими болотами. Зыряне говорятъ, что эти петли образуются очень быстро; намъ показывали такія, которыми ѣздили еще 3—4 года назадъ. Попадаются и такія, которыя произошли отъ того, что люди спрямили себѣ дорогу и выкинули излишние загибы рѣки, но въ большинствѣ она спрямила свой ходъ сама.

Несмотря на жаркіе, знойные дни, все-таки морозъ по ночамъ преслѣдуетъ насъ, одинъ день даже замерзла вода, оставленная въ стаканахъ внутри лодки, а утромъ чуть поднимется изъ-за лѣсу солнышко и опять тепло и какъ-то не вѣрится даже, когда стоишь на лодкѣ въ одной рубашкѣ и вливаешь въ себя живительный зной солнечныхъ лучей, что всего нѣсколько часовъ назадъ только шуба спасала отъ забирающагося внутрь лодки мороза, что трава вся была въ инеѣ, что вода замерзала.

И Вымъ измѣнилъ свой видъ и теперь берега его уже всѣ зеленые, лиловыхъ и красныхъ тоновъ голыхъ деревьевъ и кустовъ уже нѣтъ, березы закруглились и приняли свою типичную форму и рѣзкими пятнами выдѣляются на темномъ фонѣ еловаго лѣса. Нѣжно-зеленныя лиственницы стоятъ, стройно возвышаясь надъ всей окружающей ихъ лѣсной площадью, все облито знойными лучами солнца, яркое голубое небо и нѣсколько бѣлыхъ высокихъ облачковъ медленно плывутъ по нему, рѣчка голубая какъ небо чуть переливается мелкою зыбью. Сверкаетъ и искрится слѣдъ лодки, сверкаютъ вдали плавно въ тактъ поднимающіяся изъ воды весла.

У Помрась-керки встрѣчаемъ людей—рыбаки выѣхали на ловъ и забрались далеко вверхъ по рѣкѣ, въ надеждѣ на начинающійся теперь вмѣстѣ съ тепломъ ловъ семги; имъ повезло, и у нихъ, дѣйствительно, оказывается нѣсколько этихъ рыбъ и мы не преминули купить себѣ одну изъ нихъ для ѣды. Выбрали мы семгу въ 24 ф. и сторговались

по 40 к. за фунтъ, цѣна для первыхъ рукъ довольно высокая, но, какъ оказалось впослѣдствіи, дѣйствительно, купить дешевле и нельзя, такъ какъ въ это время весь уловъ семги сбываютъ на ярмаркѣ въ Усть-Вымѣ, гдѣ и устанавливается цѣна на нее, продавать же прямо на лодкѣ первый уловъ рискованно въ смыслѣ возможности продешевить: можетъ оказаться ловъ семги такой малый, что цѣна будетъ на ярмаркѣ стоять очень высокая.

Хотя и въ Вымѣ вода сбыва, но послѣ Вуквы онъ кажется намъ огромной рѣкой; идемъ то берегомъ, то самой серединой уже не на шестахъ, а на веслахъ, и быстро несемъ внизъ по теченію. Ёдемъ противъ солнца и слѣдъ передней губернаторской лодки, съ развѣвающимся на ней небольшимъ национальнымъ флагомъ, сверкаетъ впереди и искры вспыхиваютъ на водѣ; черной стѣной встаетъ еловый лѣсъ противъ солнца и свѣтлыми зелеными пятнами трепещутъ на немъ березки. Кое-гдѣ попадаются обрывы и песокъ ихъ издали яркими пятнами выдѣляется на фонѣ лѣса.

Покупка семги.

У сѣро - водороднаго источника, о которомъ я уже говорилъ выше, дѣлаемъ остановку и подробно осматриваемъ его и находящееся близъ него интересное озеро, соединенное съ Вымомъ неширокимъ протокомъ, настолько заваленнымъ всякимъ хламомъ, что по этимъ старымъ стволамъ и корѣжинамъ, какъ по мосту, можно перейти на другую сторону. Самые источники бьютъ во многихъ мѣстахъ изъ берега сравнительно невысоко отъ уровня рѣки среди сплошныхъ обломковъ камней, а надъ этимъ мѣстомъ возвышается слоистая, подмываемая и обваливающаяся скала; изъ ея обломковъ и образовалась сравнительно широкая и пологая каменистая полоса берега. Между этихъ-то камней и бѣгутъ съ журчаньемъ многочисленные ключи воды, насыщенной сѣрководородомъ; запахъ очень сильный, но этотъ источникъ принадлежитъ къ немногимъ сортамъ сѣрководородныхъ источниковъ, вода которыхъ на вкусъ не представляетъ ничего неприятнаго; температура ея очень низка, около 4°. Кромѣ этихъ ключей, расположенныхъ у самой почти рѣки, есть и немного подалеже отъ берега, ручьи отъ которыхъ сбѣгаютъ опять же въ рѣку.

Нависшая скала сверху вся покрыта лѣсомъ и, взобравшись на верхъ, имъ можно пройти на высокій берегъ лежащаго очень недалеко озера; скала эта является концомъ каменистаго, заросшаго лѣсомъ кряжа, возвышающагося между этимъ озеромъ и впадающей здѣсь въ Вымь рѣкою „Чись-ва“, уходящаго отъ рѣки вглубь. Кряжъ расширяется за озеромъ и, обогнувъ его, выходитъ на берегъ Выма; его вершиной очень удобно пройти до противоположнаго берега озера, очень высокаго съ песчаными обрывами. Когда выйдешь на этотъ высокій обрывистый берегъ и остановишься на немъ, снизу все время доносится журчанье и плескъ многочисленныхъ ключей и, дѣйствительно, стоитъ только спуститься внизъ къ самому берегу, какъ попадаешь въ самый источникъ питанія этого озера: всюду кругомъ гремятъ ключи и, сверкая на солнцѣ, журчащими ручейками сбѣгаютъ среди подмытыхъ корней, поваленныхъ стволовъ и всякаго лома въ спокойную поверхность его; вода этихъ ключей сильно желѣзистая, все въ ручейкахъ покрыто налетомъ ржавчины, она стоитъ кусками въ этой части озера и на вкусъ вода ясно отдаетъ окисью желѣза. Конечно, ни вода источниковъ на берегу, ни этихъ желѣзныхъ ключей никогда не изслѣдовалась, да, вѣроятно, кромѣ зырянъ мало кому и извѣстно о существованіи ихъ, а они относятся къ нимъ не болѣе какъ къ курьезу за ихъ ясно выраженный далеко не изъ приятныхъ запахъ сѣро-водородомъ. И. М. Шемигоновъ взялъ съ собою образцы этой воды для анализа и мы повезли ее съ собой въ Вологду.

Произведенный анализъ заставляетъ предполагать о присутствіи здѣсь залежей гипса, по которымъ течетъ этотъ источникъ, такъ какъ вода содержитъ въ себѣ много минеральныхъ веществъ, главнымъ образомъ сѣрной кислоты и кальція. Подробный анализъ таковъ:

№№	В Е Щ Е С Т В А.	Химическая формула.	Миллиграммы на одинъ литръ.
1.	Хлористаго натрія	NaCl	28,2
2.	Сѣрнокислога „	Na ₂ SO ₄	5,8
3.	„ калия	K ₂ SO ₄	98,1
4.	Гипса, сѣрнокислога кальція.	CaSO ₄	1.790,3
5.	Углекислаго кальція (мѣлъ)	CaCO ₃	109,8
6.	„ магнія	MgCO ₃	142,8
7.	Сѣроводорода	H ₂ S	2,0
	Общая жесткость воды выразится . .	88,82	
	Сумма веществъ—съ № 1 по 6 . . .		2.175,0
	Найдено сухого остатка.	—	2.188,0
	Разница всего		13,0

Изъ анализа можно вывести заключение, что присутствие сѣроводорода въ изслѣдованной водѣ не является слѣдствиемъ разложения органическихъ веществъ и ихъ гніенія, такъ какъ азотная и азотистая

Схро-водородные источники на Вымь.

кислоты и аммиакъ отсутствуютъ, а, вѣроятно, образуется онъ изъ гипса, преобразованиемъ послѣдняго подъ влияниемъ углекислоты, растворенной въ водѣ, и воздуха.

Ночные морозы до сихъ поръ сдерживали страшное зло здѣшнихъ лѣсовъ для тѣхъ, кто ѣдетъ въ нихъ въ это время, но знойные дни начинаютъ преодолевать ночные холода и зло это все болѣе и болѣе начинаетъ насъ пока еще только беспокоить—это комары; въ одно прекрасное утро мы, умываясь въ рѣкѣ, замѣтили массы шкурокъ ихъ личинокъ, плывущія по рѣкѣ,—знакъ, что начался ихъ выводъ, и дѣйствительно съ этого дня они стали насъ ѣсть, сперва помаленьку такъ, что и маханія вѣточкой было достаточно для того, чтобы имѣть возможность быть на берегу, а потомъ все больше и больше и наконецъ до такой степени, что уже безъ накомарника нечего было и думать выйти днемъ на берегъ, ночью же, въ морозъ они всѣ куда-то исчезали, но, къ несчастью, не околѣвали и на другое утро опять съ ожесточенемъ и крайнею назойливостью лѣзли къ намъ и не давали покоя.

Благодаря теплу мы были свидѣтелями, какъ въ одно утро появились въ воздухѣ миллиарды какихъ-то маленькихъ бабочекъ; въ продолженіи цѣлаго дня все время воздухъ былъ ими наполненъ, какъ хлопьями снѣга; онѣ лѣзли всюду и всѣ лодки наши были ими облѣплены и въ лодки онѣ забирались и на насъ сидѣло ихъ множество, но это продолжалось только одинъ день и на слѣдующи уже только отдѣльные экземпляры ихъ попадались еще кое-гдѣ; вѣроятно морозъ въ ночь побилъ ихъ всѣхъ, а морозъ въ эту ночь былъ очень сильный: роса заледенѣла и собиралась въ видѣ снѣга, вся рѣка курилась туманомъ, фантастическія фигуры котораго высокими столбами поднимались на серединѣ рѣки, а къ нимъ отъ береговъ извиваясь ползли струи пара.

Версть за 60 до Веслянъ на берегу стоитъ керка „Воръ-вомынь-керка“ и отъ нея существуетъ прямая тропа на переволокъ—60 верстъ, почти на всемъ своемъ протяженіи идущая болотомъ.

Опять проходимъ пороги, первые, которые такъ намъ были непривычны сначала и произвели на насъ въ тотъ путь сильное впечатлѣніе; всѣ они расположились верстахъ на 10 и теперь, когда вода сбыла уже значительно, гораздо замѣтнѣе и камни, торчащіе изъ воды, и ея паденіе. Всѣ пороги идутъ въ такомъ порядкѣ сверху: Коинъ-косъ, Ышь-мысь-косъ, Рочь-косъ большой и малый, Чупша-косъ, Чайесь-косъ и Кычиль-косъ. Разстоянія между ними почти равныя, побольше только между двумя послѣдними, а самые крупные и внушительные изъ нихъ большой Рочь-косъ и Коинъ-косъ, но ѣзда по нимъ по теченію уже ничего изъ себя не представляетъ: не успѣешь вѣхъ въ кипящую стремнину, какъ лодка, направляемая опытной рукой рабочаго, уже пронеслась между камней и пѣна и взлетающія кверху волны остались далеко позади.

За порогами вскорѣ прошли и устье Іоль-вы и поселочекъ, расположившійся на самомъ мысу—первое жильѣ послѣ столькихъ дней плаванія по совершенно безлюднымъ мѣстамъ, а тамъ уже и Весляны радуютъ наши взоры своей оригинальной архитектуры церковью, своими зелеными полями и лугами. Эта оригинальная церковь уже новая на мѣстѣ сгорѣвшихъ два раза старыхъ церквей, но рядомъ съ нею стоитъ низенькая старая церковка, вросшая въ землю и заплѣсневѣлая какая-то, и въ ней хранятся старые, уцѣлѣвшіе отъ бывшихъ пожаровъ, образа; нѣкоторые изъ нихъ есть и интересные, въ особенности распятіе и страшный судъ, но ихъ и разсматривать то трудно въ этой полутемной церковкѣ, гдѣ они навалены какъ старый хламъ и, кромѣ того, всѣ уцѣлѣвшія иконы сильно попорчены огнемъ, иныя до такой степени, что представляютъ собою только вспузырившуюся краску безъ какихъ бы то ни было слѣдовъ изображенія.

Вотъ теперь, когда мы уже попривыкли къ зырянамъ и они къ намъ попривыкли, мы можемъ получать отъ нихъ больше свѣдѣній и въ разговорахъ съ ними узнаемъ, что впадающая около Веслянъ въ Вымъ рѣка Веслянка имѣетъ въ длину со всѣми изворотами 40 чѣмкасовъ, и это для насъ уже не звукъ пустой, а мы сразу подсчитываемъ, что это приблизительно 240 верстъ, что р. Іоль-ва въ своихъ верховьяхъ отдѣлена отъ р. Мезени переволокомъ только въ 6 верстъ и что до переволока по Іоль-вѣ 14 чѣмкасовъ, т. е. верстъ 85, а отъ переволока до истоковъ еще чѣмкасовъ 20, т. е. около 120 верстъ, что изъ Веслянъ есть просѣкомъ тропа прямо на Сидоровскую избу (о которой уже и ранѣе намъ было извѣстно), но счетъ верстъ по ней зыряне ведутъ не тотъ, какъ считается у насъ; мы всегда слышали, что отъ Веслянъ до промысловъ 120 верстъ, а зыряне считаютъ ее въ два приема: до Тобыся тропой 130 верстъ, а отъ Тобыся до Сидоровской избы 25 верстъ, итого не 120, а 155. Конечно, всѣ эти свѣдѣнія не могутъ считаться точными, но все-таки казалось бы, что зырянамъ это извѣстно поболѣе и ихъ свѣдѣніями пока приходится довольствоваться, такъ какъ никакихъ изслѣдованій здѣшнихъ рѣкъ и рѣчекъ совершенно не существуетъ, всѣ онѣ нанесены на планы приблизительно, а насколько это приближеніе велико или мало, можно судить хотя бы по примѣру Вишеры, которая на прежнихъ планахъ показывалась пропадающею гдѣ-то, едва дойдя до границы Яренскаго уѣзда, произведенная же съемка показала, что она нѣсколько разъ эту границу пересѣкаетъ и доходитъ до Синдорскаго озера, но притоковъ ея такъ и не нанесено на карту, что же касается верховьевъ всѣхъ рѣчекъ на этой картѣ, то они всѣ нанесены, что называется, „на честное слово“. Такія свѣдѣнія, какъ напр. возможность поднять втрое доходность Ухтинскихъ лѣсовъ помощью соединенія Тобыся и Коина, есть результатъ не какихъ-нибудь изслѣдованій, а свѣдѣній, полученныхъ отъ бродячихъ тутъ за рябками и бѣлкой зырянь.

Железистое озеро около сероводородных источников

Когда мы подъѣзжали къ Веслянамъ, у насъ была надежда встрѣтить тамъ выѣхавшій намъ навстрѣчу пароходъ, но надежда эта не оправдалась и мы уже тогда же узнали, что вода въ устьѣ Выма сильно падаетъ, такъ что входитъ ему въ Вымъ, если бы и было сейчасъ возможно, во всякомъ случаѣ рискованно: пожалуй за убылью воды пришлось бы въ Вымѣ ждать, когда-то она прибудетъ отъ дождей. Какъ рассказывалъ намъ ранѣе пароходчикъ Козловъ, пароходы котораго ходятъ по Выму, онъ дѣлится въ устьѣ на нѣсколько рукавовъ и течетъ голымъ пескомъ, бываютъ рукава и въ 7 четвертей, но рядомъ попадаютъ и въ одну, и тамъ, гдѣ сегодня прошли совершенно свободно, завтра можетъ быть всего нѣсколько вершковъ, лѣтомъ же, во время спада водъ, общую глубину устья можно принять въ 6—7 вершковъ. Такимъ образомъ, намъ предстояло еще спуститься внизъ по Выму на лодкахъ 155 верстъ.

Невольно приходитъ въ голову мысль, почему казенный пароходъ въ Вымъ войти не можетъ, а пароходъ крестьянина Козлова все лѣто ходитъ по нему и невольно же думается о томъ, не есть-ли изслѣдованія, хотя бы постепенныя, хотя бы только главныхъ изъ безчисленныхъ прорѣзающихъ губерню во всѣхъ направленіяхъ рѣкъ и рѣчекъ, дѣло тѣхъ казенныхъ пароходовъ, которые мы видимъ стоящими и въ Вологдѣ, и въ Устюгѣ, и въ Архангельскѣ. Въ самомъ дѣлѣ, знаемъ мы, что существуютъ у насъ по рѣкамъ водяныя дистанци, что существуютъ у насъ инженеры, этими дистанціями завѣдующе, есть въ ихъ распоряженіи казенные пароходы, а справиться о томъ, судоходенъ ли Вымъ, такая широкая и многоводная рѣка, далеко-ли можно по нему проѣхать, проходимо ли его устье, приходится не у казенныхъ организацій, а у Павла Никитича Козлова, крестьянина зырянина, которому Вымъ извѣстенъ какъ свои пять пальцевъ и пароходы котораго бѣгаютъ по нему все лѣто. Нечего уже говорить о менѣе значительныхъ рѣкахъ; ихъ качества извѣстны только Богу и никому больше, а и такая могучая, какъ Вычегда, извѣстна только эмпирическимъ путемъ, но, благодаря этому, свѣдѣнія о ней и не полны, и не точны. А казалось бы, что постепенная работа по изслѣдованію рѣкъ и не была бы очень затруднительна для казенныхъ пароходовъ, вѣчно курящихся у своихъ пристаней.

Наше путешествіе отъ Веслянъ до Вогваздина по прекрасной погодѣ, какая была, можно бы считать даже весьма приятнымъ, если бы не комары, которые истязали насъ всю дорогу и положительно не давали возможности ступить на берегъ, не надѣвъ накомарника.

Проѣзжаемъ большое село Турья на правомъ берегу Выма, съ двумя церквами, волостнымъ правленіемъ и 170 дворами, нѣсколько деревень среди зеленѣющихъ береговъ, весело расположившихся на самыхъ гребняхъ пологихъ горъ, и останавливаемся у деревни Козлова. Тутъ живетъ очень интересная личность—крестьянинъ зырянинъ Павелъ

Никитичъ Козловъ, когда-то ходившій, какъ и другіе, на промыслы и даже срубившій далеко на Вымѣ въ былыя времена керку, которую

Д. Козлова на р. Вымѣ.

намъ и показывали питающе къ нему громадное уваженіе зыряне, подъ названіемъ „Никитъ-Пашъ-керка“, а потомъ своими трудами нажившій себѣ небольшой капиталець и начавшій свое дѣло. Какъ очень сметливый, сообразительный и неглупый чловѣкъ, онъ быстро пошелъ въ гору и даже купилъ себѣ пароходъ, а купивши рѣшилъ, что пароходъ вовсе не такая трудная вещь, чтобы нельзя ее было работать не на заводѣ гдѣ-нибудь, а у себя дома въ Козловѣ на Вымѣ и вотъ теперь у него тутъ устроена маленькая верфь, поставлена паровая машина, устроена гавань для зимовки и самъ онъ, какъ говорятъ даже по своимъ чертежамъ, строить пароходы; одинъ изъ нихъ мы видѣли на Вычегдѣ—это та самая „Надежда“, на которой пріѣхали къ намъ въ Вогвазино С. И. Поповъ и Н. А. Волковъ. Зыряне очень цѣнятъ Павла Никитича за то, что онъ сталъ привозить въ Козлово муку и торговать ей, держа запасы, чѣмъ установилъ на нее цѣну, и достать ее можно во всякое время, а прежде бывали такія времена, когда по бездорожицѣ всѣ запасы муки выйдутъ, достать ее неоткуда и приходилось платить за нее совершенно баснословныя цѣны тѣмъ торговцамъ, которые ухитрились припасти на это время небольшой запасецъ. У Козлова въ деревнѣ прекрасный домъ, устроенный совершенно на городской манеръ, и большая торговля; мы,

Видъ на р. Вымѣ изъ д. Козлова.

къ несчастью, не застали самого Павла Никитича дома и были приняты его сыновьями, старшимъ, веду-

щимъ дѣла вмѣстѣ съ отцомъ, и младшимъ — ученикомъ Устюгской гимнази.

За Козловымъ скоро село Вотлы, верхнее, среднее и нижнее, въ разстояннн версты одно отъ другого, съ бѣлой церковью, раскинувшееся по полугорѣ и гребнямъ подступающихъ къ рѣкѣ горъ. Здѣсь намъ приходится разсчитывать рабочихъ, которые, большинство по крайней мѣрѣ, изъ этого села и наняты были отъ него и до него. Пока нашъ хозяйственный староста производить, окруженный цѣлою толпою зырянъ, съ ними расчетъ, сопровождаемый галдѣньемъ, криками и выпрашиваниями на чай, къ берегу собралось почти все село съ ребятами, стариками и старухами; кто пришелъ встрѣтить своихъ, ѣздившихъ съ нами, кто просто потому, что всѣ идутъ, большинство, конечно, — посмотреть никогда не виданнаго никѣмъ въ здѣшнихъ мѣстахъ губернатора.

Проведя съ зырянами болѣе двухъ недѣль и притомъ въ такой близости, какая только и можетъ быть при подобномъ путешествии, мы, конечно, кое-что вынесли изъ знакомства съ ними и у каждаго изъ насъ составилось объ этомъ народѣ нѣкоторое представление изъ тѣхъ фактовъ, какіе приходилось наблюдать при поѣздкѣ, изъ разговоровъ съ ними и изъ того, что приходилось слышать о нихъ отъ людей долго здѣсь прожившихъ и знающихъ здѣшннй край и въ этнографическомъ отношеннн.

Зыряне — народность, о которой первое упоминанне встрѣчается въ XVI вѣкѣ, гдѣ говорится о „Сырьянахъ“, ранѣе же того они не отдѣлялись отъ пермяковъ; происхождення несомнѣнно финскаго, по крайней мѣрѣ типы, встрѣчающіеся между ними, переносятъ смотрящаго на нихъ въ міръ Ибсеновскихъ героевъ и такъ и кажется, что нѣко-

Зырянинъ въ охотничьемъ костюмѣ

торые изъ нихъ прямо сорвались съ картинъ финляндскихъ художниковъ. Характерная особенность ихъ—свѣтлые, какъ будто стеклянные, глаза, позволяеть думать, что это-то и есть та самая „Чудь бѣлоглазая“, о которой лѣтописецъ говоритъ: „до начала города Чернигова жилъ на томъ мѣстѣ и въ окрестностяхъ онаго пришедшій изъ древнихъ мѣстъ народъ, называемый Чудь, не малое время, но пришедшій съ сѣвера России народъ Новгородскій ихъ Чудь съ оныхъ мѣстъ прогнавъ, а иныхъ противящихся взявъ въ плѣнъ и т. д.“ Это было очень давно, такъ какъ у лѣтописца показано подъ 1546 годомъ, что уже существовавшій городъ Черниговъ тогда сгорѣлъ, а Чудь то была еще задолго до начала этого города.

Въ настоящее время зыряне въ количествѣ около 100 т. живутъ въ Вологодской губернии, начиная съ Яренска, по всему сѣверо-востоку ея, и тысячъ 20 живетъ въ Архангельской губернии по р. Ижмѣ и называются тѣ зыряне Ижемскими. Языкъ ихъ, хотя общій для всѣхъ, имѣеть порядочныя различія по мѣстностямъ такъ, что напр. Яренскій зырянинъ говоритъ отлично отъ Усть-Сысольскаго, и, какъ говорятъ люди знающіе, весьма сходенъ съ чухонскимъ языкомъ. Не зная послѣдняго, мы можемъ только сказать, что зырянскій языкъ страшно примитивенъ, громадная масса словъ односложны, для многихъ отвлеченныхъ понятій совершенно нѣтъ словъ. Такъ напр. будто бы зырянскій счетъ весьма похожъ на счетъ финновъ: 1—ѳтикъ, 2—кыкъ, 3—куимъ, 4—ноль, 5—витъ, 6—квайтъ, 7—сизимъ, 8—кокъямысь, 9—ѳкмысь, 10—дась, 20—кызь, 30—комынь, сто—сѳ и т. д. Для примѣра односложности языка приведу нѣсколько словъ самыхъ обыкновенныхъ: Богъ — Ёнь, человѣкъ—морть, голова—юръ, глаза—синъ, носъ—ныръ, ротъ—вомъ, рука—ки, нога—кокъ, хлѣбъ—нянь, ложка—пань, ножикъ—пуртъ, дрова—песь, топоръ—черъ, огонь—би, земля—му, вода—ва, рѣка—ю, собака—понъ, лошадь—вѳвъ, корова—мѳсь, мясо—яй, медвѣдь—ошь и т. д. Глаголы большею частью двусложны и нѣкоторые даже трехсложны съ окончаніемъ неопредѣленнаго наклоненія на „ны“. Напр. ходить—ветлыны, сидѣть—пукавны, стоять—сулавны, писать—гижны, покупать—небны, продавать—вузавны и т. д. Есть и спряжения, но разобрать этого въ точности изъ разговоровъ съ зырянами нѣтъ возможности, а склоненій въ ихъ языкѣ намъ замѣтить не удалось, конечно, насколько мы могли заключить изъ распросовъ. Отвлеченныхъ понятій мы отъ нихъ не добились; понятія: жарко, холодно, темно, весело—это у нихъ есть, но когда мы спрашивали, какъ сказать: умный человѣкъ, справедливый человѣкъ, добрый человѣкъ—это все у нихъ выражалось однимъ словомъ „буръ“, что означаетъ хороши, и всѣ положительныя качества опредѣляются имъ, какъ словомъ „лѣкъ“ опредѣляются всѣ качества отрицательныя. Народъ очень религиозный, что можно заключить и изъ ихъ любви къ постройкѣ церквей, а если не церквей, то хотя часовенъ въ видѣ церквей съ

колокольней и колоколами или даже просто креста у какой-нибудь одинокой избушки и также изъ того, что, какъ мы замѣчали во время всей нашей поѣздки, почти каждый зырянинъ непремѣннымъ долгомъ своимъ считаетъ вечеромъ передъ сномъ и утромъ помолиться, оборотясь лицомъ на востокъ. Конечно это признаки религіозности чисто внѣшней, но вѣдь и у русскаго крестьянина она выражается не какимъ либо инымъ образомъ. Говорятъ, что зыряне народъ крайне мстительный и злопамятный, о чемъ судить мы возможности не имѣли, и весьма вѣроятно, что это и такъ, но изъ нашихъ наблюдений всетаки мы вынесли о нихъ впечатлѣніе самое хорошее: какъ народъ еще полудикій, въ немъ остались нѣкоторыя очень симпатичныя черты дикарей, напр. честность въ достаточной еще мѣрѣ, въ иныхъ случаяхъ прямо удивляющая человѣка, привыкшаго къ нашему крестьянству и его понятіямъ о честности, и, если у нѣкоторыхъ зырянь и попадаются весьма сомнительные поступки по отношенію къ честности, то это уже является плодомъ ихъ соприкосновения съ людьми „не дикими“, научившими ихъ надувать, чтобы не быть самимъ надутыми. Отъ не дикихъ же людей научились Ижемскіе зыряне и эксплуатировать страшнымъ образомъ совершенно дикихъ еще самоѣдовъ, доводя ихъ прямо до вымиранія спаиваніемъ водкой и отбирая отъ нихъ положительно все, что можетъ самоѣдъ заработать. Эти отрицательныя стороны зырянь намъ были мало замѣтны, не было случаевъ обнаруживаться имъ, но то, что мы ничего не прятали и не запирали и у насъ ничего не пропало, а напротивъ рабочіе насколько могли всегда берегли и смотрѣли за нашими вещами, есть уже качество прямо положительное. Затѣмъ зыряне необыкновенно чувствуютъ, если обращаются съ ними не какъ со скотиной, а какъ съ людьми и уже для того, кто съ ними обращается по-человѣчески, готовы расшибиться въ лепешку и просто не знаютъ чѣмъ услужить. Они очень гостепримны и радушны, живутъ довольно опрятно и чисто. Конечно наши наблюдения очень не полны, да мы вовсе и не задавались цѣлью изслѣдовать и изучить этотъ народъ, что уже сдѣлано кажется, эти же замѣтки о зырянахъ есть не болѣе какъ тѣ штрихи, которые намъ пришлось подмѣтить, проживъ съ ними недѣли три, бывая же въ деревняхъ и селахъ, мы вынесли впечатлѣніе, что зыряне, несмотря на буквально повсюду раздающіяся жалобы на малоземелье, плохіе урожаи и всякія напасти, живутъ всѣ зажиточно, куда богаче и сытѣе нашихъ мужичковъ; объясняется это тѣмъ, что они хорошо зарабатываютъ на промыслахъ охотничьихъ, рыболовныхъ и лѣсныхъ, устьсыольскіе еще кромѣ того и на горныхъ заводахъ, ижемскіе же почти всѣ ведутъ большую торговлю съ самоѣдами.

Наконецъ расчетъ конченъ, получены всѣ начаи, причемъ одинъ изъ моихъ ямщиковъ, Степанъ Деичъ, отказывается получить отъ меня на чай, прося взамѣнъ этого выслать ему фотографіи, снятыя съ нихъ

и съ его деревни, и мы отправляемся далѣ. Нѣкоторые изъ ѣхавшихъ съ нами остались въ Вотлахъ, пришлось нанять до Вогваздина новыхъ и составъ нашихъ рабочихъ сильно измѣнился, на нашей лодкѣ изъ старыхъ остался только Степанъ.

Отѣхавъ нѣсколько верстъ, мы останавливаемся на ночлегъ, а слѣдующи день, въ который намъ предстояло успѣть добраться до Вогваздина, былъ однимъ изъ лучшихъ изо всего нашего плавания на лодкахъ; и великолѣпная погода, и пріятное чувство отъ недалекаго уже конца всетаки тяжелаго путешествія на лодкахъ и величественный, красивый Вымъ—все это вмѣстѣ взятое поднимало наше настроеніе, дѣлало насъ какъ-то особенно жизнерадостными, веселыми. Уже съ утра насъ привѣтствовало глубокое голубое небо съ медленно плывущими по немъ бѣлыми пушистыми облачками, а надъ ними въ неизмѣримой синей выси стоятъ безъ движенія волны перистыхъ облаковъ; солнце уже палитъ зноемъ, глядѣтъ больно—такъ ярко все залито его лучами, ни малѣйшаго вѣтра, Вымъ какъ зеркало.

Послѣ долгой дичи и глуши, видна впереди какая-то деревенька, чистенькая, опрятная издали, съ своими приземистыми домами съ бѣлыми окнами, бѣленькой и чистенькой часовней, кругомъ нея воздѣланныя поля, ярко зеленыя на солнцѣ, загородки, покосы съ рядами кольевъ для стоговъ, а тамъ опять та же дичь и глушь, опять лѣса надвинутся

Деревни на Вымѣ

съ обѣихъ сторонъ, гдѣ сбѣгутъ къ самой водѣ кудрявые и густые, гдѣ оборвутся на горѣ и обнажатъ сверкающи на солнцѣ песокъ или тяжело краснѣющую глину и опять надолго ѣдешь глухими безлюдными мѣстами; уже все распустилось, лѣса закурчавились и подернутые синей дымкой уходятъ вдаль; тѣни облаковъ темными пятнами бѣгутъ по нимъ, опускаются въ рѣку и медленно выползаютъ на другой берегъ, прикроютъ иногда и насъ и все вокругъ становится какъ-то сѣро, близко, буднично, пропадаютъ искры на водѣ и перестаютъ сверкать слѣды нашихъ лодокъ, а проползетъ тѣнь и опять все заискрится и зарадуется въ солнечныхъ лучахъ.

Рѣка течетъ длиннѣйшими плесами, тихими и спокойными, то съ одной стороны, то съ другой подступаютъ горы, со щетиной еловыхъ лѣсовъ и пятнами свѣтлыхъ березокъ и красноватыхъ еще цвѣтущихъ

БУВАЊ ОНОГО СЕПТЕМА

осинь. Горы то идутъ однимъ берегомъ, то перекинутся на другой и уйдутъ куда-то вдаль, берегъ станетъ ниже и горизонтъ расширяется; далеко, далеко гдѣ-то едва замѣтнымъ столбомъ поднимается дымокъ, то ли подсѣку жгутъ, то ли бѣлый мохъ, высохшій до того, что хруститъ и рассыпается подъ ногами, вспыхнулъ отъ неосторожно брошенной спички и море огня разлилось кругомъ, клубясь и дымя, и съ трескомъ пожираетъ никѣмъ не охраняемый, беззащитный лѣсъ; а по берегамъ свистятъ кулички, изъ лѣса несется кукованіе кукушки, воздухъ рѣветъ надъ накаленнымъ прибрежнымъ пескомъ, высоко въ бездонной глубинѣ синяго неба кружить ястребъ.

За деревней „Кошки“ рѣка какъ бы упирается въ высокую, сплошь покрытую лѣсомъ, гору, надвинувшуюся откуда то издали съ лѣваго берега, и дѣлаетъ крутой поворотъ вправо, а дальше берега становятся все ниже и ниже и у Серегова горь уже нѣтъ. Проходимъ его, не останавливаясь, только съ берега подѣзжаетъ къ намъ лодка съ вѣстникомъ, мѣстнымъ земскимъ начальникомъ, сообщившимъ намъ еще только слухъ о роспускѣ Думы; островъ противъ Серегова теперь уже не голый, песчаный, а весь густо покрытъ свѣжей зеленью только что распустившихся ивовыхъ кустовъ; все также курятся варницы завода на берегу. Солнце уже начинаетъ склоняться, село Ляли и деревню Ыбъ мы проходимъ уже въ тѣни, брошенной на рѣку высокимъ берегомъ, только верхъ его и постройки освѣщены послѣдними лучами.

До Усть-Выма остается только 6 верстъ; начались совсѣмъ низкіе берега, какъ бархатомъ покрытые молодой травой; солнце уже совсѣмъ сѣло и исчезло въ легкомъ облачкѣ, а надъ нимъ медленно плывутъ лиловыя тучки самыхъ фантастическихъ формъ, вдали видны бѣлыя церкви Усть-Выма. Подѣзжаемъ къ Вычегдѣ, и она и Вымъ сливаются и страшно широкою кажется эта водная гладь, тихая какъ стекло и только слѣды нашихъ лодокъ чуть бороздятъ ея неподвижную поверхность; даль тонетъ въ голубомъ сумракѣ сливающагося съ горизонтомъ синяго неба, съ Вычегды доносится въ вечернемъ воздухѣ гармоничный ревъ какого-то парохода. Ширина и просторъ страшные, дышится какъ нигдѣ.

Въ самомъ устьѣ промѣряемъ глубину и получаемъ 1 аршинъ, полтора и 3 четверти, а одна изъ нашихъ лодокъ даже сѣла на мель— это уже глубина всего въ нѣсколько вершковъ; безконечные пески тянутся по берегамъ и длинными косами врѣзаются въ поверхность рѣки.

Наконецъ и Вычегда, и пароходъ. Послѣ столькихъ дней плаванія въ лодкахъ, ночевокъ на морозѣ подъ шубами, комариныхъ истязаній, свѣта только отъ солнышка да отъ костровъ, дымныхъ керокъ, лома въ лѣсу или мокроты въ болотахъ, нашъ пароходъ съ его каютами, умывальниками, электрическимъ освѣщеніемъ, постелями, конечно, показался намъ раемъ небеснымъ, но, все-таки, такой радости, какую мы

испытали при встрѣчѣ его на Вишерѣ, мы не могли уже ощущать, вѣроятно, главнымъ образомъ потому, что плавание по Выму само дало намъ пріятныя воспоминанія, а по Вишерѣ и вспоминать не хочется. Перебрались на пароходъ, распрощались съ рабочими и въ 12 часовъ ночи опять застучали наши машины и пароходъ, подрагивая, побѣжалъ внизъ по Вычегдѣ домой. Собственно говоря, путешествіе наше съ этого момента уже кончилось: намъ предстояло впереди совершенно обыкновенное плаваніе по Вычегдѣ, Сухонѣ, Двинѣ и Вологдѣ, ничего новаго, ничего неизвѣстнаго уже мы не могли тутъ встрѣтить, все это извѣстно всѣмъ, всякій тутъ бывалъ, и намъ даже стало жалко той дичи и глуши, въ которой мы пробыли столько времени.

Глава X.

Вычегда, Коряжемский монастырь, объѣдъ въ Устюгѣ, рѣчь губернатора, газетныя извѣстія объ экспедици Воронова, возвращение.

Утромъ рано 7-го июня прошли мы Яренскъ. Вычегда намъ кажется страшно населенной, та самая Вычегда, которая въ поѣздку нашу вверхъ по ней производила на насъ впечатлѣнныя дичи и глуши и, чѣмъ дальше, тѣмъ глуше и безлюднѣе; берега, кажется намъ, просто пестрятъ деревнями и селами и мы совершенно забываемъ о томъ, что деревни эти и села и вся населенность только по самому берегу, а въ глубь отъ него, за узенькой полосой земли, похожей на культурную, та же дичь и глушь, тѣ же болота и непроходимый ломъ, ничѣмъ не лучше, какъ и на Вымѣ, Вуквѣ и Ухтѣ.

Берега уже одѣлись теперь яркою, свѣжею зеленью, ровные съ громадными песчаными отмелями; по нимъ красиво раскинулись села и деревни, окруженные какъ бархатомъ ярко зеленѣющими полосами озимей или лиловыми пятнами паровыхъ полей, между ними рощи, овраги, заросшіе лѣсочкомъ и кустарникомъ, обрывы, а то опять пойдеть на нѣсколько верстъ дикіи лѣсы до слѣдующаго людскаго гнѣзда. Проѣзжая мимо лѣсовъ, во многихъ мѣстахъ видимъ сбрасываемые сверху къ самому берегу и заготовленные наверху штабели бѣлыхъ короткихъ бревенъ; это дрова для целлюлозы, вывозъ которыхъ границу все болѣе и болѣе увеличиваетъ. Для этой цѣли идетъ ель и осина, которыя заготавливаются очищенными отъ коры короткими бревнами 6 фут. длиною и 4 вершка въ диаметрѣ, совершенно гладкими, безъ вѣтвей и сучьевъ и продаются крестьянами на мѣстѣ по 6 руб. за кубикъ, но уже въ Архангельскѣ цѣна ихъ возвышается до 23 руб., а за границей до 28 руб. за кубъ. Спросъ на этотъ матеріалъ за границей все растетъ и промыселъ заготовки этого матеріала долженъ имѣть будущность, такъ какъ лѣса, подходящаго для этой цѣли, въ Вологодской губернии 30% общей площади лѣсовъ, а всего ихъ по губернии 27 миллионовъ десятинъ, слѣдовательно, годнаго для целлюлоз-

наго производства лѣса въ Вологодской губернии 8.100.000 десятинъ, т. е. 77,884 кв. версты — пространство больше, чѣмъ Греція, больше, чѣмъ двѣ Швейцарии.

Плоты на Вычегдѣ

идуть они по теченію, высылая въ опасныхъ мѣстахъ лодку, которая промѣряетъ глубину и, помахивая навязанною на палку бѣлою тряпкой, показываетъ имъ издали, куда слѣдуетъ держать, и эти неуклюжіе, пловучіе деревянные острова начинаютъ быстро помахивать своими рядами рулевыхъ веселъ и, медленно изворачиваясь, направляются по фарватеру. Жалко смотрѣть, какая колоссальная масса лѣса, какое огромное богатство уплываетъ у насъ изъ этихъ дикихъ краевъ за границу.

Въ одномъ мѣстѣ очень широкомъ, но, какъ оказалось, очень неглубокомъ, мы, разошедшись полнымъ ходомъ и никакъ не ожидая на этой ширинѣ предательской песчаной банки, со всего-то маху наскочили на мель и плотно на ней стали; глубина оказалась всего въ 1 аршинъ и мель какъ-то такъ ловко облегла насъ кругомъ, что мы никуда выбратъся не можемъ; пробуемъ и задни и передни ходъ, но результатомъ является только взбаломученная вода и ни на одинъ вер-

На р. Вычегдѣ

Братя Копачевската манастира

шокъ мы не подвигаемся. Пришлось спускать лодку, которая выискала въ какомъ направленіи глубина увеличивается, завезли якорь и лебедкой стали подтягивать къ нему носъ, кое-какъ стали пошевеливаться и наконецъ сползли съ мели, царапая дномъ по песку; потомъ глубина стала увеличиваться, весело застучали машины, забурлили винты и мы опять стали быстро рѣзать чуть рябющую поверхность Вычегды. Около полудня налетѣла гроза, пролила дождемъ, погромѣлъ громъ, молнии посверкали, первая гроза очистила воздухъ, а потомъ опять солнце засверкало и погнало съ голубого неба разорванные остатки грозovýchъ тучъ; деревушки, пестрыя поля, лѣса, рощи, обрывы бѣгутъ мимо, Вычегда чуть переливается подъ отвѣсными лучами солнца, даль тонетъ въ голубой дымкѣ.

Незадолго до Коряжемскаго монастыря рѣка дѣлаетъ сильный загибъ влѣво и долина ея расширяется непомѣрно, гористыя возвышенности, шедшія по ея лѣвому берегу, уходятъ далеко влѣво и видны едва уловимымъ голубымъ силуэтомъ, на лѣвомъ же берегу видѣнь и монастырь съ его кедровыми рощами. Онъ только недавно возстановленъ, а до того времени былъ заштатнымъ, и находится теперь именно въ періодѣ возстановленія, въ немъ идутъ стройки и поправки. Основанъ онъ въ 1535 году преподобнымъ Логгиномъ на самомъ берегу Вычегды, которая ранѣе шла за островомъ, а теперь, когда монастырь возстановили, бросила свое старое русло и пробила себѣ новое у самага подножія возвышенности, на которой стоитъ монастырь.

Коряжѣмскіи монастырь.

Братіи въ монастырѣ до 60 человѣкъ. Здѣсь покоятся подъ спудомъ мощи преподобнаго Логгина и находится гробница епископа Вятскаго Александра, здѣшняго уроженца, не канонизированнаго еще, и надъ гробницей котораго служатся панихиды, а не молебны, но народная вѣра давно уже сдѣлала его святымъ, и служащіи панихиду надъ его могилой ставятъ свѣчу въ подсвѣчникъ у его гробницы, какъ онъ ставитъ и Николаю Чудотворцу, и другимъ угодникамъ. Въ храмѣ интересны власяница преподобнаго Логгина, хранящаяся въ особомъ шкафу, келья, въ которой жилъ Александръ, и очень много старинныхъ иконъ и складней, принадлежавшихъ ему, хранящихся въ какомъ-то тайникѣ, куда пробираться приходится по узенькой, узенькой лѣсенкѣ,

выложенной въ массивной стѣнѣ храма. Въ монастырѣ имѣется двѣ кедровыхъ рощи и нѣсколько отдѣльныхъ кедровыхъ деревьевъ на берегу, которыя даютъ обильный урожай кедровыхъ шишекъ ежегодно.

За монастыремъ всѣ 15 верстъ до Сольвычегодска Вычегда течетъ уже все время въ низкихъ песчаныхъ берегахъ, дающихъ впечатлѣніе страшной шири и простора; проходимъ Сольвычегодскъ, только на минуту останавливаясь въ немъ, и идемъ къ Котласу. Теперь, когда уже все распустилось, впечатлѣніе этого мѣста слиянія двухъ могучихъ рѣкъ еще грандіознѣе, еще лучше, чѣмъ въ тотъ путь, ширина пейзажа ужасающая; до самаго горизонта, потонувшего въ синей дали и едва обозначающагося чуть замѣтной черточкой между рдѣющимъ закатомъ и его отраженіемъ въ тихой водѣ, раскинулась уходящая вдаль равнина воды, съ заросшими островами съ правой стороны и съ темной полосой берега съ лѣвой, выдающагося въ Двину вдаль высокимъ мысомъ, на которомъ силуэтомъ на фонѣ заката вырисовывается какая-то деревушка или село съ мерцающими огоньками.

Тихо догораетъ ясный закатъ и вода подъ нимъ какъ перламутровая переливается всѣми цвѣтами, а съ другой стороны неба ярко блеститъ луна и отражение ея мѣрно покачивается и искрится въ чуть зыблющейся водѣ. Огоньки на берегу, разноцвѣтные огни стоящихъ у берега пароходовъ, вечерняя тишь, нарушаемая только стукомъ нашихъ машинъ да доносящимся съ далекихъ луговъ скрипѣніемъ коростелей, и гаснущій закатъ наводятъ на душу удивительно мирное, спокойное настроеніе. Для насъ, уже примирившихся съ тѣмъ, что какъ только солнышко опускается за лѣсъ сейчасъ-же начинаетъ морозить, совершенно непривычно, что въ 12 часовъ ночи 15° тепла, и мы наслаждаемся этой первой теплой ночью и не можемъ оторваться отъ наслажденія чудно прекрасной картиной. Почти до самаго Устюга просидѣли мы на палубѣ.

Въ Устюгѣ намъ пришлось пробыть весь день 8-го юня до вечера, такъ какъ губернаторъ уступилъ здѣсь просьбамъ мѣстнаго общества, желавшаго непременно дать ему обѣдъ въ отвѣтъ на тотъ, который губернаторомъ данъ былъ всему Устюжскому обществу при проѣздѣ изъ Вологды 6-го мая. Такіе обѣды городскимъ обществамъ, вопреки обычая, по которому обыкновенно общества городовъ чествуютъ губернаторовъ обѣдами, у насъ на пароходѣ были въ каждомъ городѣ.

Въ 2 часа мы всѣ отправились въ городское общественное собраніе, гдѣ этотъ обѣдъ и состоялся. Все Устюжское общество безъ исключенія присутствовало и участвовало въ этомъ обѣдѣ; большой залъ собранія производилъ очень внушительное впечатлѣніе, когда въ немъ собралось челоуѣкъ 90 мѣстнаго чиновничества, купечества, городскихъ и земскихъ дѣятелей и посыпались на насъ, участниковъ экспедиціи, распросы о всемъ нашемъ путешествіи, гдѣ были, что видѣли и что нашли. Главнымъ образомъ интересовала всѣхъ нефть,

Видъ на Вичегду съ коломанни Коромежската манастира

значение которой, конечно, всѣми ясно сознается и всѣми предвидится тотъ огромный подъемъ всего края, который неминуемо будетъ, если только нефть будетъ добыта тамъ, на Ухтѣ. Въ отвѣтъ на правозглашаемые за обѣдомъ тосты за будущее процвѣтаніе нашего сѣвера, губернаторъ сказалъ слѣдующее:

„Глубоко благодаренъ вамъ, господа, за сочувствие, которое этимъ чувствованіемъ вы проявили такъ единодушно къ нашей экспедици, къ нашему стремленію освѣтить далекій неизвѣстный край, полный сказочныхъ богатствъ.

Въ переживаемое Россіей смутное время двѣ задачи являются у власти — одной рукой приходится сдерживать натискъ революци, бороться съ ней, другой рукой надо открывать новые пути къ приливу народнаго богатства, надо создавать условія для будущаго широкаго размаха нашей обновленной волею Государя родины.

Еще до назначенія въ Вологодскую губернію, я слыхалъ объ Ухтинской нефти и о томъ противодѣйствіи появленію ея на русскіи и иностранные рынки, которое устраивается лицами, заинтересованными въ монополии Бакинской нефтяной промышленности.

Вступивъ въ управленіе губерніею лѣтомъ 1906 года, несмотря на то, что вниманіе общества и власти отвлечено было въ сторону борьбы политической, мнѣ отъ дѣятелей разныхъ партіи постоянно приходилось слышать рассказы о сѣверной нефти; особенно настойчиво твердилъ о богатствахъ сѣвера многоуважаемый И. М. Шемигоновъ, другіе мои спутники по экспедици не отставали отъ него и вотъ въ маѣ этого года, какъ только позволили обстоятельства, мы, одушевленные одной идеей, двинулись въ далекій путь. Мы рѣшили добраться до сказочной Ухты, а для того, чтобы узнать насколько пригодны 27¹/₂ миллионновъ Вологодскихъ казенныхъ земель для переселенія—посѣтить самую худшую, по условіямъ жизни, мѣстность губерніи—лежащее непосредственно подъ нефтянымъ райономъ Небдинское лѣсничество на рѣкѣ Вишерѣ.

Вѣдь возможность расцвѣта нефтяной промышленности на Ухтѣ несомнѣнно тѣсно связана съ заселеніемъ казенныхъ земель Вологодской губерніи. Для нефтяной промышленности необходимо громадное количество мѣстныхъ рабочихъ рукъ, а для цѣлесообразности заселенія необъятныхъ пространствъ губерніи необходимъ мѣстный сбытъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ въ мѣстные промышленные районы.

Вдумайтесь, какую громадную пользу Россіи могли бы принести и притокъ на рынки дешевой сѣверной нефти и отливъ цѣлаго миллиона голодающаго малоземельнаго крестьянства для заселенія пустынной губерніи.

Кончилось бы властвованіе надъ промышленностью Нобеля и Ротшильда, кончилась бы легкая возможность для революционныхъ

комитетовъ давить на промышленность устройствомъ забастовокъ въ Баку. Въмѣсто того, чтобы тратить послѣднiя деньги на прокормление того самаго милліона голодающихъ, которые жаждутъ переселенiя, государство, поселивъ этихъ голодающихъ на половину хотя бы казенныхъ земель Вологодской губернии (13¹/₂ милліоновъ десятинъ), получило бы милліонъ плательщиковъ прямыхъ, а главное косвенныхъ налоговъ.

Если взять годовой бюджетъ средней, состоящей изъ 4 душъ, крестьянской семьи, обеспеченной землей, то онъ будетъ равняться 300 руб., изъ коихъ по всѣмъ статистическимъ выкладкамъ отъ 130 до 140 руб. уплачивается государству въ качествѣ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ.

Отдавая крестьянской семьѣ 30 десятинъ земли, казна теряетъ въ Вологодской губернии около 1¹/₂ руб., такъ какъ средняя доходность казенныхъ земель и лѣсовъ губернии не превышаетъ въ годъ 5—6 коп. съ десятины, а будетъ получать съ переселенческой семьи болѣе 100 руб. въ годъ.

Отъ Вологды мы тронулись въ путь по рѣкѣ того же наименованiя, впадающей въ вашу Сухону, а оттуда Двиной и Вычегдой до Устькулома и чѣмъ дальше, тѣмъ шире становились рѣки, тѣмъ неизвѣданнѣе оказывался необъятный край.

Спустившись обратно до Вишеры, мы прошли на пароходѣ около 100 верстъ по этой рѣкѣ, незначащейся въ числѣ судоходныхъ, а потомъ продолжали путь на лодкахъ.

Всюду дикiй клеверъ на рѣчныхъ долинахъ, всюду, гдѣ мы были, рѣчныя долины вполне пригодны для сельскаго хозяйства. Очевидно стало, что заселенiе по долинамъ рѣкъ возможно, возможна, значить, связь между нефтянымъ райономъ черезъ Небдинское лѣсничество съ южной частью Устьсысольскаго уѣзда, признанной уже учеными изслѣдователями и даже спептикомъ переселенческаго дѣла А. А. Кауфманомъ *) пригодной для заселенiя, съ рѣкой Вычегдой и съ остальнымъ миромъ.

Спустившись назадъ по Вишерѣ и по Вычегдѣ до впаденiя въ нее рѣки Выма, мы снова около 135 верстъ поднялись на пароходѣ по неизвѣданной, нечислящейся въ числѣ судоходныхъ, громадной рѣкѣ, а затѣмъ 216 верстъ отъ пороговъ на лодкахъ продолжали путь по Выму и Шомвуквѣ до переволока.

Отъ переволока на тѣхъ же лодкахъ мы отправились по самой Ухтѣ и въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ уже стали встрѣчать плывущую по рѣкѣ нефть, пузырьки нефтяного газа, вспыхивающiе при приближенiи спички, и естественные выходы нефти изъ береговъ. Опре-

*) А. А. Кауфманъ. Материалы и соображенiя по вопросу о колонизации свободныхъ земель сѣверо-восточныхъ губерній. Спб. 1902 г.

дѣлать, имѣется ли на Ухтѣ количество нефти, представляющее интересъ для промышленности страны, могло бы только глубокое бурение, связанное съ научными изслѣдованіями мѣста, но наша цѣль—выяснить, правда-ли, что на Ухтѣ имѣются внѣшніе признаки скрытыхъ въ нѣдрахъ нефтяныхъ богатствъ,—была рѣшена.

Мы можемъ теперь громко говорить о необходимости приступить къ научному изслѣдованію серьезности этихъ богатствъ, къ выясненію, богатъ ли нашъ Сѣверъ или видимые наружные признаки этого богатства обманчивы и не стоятъ того, чтобы мысль отвлекалась ими отъ производительной работы гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ.

Мы поняли, что оставить районъ Ухтинской нефти безъ всесторонняго изслѣдованія недопустимо съ точки зрѣнія государственнаго разума, также какъ оставить безъ промѣра необъятныя сѣверныя рѣки, безъ изученія безпризорныя лѣса и горныя богатства сѣвернаго Урала.

Вокругъ рѣкъ тѣ же луга и долины, покрытыя дикимъ клеверомъ, указывающія на возможность клевернаго хозяйства и связаннаго съ нимъ скотоводства, тѣ же свѣдѣнія, что и на Вишерѣ, объ отличныхъ урожаяхъ на подсѣкахъ, объ урожаяхъ при хорошемъ удобреніи, та же возможность осушенія болотистыхъ пространствъ и обращенія ихъ въ луга, устройства целлюлозныхъ заводовъ, для которыхъ такъ пригоденъ растущіи на болотистыхъ мѣстахъ лѣсъ, тѣ же необъятныя лѣса во главѣ съ однимъ лѣсничимъ на миллионъ десятинъ, приблизительно при восьми или десяти лѣсникахъ.

Яркимъ доказательствомъ пригодности земли къ сельскому хозяйству можетъ служить заброшенный въ лѣсахъ около Выма женскій Крестовоздвиженскій монастырь: принадлежащій ему лѣсъ среди покрытыхъ мохомъ лѣсовъ представляетъ изъ себя зеленый коверъ травъ и ягодъ, усѣянъ грибами—послѣ того, какъ монахини сняли покровъ мха; долины небольшой рѣчки освобождены отъ лѣса, пни на нихъ выкорчеваны и долины представляютъ изъ себя заливные луга, поросшие клеверомъ; пахотныя поля, отлично унавоженныя, даютъ хорошіи урожаи ржи, овса и картофеля; вотъ что значитъ приложить къ землѣ трудъ разумный и послѣдовательный. Крестовоздвиженскій монастырь можетъ служить прекрасной опытной станціей и если бы министерство земледѣлія занялось устройствомъ такихъ же показательныхъ фермъ, хотя бы по одной на миллионъ десятинъ казенной земли, послѣдняя не оставалась бы бездоходной и лѣсной пустыней.

Земля наша велика и обильна—издавна слышится въ нашей странѣ, но странно становится, когда столкнешься съ хозяйничаніемъ надъ этимъ обиліемъ.

На 27¹ 2 миллионѣвъ казенной земли Вологодской губерніи для „опытной культуры“ отпускается въ годъ 50 рублей, т. е. менѣе 2 рублей на миллионъ десятинъ земли. Въ завѣдываніи Печорскаго лѣсничаго и его десятка лѣсниковъ, принужденныхъ передвигаться зимой на лыжахъ

а лѣтомъ на лодкахъ, пиhaемыхъ шестами, находится около 5 миллионъ казенной земли.

Много надо сдѣлать для нашего Сѣвера, чтобы пробудить его отъ вѣкового сна, необходимо изучить и описать громадныя лѣсныя пространства, истребляемыя пожарами, гниениемъ; надо изучить прорѣзающія ихъ рѣки, соединить каналами систему Двины и Печоры, запертой льдами отъ всякаго сбыта болѣе 10 мѣсяцевъ въ году, чтобы, пропадающій даромъ почти въ Печорскомъ бассейнѣ, лѣсъ получилъ выходъ черезъ Печору, притокъ ея Сѣверную Мылву, Иктыль, впадающій въ притокъ Вычегды Южную Мылву, Вычегду и Двину къ Архангельску. Вѣдь для этого надо перекопать только $4\frac{1}{2}$ версты переволока между сѣверной и южной Мылвами. Надо покрыть этотъ край сѣтью опытныхъ сельскохозяйственныхъ станцій, целлюлозныхъ и другихъ заводовъ, извлекающихъ изъ дерева разныя цѣнности, надо использовать силу рѣчныхъ пороговъ тамъ, гдѣ они не мѣшаютъ судоходству—и все это будетъ, если нефтяныя богатства, раскинутыя на 400 тысячахъ десятинъ, съ рѣкою Ухтою въ центрѣ, обратятъ на себя внимание правительства и общества и будетъ проложена къ Ухтѣ дорога, доступная предпринимателямъ. Дорога эта должна пойти отъ центра нефтяныхъ мѣсторожденій до рѣки Вычегды длиною около 200 верстъ и стоимостью въ среднемъ около 200 тысячъ. По этой колесной дорогѣ можно будетъ провезти машины для бурения и доставлять припасы рабочимъ. Машины сдѣлаютъ свое дѣло и какъ только выяснится торговое количество нефти, сами собою организуются компании для постройки нефтепровода, желѣзной дороги или приспособлень будетъ указанный выше водный путь для нефти съ присоединеніемъ къ нему Ухты и Ижмы. Неподалеку отъ нефтяныхъ мѣсторожденій находятся залежи сѣрнаго колчедана, необходимаго для выдѣлки сѣрной кислоты, очищающей нефть. Цѣлый рядъ заводовъ для продуктовъ изъ нефти выростетъ одинъ за другимъ, а спокойное Сибентьевское озеро около Яренска будетъ служить зимовкою для громаднаго каравана керосиновыхъ и нефтяныхъ баржей.

Вотъ что рисуется въ моемъ воображеніи, если внѣшніе признаки нефти соотвѣтствуютъ подземнымъ озерамъ ея, и для опредѣленія, богатъ-ли край, нужно только нѣсколько сотъ тысячъ на первоначальную грунтовую дорогу и бурение.

Господа, неужели вы, граждане стариннаго Великаго Устюга, еще въ средніе вѣка установившаго торговлю съ Европой, не откликнитесь, не придете на помощь оживленію Русскаго Сѣвера.

Революціонныя бури много воды выдули изъ многоводной когда-то рѣки,—народнаго богатства,—и нашъ государственный корабль скоро можетъ сѣсть на мель. Уже раздаются голоса, что надо разгрузить его—разстаться съ добытыми міровой исторіей цѣнностями въ области культуры и права, напр., правомъ собственности, съ цѣнностями

русскаго духа, русскихъ вѣрованіи. Другіе говорятъ даже, что надо совсѣмъ бросить его и пересѣсть на мелкія лодочки подъ флагами кавказскихъ, польскихъ и прочихъ инородческихъ автономій. Для того, чтобы отстоять намъ государственнѣйшій корабль, для того, чтобы при помощи представительнаго законостроительства двинуть его впередъ, подъ завѣтнымъ національнымъ знаменемъ Православія, Самодержавія и народности, нуженъ приливъ новыхъ цѣнностей въ рѣку народнаго богатства и Сѣверъ дать эти цѣнности, если къ нему приложить руки всѣ тѣ, кому свято и дорого это наше русское самобытное национальное знамя“.

По окончаніи объѣзда, напутствуемые благими пожеланіями и провожаемые радушными хозяевами, мы прямо поѣхали на пароходъ и тотчасъ-же отправились далѣе. Устюгъ теперь со своею жизнью на рѣкѣ, пароходами, лодками, нагрузкой и выгрузкой баржей, своими сверкающими куполами и крестами множества церквей, производитъ на насъ, вернувшихся изъ края тишины, пустынности и безлюдья, впечатлѣніе страшной оживленности и мы не можемъ оторваться отъ созерцанія уходящаго отъ насъ все далѣе и далѣе, становящагося все меньше и меньше, этого прекраснаго города, потонувшаго, наконецъ, въ вечернемъ сумракѣ; вотъ еще блеснулъ искоркой крестъ на какой-то колокольнѣ и Устюгъ пропалъ изъ нашихъ глазъ.

Изъ Устюга мы захватили съ собою газеты и тутъ впервые прочли извѣстіе объ экспедиціи Воронова, отправляющейся на Ухту добывать нефть. Невольно у насъ зародилось сомнѣніе, не является-ли она опять чѣмъ-нибудь въ родѣ компании Канкринъ или одной изъ разновидностей такихъ же препятствій, какія ставились въ старое время Сидорову, не стоитъ ли она въ какой-нибудь связи съ бакинскими нефтяными королями, для которыхъ, конечно, выпускъ ухтинской нефти на рынокъ грозитъ страшною катастрофой. Невѣроятнымъ и необъяснимымъ показалось намъ соглашеніе министерства съ Вороновымъ.

Устюгъ.

Сухона

шапкой покрытыя лѣсомъ, пологимъ скатомъ спускающіяся къ рѣкѣ, то сразу обрываются онѣ отвѣсными стѣнами въ рѣку; лѣсъ и кусты ползутъ по ихъ промоинамъ внизъ, доползая въ иныхъ мѣстахъ до самой воды, въ иныхъ мѣстахъ такой густой массой, что только кое-гдѣ на фонѣ ихъ темной зелени видны то бѣлыя, то красныя свѣтлыя плѣшины обрывовъ.

Опоки мы проходимъ ночью при неугасающей зарѣ, безоблачномъ блѣдномъ небѣ и совершенно спокойной водѣ; вѣтеръ ощущается только отъ движения парохода, разсѣкающаго зеркальную поверхность Сухоны; длиныя струи бѣгутъ за пароходомъ и на нѣсколько времени взволнуютъ рѣку, а впереди она идетъ такая величавая, такая спокойная.

Тотъму проходимъ также ночью, проѣхавъ цѣлый день среди начи-

Сухона между Устюгомъ и Тотьмой все время течетъ между высокихъ береговъ; горы все время идутъ то по одному, то по другому берегу, то почти отвѣсною стѣной, ровной и гладкой, со слоями разноцвѣтныхъ пластовъ поднимаются онѣ отъ самой воды, кое-гдѣ размытыя и съ обвалами, покрытыя сверху лѣсомъ, то идутъ круглыми холмами съ увалами между ними, съ деревушками и селами, окруженными бархатомъ зеленой, то отдѣльныя горы, какъ

Сухона

нающей извиваться въ высокихъ еще берегахъ Сухоны, такъ что съ каждымъ поворотомъ открываются все новыя и новыя панорамы; все еще шли горы съ лѣсами и обрывами, но къ Тотъмѣ берега начинаютъ замѣтно понижаться, а за нею идутъ обыкновенные берега вплоть до тѣхъ мѣстъ, гдѣ уже они начинаютъ быть совершенно низкими и остаются такими вплоть до Вологды.

Къ мѣсту слиянія Сухоны и Вологды мы подходимъ уже ночью, теплою, тихою, съ пылающей на сѣверѣ зарей; съ безконечныхъ луговъ доносится до насъ скрипъ безчисленныхъ коростелей, въ прибрежныхъ кустахъ заливаются соловьи, блѣдная луна не свѣтитъ, а только низко сияетъ на тяжелой синей противоположной зорѣ сторонѣ неба и отражение ея дробится, искрится и переливается въ волнующемся слѣдѣ нашего парохода.

Издали доносится ревъ идущаго намъ навстрѣчу парохода, а потомъ изъ-за заворота извивающейся рѣки выдвигается его бѣлая громада, сверкающая огнями, съ публикой на балконѣ, тоже наслаждающейся чудной ночью среди безконечныхъ луговъ; оттуда кто-то кричитъ намъ какое-то привѣтствие; разошлись, исчезъ онъ за поворотомъ, но долго еще видѣнъ плывущий по лугамъ огонекъ на его мачтѣ и слышно все тише и тише шлепанье его колесъ.

Сухона.

На самомъ разсвѣтѣ замелькали мимо насъ знакомые дома Вологды, церкви, потянулись безконечные плоты у береговъ, все тихо, пустынно, ни души нигдѣ, глухая ночь. Пароходъ подошелъ къ пристани и будни жизни начались, будни, въ которыхъ намъ путеводнымъ огонькомъ будетъ свѣтить надежда выполнить вторую, дальнѣйшую и неразрывно съ первой связанную часть изслѣдованія полного богатствъ сѣверо-востока губернии. Весь Печорскій край, весь Вологодскій Уралъ забыты пока совершенно и всѣ ихъ богатства лежатъ безъ всякаго движенія; дать имъ толчокъ, пустить въ ходъ промышленность въ томъ краю, дать выходъ всѣмъ этимъ богатствамъ въ общую массу богатствъ Россіи—какая соблазнительная мысль, стоящая чтобы поработать надъ ней, положить свои силы на это дѣло. И все это возможно; невольно уже зарождались у насъ мысли о необходимости изслѣдовать въ будущемъ году и выяснить возможность соединенія Вычегды съ Печорой, черезъ притокъ первой

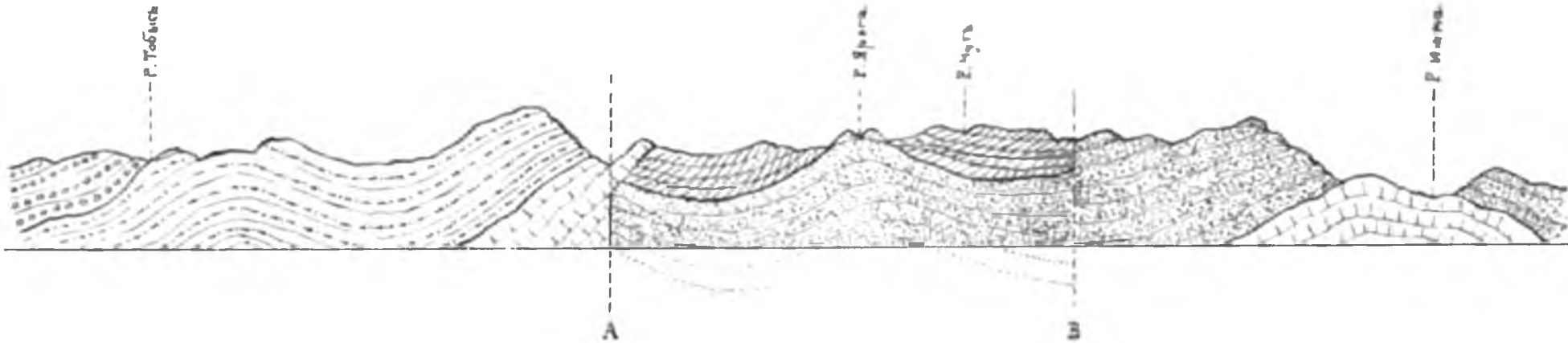
Южную Мылву съ Иктылемъ и притокъ второй Сѣверную Мылву; рѣки эти допускаютъ вполнѣ судоходство по нимъ, а раздѣлены онѣ волокомъ всего въ $4\frac{1}{2}$ версты; а затѣмъ изъ Печоры и Илычемъ и Щугоромъ Ухтинская нефть легко могла бы быть подана на самый Уралъ и преобразился бы онъ, застучали бы тамъ машины, свистки выросшихъ заводовъ стали бы будить вѣковую тишину таинственныхъ его лѣсовъ, и серебро, и мѣдь, и другіе металлы широкою рѣкою потекли бы оттуда на рынокъ съ пустующихъ нынѣ изъ-за отсутствия путей сообщенія съ центромъ рудниковъ. Все это есть тамъ, только скрыто это все и нелегко вызвать его на свѣтъ Божій. Попробуемъ.

С Устье-Толшевское на р. Сухонѣ.

ГЕОЛОГИЧЕСКІЙ РАЗРѢЗЪ

МѢСТНОСТИ ПО РѢКѢ УХТѢ.

Крайнеювѣтная
Пермска толща

На ченноугравные
известники

Девонскій
горизонтъ.

Пермо-маргаретскій
горизонтъ.

Горизонтъ со
зрѣлым Анзофскъ
(средній Анзофскъ)

ВОЛОГОДСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

Масштабъ 175 в. въ дюймъ.

Швейцарія Бельгія и Голландія
въ томъ же масштабѣ

КАРТА

ПУТЕЙ ЭКСПЕДИЦИИ.

Условныя обозначенія.

- Губернская граница.
- - - - - Уездная граница.
- ~ Рѣки.
- Дороги.
- ... Тропы.
- ▨ Болото.
- ⊕ Городъ.
- ♂ Село.
- Деревня.

